АКАДЕМИЯ НАУК СССР

ИНСТИТУТ ИСТОРИИ

=Matiugin, A.

А. А. МАТЮГИН

РАБОЧИЙ КЛАСС СССР

В ГОДЫ ВОССТАНОВЛЕНИЯ НАРОДНОГО ХОЗЯЙСТВА (1921—1925)

ИЗДАТЕЛЬСТВО АКАДЕМИИ НАУК СССР

МОСКВА 1962

THE HOOVER LIBRARY

BD

HD 8526
M 433

ОТВЕТСТВЕННЫЙ РЕДАКТОР

З. А. АСТАПОВИЧ

THE HOOVER LIBRARY

ВВЕДЕНИЕ

В период перехода от капитализма к социализму советское общество переживало очень сложный и трудный процесс революционного преобразования классовой структуры. Под руководством Коммунистической партии были созданы новые производственные отношения, ликвидированы эксплуататорские классы. Одновременно и в тесной связи с этой борьбой против сил и традиций старого мира в советском обществе происходили всемирно-исторического значения явления, сущность которых заключалась в создании монолитного единства советского народа. В центре всех этих явлений находился процесс консолидации рабочего класса.

Консолидация рабочего класса — это его сплочение и объединение в единый господствующий класс на базе поднимающейся крупной социалистической промышленности. Она проявлялась в возвращении рабочих на фабрики и заводы, в количественном и качественном росте рабочего класса, в политическом и идейном сплочении рабочих вокруг своей Коммунистической партии и Советской власти, в численном росте и укреплении пролетарского ядра РКП(б), в трудовом и политическом подъеме рабочих масс, участии рабочих в органах управления страной и народным хозяйством.

Результатом консолидации рабочего класса явились саморазложение и самораспад партий меньшевиков и эсеров и других мелкобуржуазных партий и групп, укрепление государства пролетарской диктатуры и успешное социалистическое строительство.

Процесс консолидации не ограничивался восстановительным периодом. Он начался сразу после Октября 1917 г., продолжался с известными ограничениями в своеобразных военно-политических условиях гражданской войны, бурно протекал в 20-х и начале 30-х годов и завершился в годы второй пятилетки.

В первой половине 20-х годов консолидация составляла стержневой процесс в развитии рабочего класса. Однако ею не исчерпывалась вся сложность и многогранность этого развития.

ОГЛАВЛЕНИЕ

Введение 3

Глава I. Основные итоги развития рабочего класса в годы гражданской войны и иностранной военной интервенции 21

У руководства страной 21
С производства — в Красную Армию 36
Концентрация и консолидация рабочих в оборонной промышленности. Трудовой героизм рабочего класса 46
Мероприятия партии и правительства по борьбе с распылением и деклассированием пролетариата 61

Глава II. Курс партии на подъем промышленности и укрепление рядов рабочего класса на путях нэпа 78

Значение ленинского плана Гоэлро для роста, формирования и консолидации рабочего класса 78
Перестройка отношений между рабочим классом и трудовым крестьянством 87
Перестройка управления промышленностью. Концентрация производства 96
Частичное допущение капитализма в промышленности . . . 107

Глава III. Перестройка системы заработной платы и методов привлечения рабочей силы 117
Переход Советского государства к новой тарифной политике . . 117
Новые формы привлечения рабочей силы в промышленность . . 134

Глава IV. Улучшение материального положения рабочих . . . 146

Преодоление трудностей при осуществлении ленинской политики повышения реальной заработной платы 146
Борьба за улучшение условий труда и быта 169
Борьба с безработицей 189

Глава V. Количественный рост рабочего класса, изменение его состава 197

Подъем промышленности и динамика численности рабочего класса 197
Возвращение квалифицированных рабочих кадров в промышленность 211
Прилив новых рабочих. Значение отходничества 219
Повышение культурно-технического уровня фабрично-заводских рабочих 230
Изменения в составе фабрично-заводских рабочих 243

Глава VI. Трудовой подъем рабочего класса 260
Воспитание нового отношения к труду и производственная пропаганда 260
Коммунистические субботники. Ударники и герои труда . . . 276
Новый этап в борьбе за повышение производительности труда. Производственные совещания 294

Глава VII. Новый период в политическом развитии рабочего класса. 316
Сплочение рабочего класса вокруг Коммунистической партии . . 316
Передовая роль рабочего класса в хозяйственном и государственном строительстве 326
Советский рабочий класс и международный пролетариат . . . 343

Заключение 355

Александр Андреевич МАТЮГИН

Рабочий класс СССР в годы восстановления народного хозяйства (1921—1925)

Утверждено к печати Институтом истории Академии наук СССР

Редактор издательства *Т. Б. Кинд.* Технический редактор *В. Г. Волкова*
Художник *В. В. Ашмаров*
Корректор *В. Г. Богословский*

РИСО АН СССР 45-85В.
Сдано в набор 29/XI 1961 г. Подписано к печати 5/III 1962 г. Формат 60×90¹/₁₆.
Печ. л. 22³/₄ Усл. печ. л. 22,75 Уч.-изд. л. 24,7 Т-02553
Тираж 1600 Изд. № 5246. Тип. зак. № 4112
Цена 1 р. 68 к.

Издательство Академии наук СССР. Москва, Б-62, Подсосенский пер., 21
2-я типография Издательства Академии наук СССР. Москва, Шубинский пер., д. 10

ИСПРАВЛЕНИЯ

Стр.	Строка	Напечатано	Должно быть
79	7 св.	индустрии: всего	индустрии. Всего в промышленности было занято
84	15 сн.	280	230
100	4 св.	школы	школой
104	1 сн.	79	78
	2 сн.	78	79
109	11 св.	прибыльной	«прибыльной
177	24 сн.	тыс.	млн.
258	9 сн.	5,2	5,4
	11 сн.	457,3	452,3
329	31 сн.	121 755	124 755

А. А. Матюгин. Рабочий класс СССР в годы восстановления народного хозяйства.

и Б. С. Шпак «Об участии американских рабочих в восстановлении народного хозяйства Советской республики»[33]. Можно назвать и другие книги, в которых отражается тема солидарности и братства между рабочими СССР и пролетариатом зарубежных стран[34]. В 1957—1959 гг. Главное архивное управление СССР выпустило три содержательных документальных сборника о международной солидарности рабочих[35]. Однако эта тема во всей ее многогранности изучена еще недостаточно.

Трудовая деятельность рабочих в восстановительный период протекала в различных секторах народного хозяйства. Подавляющая их часть трудилась в социалистическом секторе. Естественно, что историки в первую очередь обращали внимание на эту категорию рабочих. Судьбой же наемных рабочих частного сектора они интересовались меньше[36], хотя эта группа трудящихся была довольно значительной. В настоящее время, когда перед историками стоит задача выяснить все стороны процессов консолидации и формирования советского рабочего класса, требуется проследить исторический путь и тех отрядов рабочих, которые в 20-е годы работали в капиталистическом секторе, а позднее влились в единую армию строителей социализма и коммунизма.

Хорошим началом в изучении этого вопроса является статья Т. К. Рафаиловой «Положение рабочих и классовая борьба на частнокапиталистических предприятиях в период нэпа (1921—1929 гг.)»[37]. Некоторые сведения о положении рабочих в капиталистической промышленности и их борьбе против эксплуатации приводятся в книге И. Трифонова[38].

Большое значение для развития советской исторической науки и всей идеологической работы Коммунистической партии имеют обобщающие труды по истории рабочего класса национальных республик и важнейших промышленных центров. Со-

---

[33] «История СССР», 1961, № 1.

[34] Пын-Мин. История китайско-советской дружбы. М., 1959; М. В. Парнев. Октябрьская революция и международная солидарность трудящихся в 1917—1923 гг.— Уч. зап. Шуйский гос. пед. ин-т, вып. VIII. Шуя, 1959; М. С. Кудин. Борьба международного пролетариата за поддержку СССР в 1924—1927 гг.— Вестник Ленинградского ун-та, № 8. Серия истории, языка и литературы, вып. 2. Л., 1960.

[35] «Боевое содружество трудящихся зарубежных стран с народами Советской России (1917—1922)». М., 1957; «Пролетарская солидарность трудящихся в борьбе за мир (1917—1924)». М., 1958; «Международная солидарность трудящихся в борьбе с наступлением реакции и военной опасностью (1925—1927)». М., 1959.

[36] В 1926 г. была издана книга Г. Белкина «Рабочий вопрос в частной промышленности», где в практических целях определялись методы борьбы с эксплуатацией труда в капиталистических предприятиях.

[37] Тр. Ленинградского технолог. ин-та им. Ленсовета, вып. XLVII. Сб. работ кафедры марксизма-ленинизма. М., 1958.

[38] И. Трифонов. Очерки истории классовой борьбы в СССР в годы нэпа (1921—1937). М., 1960.

лидный вклад в это дело внесли историки Украины, Казахстана, Узбекистана, Азербайджана и других республик. Однако таких исследований, в которых полностью бы раскрывалась эта тема, все еще недостаточно.

В последнее время историки заинтересовались вопросами консолидации и формирования рабочего класса. В 1957 г. в Туле была опубликована книга К. Князевой «Борьба тульской партийной организации за сплочение рабочего класса в первые годы нэпа. 1921—1923 гг.» В Киеве в 1959 г. вышла книга Н. В. Черненко «Борьба Коммунистической партии за восстановление промышленности и консолидацию рабочего класса Украины в 1921—1925 гг.» В этих исследованиях приводится много ценных фактов, однако проблема консолидации рабочего класса остается в них не разработанной.

Консолидация рабочего класса до сих пор освещалась довольно поверхностно. Обычно она отождествлялась с восстановлением и собиранием рядов фабрично-заводского пролетариата и раскрывалась как явление исключительно количественного порядка. На самом деле, как указывалось выше, консолидация означает не только рост числа рабочих, но и качественные, социальные изменения в структуре рабочего класса, перегруппировку составных его частей, рост политического сознания и т. д. Нельзя признать правильными и выводы некоторых историков о том, что этот процесс завершился в 1924 [39] или в 1925 г., так как в это время существовали безработица и аграрное перенаселение в деревне, а часть рабочих была занята в частнокапиталистическом секторе. Консолидация советского рабочего класса завершилась на базе единой социалистической экономики.

Большой интерес в последние годы вызывают вопросы формирования рабочего класса в национальных республиках. Изучением их занимаются многие историки.

В Ташкенте опубликовано несколько работ, целиком посвященных формированию рабочего класса Узбекистана [40] или затрагивающих эту тему. В Алма-Ате в 1958 г. вышла небольшая, но содержательная брошюра А. А. Байшина «Исторические этапы формирования рабочего класса в Советском Казахстане». Автор ее пришел к интересному и правильному выводу о том, что «период восстановления народного хозяйства для Казахстана явился также периодом сплачивания и начальным этапом

---

[39] О. И. Шкаратан. Изменения в социальном составе фабрично-заводских рабочих Ленинграда. 1917—1925 гг.— «История СССР», 1959, № 5, стр. 32.

[40] К. А. Акилов. Из истории формирования рабочего класса в Узбекистане (1929—1931 гг.).— В кн. «Из истории Советского Узбекистана», сб. статей. Ташкент, 1956; Т. С. Мельникова. Формирование промышленных кадров в Узбекистане. Ташкент, 1956; Ж. Н. Ульмасбаев. Промышленное развитие Советского Узбекистана. Ташкент, 1958; М. Караханов. Формирование кадров рабочего класса в Туркестанской АССР.— Изв. Академии наук УзССР, серия общественных наук, 1959, № 2, и др.

ственные отряды было мобилизовано 74 689 рабочих, на ответственную продработу — 5403, а всего, таким образом, 80 092 человека. В отчете ВЦСПС указывалось, что некоторые рабочие по нескольку раз участвовали в продовольственных отрядах. Там же подчеркивалось, что «число вовлеченных рабочих на продработу значительно выше, ибо нет полных сведений о количестве мобилизованных и оставленных для работы на местах» [31].

Подавляющая часть продотрядов формировалась в центральных промышленных губерниях. Так, из 30 534 членов продовольственных отрядов, созданных в 37 губерниях с 1 сентября 1918 г. по 1 января 1920 г., на губернии Центральной России приходилось [32]:

Москва и Московская	8637
Иваново-Вознесенская	3442
Владимирская	3140
Петроградская	2768
Тверская	1697
Калужская	879
Нижегородская	824
Ярославская	598
Костромская	506
Итого	22 491

Таким образом, девять промышленных губерний Центральной России дали 73,6% общего числа продотрядников. Особенно много рабочих послали Московская, Иваново-Вознесенская, Владимирская, Петроградская, Тверская губернии, которые являлись главным источником формирования продовольственных отрядов.

Рабочие, входившие в продовольственные отряды, выступали в деревне в качестве представителей руководящего класса пролетарского государства. Их деятельность смыкалась с деятельностью сознательного сельского пролетариата и деревенской бедноты.

Продовольственным отрядам пришлось преодолевать ожесточенное сопротивление кулачества. Немало участников продотрядов пало от руки бандитов. В моменты, когда на фронте складывалась трудная обстановка, продотряды, находившиеся в прифронтовой полосе, вливались в регулярные части Красной Армии и вместе с ними с оружием в руках защищали Советскую республику.

Приведенные выше сведения об участии рабочих в строительстве продовольственного аппарата не являются исчерпы-

[31] «Отчет ВЦСПС (март 1920— апрель 1921 г.)». М., 1921, стр. 179.
[32] «Отчет ВЦСПС за 1919 г.» М., 1920, стр. 123.

вающими. Они не охватывают продовольственную армию, рабочую продовольственную инспекцию и уборочные отряды.

Продовольственная армия состояла из частей войск внутренней охраны. Ее назначение — заградительная служба на дорогах, на железнодорожных и водных путях, охрана складов, ссыпных пунктов и конвоирование поездов. Продовольственная армия набиралась из добровольцев и призванных в Красную Армию, но оказавшихся по состоянию здоровья негодными к несению военной службы.

Органы рабочей продовольственной инспекции, состоявшие из наиболее сознательных рабочих, осуществляли контроль за деятельностью учреждений Наркомпрода и продовольственных организаций на местах.

Уборочные отряды создавались только на время уборки урожая. В этих отрядах участвовали преимущественно рабочие бездействовавших фабрик и заводов. В 1919 г., например, на полевых работах в различных районах страны приняло участие 30 тыс. текстильщиков [33].

Исключительно больших усилий от рабочего класса и его партии потребовало создание нового, социалистического управления народным хозяйством.

Первым шагом на этом пути являлся рабочий контроль над общественным производством и распределением продуктов, введенный Советским правительством 14 ноября 1917 г. В ходе осуществления контроля из рядов рабочего класса выделились первые кадры советских хозяйственников, организаторов социалистической промышленности. В 1918 г. был совершен переход от рабочего контроля к рабочему управлению национализированными отраслями народного хозяйства. Это было самое крупное достижение первого года пролетарской диктатуры. Оно стоило гигантских усилий. Для заведования промышленными предприятиями нужны были опытные специалисты, но их было мало, ибо значительная часть старой технической интеллигенции стояла по ту сторону баррикад, вела борьбу с Советской властью.

С самого начала развития советской промышленности стала определяться и форма управления ею, в основу которой в соответствии с природой социалистической собственности на орудия и средства производства был положен принцип демократического централизма, разработанный В. И. Лениным. Сущность этого принципа заключается в гармоническом сочетании планового, осуществляемого единым центром руководства народным хозяйством с возможностью «полного и беспрепятственного развития не только местных особенностей, но и местного почина, местной инициативы, разнообразия путей, приемов и средств движения к общей цели» [34].

[33] Там же, стр. 201.

[34] В. И. Ленин. Соч., т. 27, стр. 181.

Единства воли и планомерной централизации требует крупная машинная индустрия. Из этого же источника, т. е. из крупной машинной индустрии, вырастает и социализм, который, следовательно, немыслим без единого плана, без централизованного руководства производственным процессом. Осуществить же это единое централизованное руководство может лишь аппарат социалистического государства. «Социализм порожден крупной машинной индустрией,— писал В. И. Ленин.— И если трудящиеся массы, вводящие социализм, не сумеют приспособить своих учреждений так, как должна работать крупная машинная индустрия, тогда о введении социализма не может быть и речи» [35].

С другой стороны, демократический централизм не исключает, а предполагает самодеятельность местных организаций в выработке разнообразных форм государственной, общественной и экономической жизни. Правильно понятый демократический централизм в управлении народным хозяйством означает участие в нем широких масс и прежде всего рабочих. Нельзя наладить и развить социалистическое производство в промышленности без привлечения к этому делу профессиональных союзов.

Руководствуясь ленинскими принципами демократического централизма, Советское правительство в 1918 г. учредило Высший и местные (губернские, областные) советы народного хозяйства. Это был совершенно новый, не имевший прецедентов экономический аппарат — экономический аппарат диктатуры пролетариата, обеспечивший строительство социализма.

Для централизованного руководства различными отраслями промышленности в годы гражданской войны при ВСНХ существовали главные комитеты (главки) и центры: Центротекстиль, Главторф, Главсахар, Главтабак, Главнефть и т. д.

Все эти органы строились на основе широкого представительства от профессиональных союзов. Профсоюзы принимали участие в образовании главков, центров и отделов ВСНХ, а также губернских советов народного хозяйства. Советская система управления промышленностью выросла на базе развернувшегося в первые годы Советской власти организационного творчества рабочего класса, на базе фабрично-заводских комитетов и органов рабочего контроля. Пролетариат выдвинул из своей среды тысячи прекрасных организаторов, которым с помощью партии и правительства удалось сохранить и поддержать работу важнейших отраслей промышленности. Выступая на II Всероссийском съезде профсоюзов 20 января 1919 г., Ленин говорил: «Мы знаем теперь, что пролетариат выдвинул несколько тысяч, может быть, несколько десятков тысяч пролетариев на дело управления государством. Мы знаем,

[35] В. И. Ленин. Соч., т. 27, стр. 186.

что новый класс — пролетариат — теперь имеет своих представителей в каждой отрасли государственного управления, в каждом клочке социализированного или социализирующегося предприятия или в области хозяйства» [36].

В отчете ВСНХ VIII Всероссийскому съезду Советов были приведены сведения о степени участия рабочих в управлении промышленностью. В составе президиума ВСНХ и губсовнархозов рабочие составляли 57,2%, в коллегиях главных управлений — 51,4%, в фабрично-заводских управлениях — 63,5%. Во всех этих государственных учреждениях, ведавших промышленным производством, рабочих было 61,5% [37].

В отчете Союза металлистов за 1919 г. сообщалось о том, что из 529 членов 184 заводоуправлений металлопромышленности рабочих было 64% (338 человек), инженеров — 27,5%, служащих — 8,5% [38].

За годы гражданской войны рабочие заняли командные посты в органах управления народным хозяйством. «То огромное количество работников, руководителей,— сообщал в своем докладе экономический отдел Костромского губпрофсовета,— из которых составлены существующие совнархозы, заводоуправления и прочие органы хозяйственного управления, вышли целиком из профессиональных союзов» [39].

Однако наиболее рациональная форма участия рабочих в управлении производством была найдена не сразу. Годы гражданской войны были в этом отношении годами исканий. Ленинский принцип демократического централизма входил в практику управления постепенно.

В 1918 и 1919 гг. на каждом крупном национализированном предприятии создавалось фабрично-заводское управление, две трети которого назначались, а одна треть избиралась рабочими. Наряду с заводоуправлением продолжали существовать контрольные комиссии. Органы профсоюзов в эти годы выполняли часть государственных функций. Они определяли размеры продовольственного пайка, нормировали труд и зарплату, вмешивались в вопросы организации производства, вследствие чего в управлении был некоторый параллелизм.

IX съезд РКП(б) внес серьезные изменения в формы управления промышленностью. Он предложил «установить полное и безусловное единоличие в мастерских и цехах, идти к единоличию в заводоуправлениях и к сокращенным коллегиям в средних и высших звеньях административно-производственного аппарата» [40].

---

[36] В. И. Ленин. Соч., т. 28, стр. 403—404.

[37] «Отчет ВСНХ VIII Всероссийскому съезду Советов». М., 1920, стр. 14.

[38] «Отчет ВЦСПС за 1919 г.», стр. 180. В этом издании были опубликованы и отчеты ЦК союзов.

[39] ЦГАОР и СС, ф. 5451, оп. 5, д. 453, л. 65.

[40] «КПСС в резолюциях...», ч. I, стр. 483.

К тому времени «бесспорный тип управления советскими предприятиями» еще не был выработан, формирование кадров администраторов и директоров находилось «в первоначальной стадии». В связи с этим съезд предложил применять переходные формы управления промышленностью на пути к полному единоначалию. Так, рекомендовалось назначать директором-администратором рабочего, а его помощником по технической части — инженера; или, наоборот, фактическим руководителем предприятия назначать специалиста, а рабочего — его помощником «с широкими правами и обязательством входить во все стороны дела» [41].

Именно такие формы единоначалия осуществлялись в промышленности после IX съезда партии. 1920 год стал новым важным этапом в выработке социалистических форм управления промышленностью.

Таким образом, 1918—1920 годы в истории рабочего класса СССР являются периодом невиданно быстрого выдвижения рядовых рабочих на руководящие посты в народном хозяйстве и государственном аппарате. Передовые рабочие брались за самые трудные обязанности по руководству страной. В суровых условиях войны и разрухи они учились великому и сложному искусству осуществлять пролетарскую диктатуру.

С производства — в Красную Армию

Отечественная война 1918—1920 гг. явилась тягчайшим испытанием политических, экономических, военных и организационных сил молодого, еще не окрепшего социалистического государства. Главным источником его силы, как сказано выше, были рабочие, сознательность и героизм которых являлись примером для всех трудящихся. Во имя защиты и укрепления Советской власти рабочие проявили неслыханное в истории самопожертвование и беззаветную стойкость. В самые опасные моменты великой борьбы партия мобилизовывала лучших рабочих, обращалась «за поисками новых сил туда, где лежит наиболее глубокий корень» пролетарской диктатуры [42].

Уже после Февральской буржуазно-демократической революции Коммунистическая партия приступила к созданию вооруженных отрядов рабочих — Красной гвардии для борьбы против господства помещиков и капиталистов.

В октябре 1917 г. в Петрограде было 40 тыс., в Москве — 12 тыс. красногвардейцев [43]. Красная гвардия была организована и в других крупных городах и промышленных центрах.

---

[41] «КПСС в резолюциях...», ч. I, стр. 483.

[42] В. И. Ленин. Соч., т. 33, стр. 440.

[43] Н. И. Шатагин. Организация и строительство Советской Армии в период иностранной военной интервенции и гражданской войны (1918—1920 гг.). М., 1954, стр. 11.

В первые месяцы после Октября в ее рядах насчитывалось около 150 тыс. человек [44]. Отряды Красной гвардии стали основой боевой мощи создававшейся регулярной Красной Армии, которая мужала и закалялась в тяжелых битвах с войсками интервентов и белогвардейцев. Каждое новое наступление контрреволюции заставляло браться за оружие все новые и новые тысячи, десятки и сотни тысяч промышленных рабочих, укреплявших Красную Армию своей дисциплинированностью, непревзойденной стойкостью, патриотизмом.

В ответ на призыв председателя СНК В. И. Ленина «Социалистическое отечество в опасности», опубликованный 21 февраля 1918 г., в армию добровольно пошли рабочие Петрограда, Москвы, Иваново-Вознесенска, Донбасса и Урала. 26 февраля в Петрограде в армию записалось 9600 человек, 28 февраля — 12 820, 1 марта — 15 300 [45]. К концу февраля в ее ряды вступило более 60 тыс., в Москве — 20 тыс. добровольцев [46].

В мае 1918 г. в Советской стране была введена обязательная военная служба. Первые мобилизации были проведены в июне — июле и августе в Приволжском, Уральском и Западно-Сибирском военных округах, среди рабочих Москвы и Петрограда, а также Московской, Петроградской, Владимирской, Иваново-Вознесенской, Нижегородской, Костромской, Вятской и Пермской губерний. Эти мобилизации прошли с большим патриотическим подъемом.

Десятки тысяч вооруженных пролетариев послали на фронт центральные губернии Российской федерации, а также Петроградский район. Здесь сосредоточивался передовой, наиболее многочисленный и сплоченный отряд рабочего класса. В дальнейшем, на протяжении всей гражданской войны, эти районы являлись основным источником пополнения советских вооруженных сил пролетарскими кадрами и боевым снаряжением.

Ленин говорил в апреле 1920 г., что диктатура пролетариата «означала больше всего жертв, больше всего голода для самих рабочих, которые ее осуществляли. Иваново-вознесенские, питерские и московские рабочие перенесли за эти два года столько, сколько никогда не переносил никто другой в борьбе на красных фронтах» [47].

Центральные районы Советской страны, особенно Москва и Петроград, с их развитой промышленностью и высоким удельным весом фабрично-заводских рабочих являлись непобедимыми бастионами революции. По выражению В. И. Ленина, пролетарские массы Петрограда и Москвы шествовали впереди

---

[44] Там же, стр. 28.

[45] См. М. Мительман. Борьба партии большевиков за укрепление Советской власти. 1917—1918 гг. М., 1940, стр. 21.

[46] «Исторический журнал», 1941, № 7-8, стр. 24.

[47] В. И. Ленин. Соч., т. 30, стр. 465.

революции [48]. Существование Советской республики зависело прежде всего от несгибаемой воли рабочих Центральной России, от их героизма на фронте и в тылу. В своем обращении «Товарищи-рабочие! Идем в последний, решительный бой!» в августе 1918 г. Ленин писал: «Рабочие Питера, за ним — Москвы, а за Москвой и всей промышленной центральной области поднимаются все более дружно, все настойчивее, все бо́льшими массами, все беззаветнее. В этом залог нашей победы» [49].

С июня 1918 по апрель 1919 г. в Петроградском военном округе было мобилизовано свыше 170 тыс. человек, из них около 30% рабочих [50]. Стрелковые полки, артиллерийские батареи и бронепоезда, сформированные в Петрограде из коммунистов и беспартийных рабочих, героически сражались на всех фронтах освободительной войны.

Свои рабочие полки формировали и отправляли на фронт также Москва, Иваново-Вознесенск, Ярославль, Кострома и другие промышленные города Центральной России. В составе 25-й Чапаевской дивизии в боях с Колчаком принимал участие 220-й Иваново-Вознесенский полк, состоявший почти из одних коммунистов [51]. 24 октября 1918 г. под Царицын прибыл 38-й московский Рогожско-Симоновский полк, сформированный исключительно из рабочих московских промышленных предприятий [52].

Вслед за рабочими Петрограда, Москвы и центральных губерний РСФСР по призыву партии и правительства в ряды Красной Армии вступали рабочие других районов страны.

На территории, временно занятой интервентами и белогвардейцами (Урал, Сибирь, Дальний Восток, Украина, Северный Кавказ и Закавказье), рабочие устраивали забастовки, поднимали восстания, участвовали в партизанском движении, активно помогая Красной Армии в восстановлении Советской власти. По мере освобождения этих районов они становились в ряды вооруженных сил Советского государства. Рабочие отряды, созданные на заводах Урала, стали основным ядром полков и дивизий Восточного фронта. Именно они составляли основную силу 2-й и 3-й армий [53]. В 4-й армии было много рабочих Саратова.

Царицын послал на борьбу против генерала Краснова 10 тыс. рабочих [54]. Среди славных защитников крепости на Волге сражались шахтеры и металлисты Донбасса.

---

[48] См. В. И. Ленин, Соч., т. 28, стр. 17.
[49] Там же, стр. 38.
[50] Е. Путырский, Е. Ерыкалов. Петроградские рабочие в борьбе за создание Красной Армии. Л., 1958, стр. 85.
[51] См. «Комиссары». М., 1939, стр. 61.
[52] Н. И. Шатагин. Указ. соч., стр. 91.
[53] Там же, стр. 83.
[54] Там же, стр. 90.

Усиление иностранной военной интервенции и внутренней контрреволюции осенью 1918 г. потребовало увеличения Красной Армии до 3 млн. человек [55]. Выполнению этой задачи партия, правительство и народ отдавали все свои силы. В армию были направлены новые большие пополнения. С сентября 1918 г. по март 1919 г. в ряды РККА было мобилизовано свыше 1487 тыс. бывших солдат и унтер-офицеров царской армии [56].

Большую роль в пополнении армии играл всевобуч. В 1919 г. в системе всевобуча обучалось около 800 тыс. рабочих и трудящихся крестьян [57]. Во время разгрома первого похода Антанты он дал фронту более трех дивизий московских рабочих и две бригады петроградских [58]. Немало рабочих находилось в составе соединений, сформированных всевобучем в других районах страны.

В апреле — мае 1919 г. была проведена новая мобилизация рабочих и крестьян в армию. На основании декрета СНК РСФСР от 10 апреля 1919 г. в армию были призваны трудящиеся 1886—1890 годов рождения из Москвы, Петрограда, Петроградской, Московской, Тверской, Ярославской, Владимирской, Нижегородской, Костромской, Иваново-Вознесенской, Рязанской губерний [59]. Тогда же были призваны трудящиеся 1889 и 1890 годов рождения в остальных районах страны. В мае прошла мобилизация рабочих и крестьян 1900 г. рождения и всех солдат старой армии, вернувшихся из плена. Это были общие мобилизации, в результате которых в армию пришли десятки тысяч сознательных пролетариев.

В эти трудные для Советской страны дни В. И. Ленин призывал рабочий класс и всех трудящихся напрячь силы для победы над Колчаком. 3 апреля 1919 г. он выступил на чрезвычайном заседании пленума Моссовета с докладом о внешнем и внутреннем положении Советской республики. Ленин заявил, что «только при помощи силы рабочего класса» Советская власть может «твердо стать на ноги», одержать блестящие победы, «поэтому,— продолжал он,— все лучшие силы нашего пролетариата мы должны посылать туда, на фронт», ибо «если у нас будет недостаток рабочих в армии, мы, несомненно, погибнем». Только рабочие могли «воздействовать на армию», которая была еще «недостаточно организована», и «превратить крестьян в сознательных и нужных нам борцов» [60].

Рабочий класс отдавал свои лучшие силы делу обороны республики. Вследствие этого в тылу резко сократился тот слой передовых рабочих, на плечах которых лежала вся тяжесть

---

[55] См. В. И. Ленин. Соч., т. 28, стр. 84.
[56] Н. И. Шатагин. Указ. соч., стр. 102.
[57] Там же, стр. 194.
[58] Там же.
[59] «Известия ВЦИК», 11 апреля 1919 г.
[60] В. И. Ленин. Соч., т. 29, стр. 235.

организаторской работы. Учитывая это, В. И. Ленин потребовал от партийных и профсоюзных организаций выдвигать «на передовые посты» новые, более широкие слои пролетариата[61]. 10 апреля на помощь Восточному фронту Ленин призвал рабочих Петрограда[62]. 11 апреля он выступил на пленуме ВЦСПС с «Докладом о задачах профессиональных союзов в связи с мобилизацией на Восточный фронт»[63]. На пленуме В. И. Ленин огласил «Тезисы ЦК РКП(б) в связи с положением Восточного фронта»[64]. Главная задача профсоюзов, выдвинутая Центральным Комитетом партии, заключалась в том, чтобы привлечь к участию в обороне страны более широкие слои рабочего класса, развернуть энергичную помощь мобилизации в Красную Армию, создать комитеты содействия мобилизации.

Призыв Коммунистической партии и ее вождя нашел горячий отклик среди широчайших масс рабочего класса. ВЦСПС принял постановление об организации энергичной помощи мобилизации в Красную Армию. Профсоюзы металлистов, текстильщиков, пищевиков, химиков, швейников и другие приняли активное участие в проведении общей мобилизации в стране.

17 апреля в Москве, в Доме Союзов, состоялась конференция заводских комитетов и профсоюзов столицы, обсудившая вопрос о задачах московских рабочих в связи с положением на Восточном фронте. После яркой, волнующей речи председателя Совнаркома В. И. Ленина[65] было зачитано письмо рабочего М. Виноградова. «Товарищи,— говорилось в письме,— Колчак на нас наступает. Неужели мы должны уступить царскому холопу рабоче-крестьянскую власть? Неужели мы не можем дать ему отпор? Нет. Нам так дорого досталась эта власть, оплаченная горячей кровью рабочих и крестьян. Мне 50 лет от роду, но я оставляю жену и детей, беру винтовку и становлюсь в молодые ряды Красной Армии, чтобы защищать своею кровью свою власть»[66]. Конференция постановила помочь проведению мобилизации.

В этот же день ВЦСПС обратился ко всем рабочим Советской России с призывом «отдать свою жизнь на защиту Республики рабочих и крестьян»[67]. Аналогичные воззвания опубликовали также центральные комитеты профессиональных союзов. В воззвании ЦК Союза текстильщиков говорилось: «Товарищи текстильщики, другого выбора для нас нет. Мы все, как один человек, должны встать на защиту революции, на защиту

---

[61] См. В. И. Ленин. Соч., т. 29, стр. 236.
[62] См. там же, стр. 250.
[63] См. там же, стр. 257—269.
[64] См. там же, стр. 251—254. Тезисы ЦК РКП(б) были опубликованы 12 апреля в «Правде» и «Известиях ВЦИК».
[65] См. В. И. Ленин. Соч., т. 29, стр. 294—296.
[66] «Известия ВЦИК», 18 апреля 1919 г.
[67] «Известия ВЦИК», 17 апреля 1919 г.

наших завоеваний, на защиту наших детей, нашего будущего»[68]. ЦК Всероссийского союза рабочих-металлистов выпустил воззвание ко всем металлистам РСФСР, в котором писал: «Наши заводы, наши мастерские должны дать по мобилизации и добровольно всех закаленных, как сталь, защитников власти труда... Во имя торжества революции труда, металлисты,— к оружию! Пусть по всей стране, из мастерской в мастерскую, несется наш набат: „Отечество рабочих в опасности — пролетарии стали, к оружию и станкам“»[69].

Наряду с общегосударственной мобилизацией проводились мобилизации среди коммунистов и комсомольцев. По решению ЦК партии от 17 апреля 1919 г. при всех заводах, фабриках и мастерских образовывались части особого назначения (ЧОН) из коммунистов. В ряде городов в это время были созданы добровольческие полки, состоявшие из коммунистов и сочувствовавших им беспартийных рабочих. В апреле — июне 1919 г. по партийной мобилизации ЦК 20 тыс. коммунистов ушли на фронт. За ними последовали 3 тыс. комсомольцев[70].

30 апреля 1919 г. ВЦСПС вынес постановление об отправке на фронт 10% членов профсоюзов. Мобилизации подлежали рабочие и служащие в возрасте от 18 до 40 лет. Центральные комитеты союзов, их отделения, местные советы союзов создавали комитеты содействия мобилизации. При ВЦСПС действовал Центральный комитет содействия[71]. Комитеты содействия проводили агитационную работу, вели запись добровольцев, совместно с фабзавкомами контролировали явку мобилизованных, принимали меры к широкой замене мужского труда женским[72].

Каждый профсоюз послал часть своих членов для пополнения действующих армий Восточного фронта. В ряде городов — Саратове, Пскове, Витебске была проведена 20-процентная, а в Гомеле, Царицыне и других местах — 100-процентная мобилизация[73].

В мае 1919 г. на Украине было мобилизовано не менее 20 тыс. рабочих для пополнения частей Южного фронта. Рабочие Харькова и Екатеринослава уходили на фронт поголовно. От мобилизации освобождались только забойщики на шахтах[74].

В Петрограде на основании постановления городского совета профсоюзов во всех районах формировались рабочие полки,

---

[68] «Правда», 17 апреля 1919 г.

[69] «Известия ВЦИК», 24 апреля 1919 г.

[70] «Известия ВЦИК», 23 апреля 1919 г.; Ю. П. Петров. Партийные мобилизации в Красную Армию (1918—1920 гг.). М., 1956, стр. 107.

[71] ЦГАОР и СС, ф. 5451, оп. 3, д. 341, л. 9. Положение о комитетах содействия мобилизации было опубликовано в «Известиях ВЦИК» 1 июня 1919 г.

[72] «Известия ВЦИК», 1 июня 1919 г.

[73] «Профсоюзы СССР в создании Красной Армии 1918—1920 гг.» М., 1939, стр. 19.

[74] См. В. И. Ленин. Военная переписка (1917—1920). М., 1956, стр. 123.

куда зачислялись все рабочие от 17 до 45 лет, способные носить оружие.

Мобилизация была проведена среди металлистов, текстильщиков, пищевиков, швейников, кожевников, химиков, деревообделочников, печатников, железнодорожников, водников, строителей, работников связи, бумажников, домовых служащих, табачников, сахарников, торговых и советских служащих, работников медицинских учреждений и членов всех других союзов. Она проходила в труднейших условиях, так как из рядов рабочего класса к этому времени уже было взято на фронт огромное количество бойцов. Несмотря на это, профессиональные союзы напрягали все силы для того, чтобы послать в армию как можно больше вооруженных пролетариев. К 28 июля на приемные пункты явилось 36 499 человек, из них было принято в армию 18 421 и в продовольственную армию 3685 [75]. Однако мобилизация еще не была закончена. Она продолжалась и в последующие месяцы.

18 января 1921 г. «Правда» в связи с опубликованием проекта постановления X съезда РКП по вопросу о роли и задачах профсоюзов сообщила: «За один 1919 год на приемные пункты по одной профессиональной мобилизации (производившейся сверх всяких других мобилизаций) явилось 79 368 человек» [76].

Численность пополнений, которые посылал на фронт рабочий класс по призыву своей партии, своего правительства, не уменьшалась в продолжение всей гражданской войны. Нашествие Антанты летом и осенью 1919 г. вызвало новую могучую волну патриотического движения рабочих и всех трудящихся за укрепление Красной Армии, за разгром врага.

9 июля ЦК РКП(б) опубликовал письмо к организациям партии «Все на борьбу с Деникиным!» [77]. «Все силы рабочих и крестьян,— говорилось в письме,— все силы Советской республики должны быть напряжены, чтобы отразить нашествие Деникина и победить его, не останавливая победного наступления Красной Армии на Урал и на Сибирь» [78].

В ответ с заводов и фабрик на фронт двинулись новые рабочие резервы. 3 сентября в Москве состоялась объединенная беспартийная рабоче-красноармейская конференция Басманного, Лефортовского, Алексеевского и Сокольнического районов. На конференции присутствовало 3 тыс. делегатов. С докладом о текущем моменте выступал В. И. Ленин [79]. Конференция единодушно приняла резолюцию, в которой, признавая, что рабочие и крестьяне снова оказались под угрозой возвращения помещиков и капиталистов, заявила, что залогом победы над контр-

---

[75] ЦГАОР и СС, ф. 5451, оп. 3, д. 345, л. 11.
[76] «Правда», 18 января 1921 г.
[77] См. В. И. Ленин. Соч., т. 29, стр. 402—419.
[78] Там же. стр. 402.
[79] См. В. И. Ленин. Соч., т. 30, стр. 1—7.

революцией «может служить лишь могущество Красной Армии, поэтому все силы должны быть направлены на ее укрепление»[80]. На фронт против Деникина ушли десятки тысяч беспартийных рабочих, коммунистов и комсомольцев Москвы, Петрограда, Иваново-Вознесенска, Владимира, Костромы, Твери, Рыбинска, Ярославля, Екатеринбурга, Харькова и других городов.

16 октября в Москву прибыло 400 мобилизованных коммунистов Иваново-Вознесенска, Рыбинска и Ярославля, отправлявшихся на Южный фронт. С Ярославского вокзала они со знаменем прошли на Советскую площадь. С балкона Московского Совета их приветствовал председатель СНК РСФСР В. И. Ленин. Отвечая на приветствие, один из мобилизованных партийцев сказал: «Товарищи рабочие гор. Москвы! Мы, коммунисты Ярославской и Владимирской губерний, едем на фронт кровью своей защищать дело рабочих и крестьян... Мы будем бороться до тех пор, пока не сотрем с лица земли всю буржуазию»[81]. Летом и осенью 1919 г. на борьбу с нашествием Деникина ушло не менее 60 тыс. партийцев[82].

Мобилизация коммунистов и беспартийных рабочих дала возможность укрепить части Южного фронта и остановить, а затем и уничтожить наступавшие армии Деникина.

Во время третьего похода Антанты рабочий класс вновь дал фронту значительные пополнения. 29 апреля 1920 г. «Правда» вышла с передовой, озаглавленной «Тревога». В статье говорилось о необходимости дать фронту максимальное количество сил. «К оружию, товарищи-рабочие, к оружию, товарищи-крестьяне»,— призывала газета. Среди коммунистов была проведена новая мобилизация. За время от IX съезда РКП(б) по 15 сентября 1920 г. партия послала на военную работу и железнодорожный транспорт 29 346 коммунистов[83]. На борьбу с третьим походом Антанты профсоюзами были мобилизованы и беспартийные рабочие.

В мае 1920 г. была проведена мобилизация членов профсоюзов на командные курсы, в августе — на польский и врангелевский фронты. В августе профсоюзная мобилизация состоялась на Украине. Во время ее Александровск послал на фронт 112 человек, Кременчуг — 150, Екатеринослав — 400, Ростов — 650, Черниговская губерния — 89, Полтавская — 200, Николаевская — 370, Киевская — 600, Харьковская — 750, Одесская — 1355, Донбасс — 1360. Всего в эти дни рабочий класс Украины дал фронту 5936 человек, среди которых значительную часть составляли добровольцы[84].

---

[80] «Известия ВЦИК», 4 сентября 1919 г.
[81] «Известия ВЦИК», 17 сентября 1919 г.
[82] Ю. П. Петров. Указ. соч., стр. 148.
[83] «Известия ЦК РКП(б)», 1920, № 22, стр. 2.
[84] Центральный архив профсоюзов Украины, ф. 1, д. 64, л. 190.

На фронт уходили не только мужчины, но и женщины-работницы. Во многих городах РСФСР работали курсы, готовившие медицинских сестер и санитарок. Работницы, обучавшиеся на этих курсах, работали в госпиталях, ухаживали за ранеными, с оружием в руках сражались против белогвардейцев и интервентов.

Рабочий класс не только создал Красную Армию, но и командовал ею[85]. Рабочие, имевшие военный опыт, назначались в военные комиссариаты и другие военные учреждения, а также боевыми командирами на фронте. Многие учились на командных курсах, после окончания которых становились во главе армейских подразделений. Коммунисты вели партийную работу в качестве военных комиссаров. В ходе боевых действий из бывших рабочих выковались прославленные командиры и комиссары, имена которых украшают страницы истории Вооруженных сил Советского Союза.

Трудно сказать, сколько промышленных рабочих находилось в эти годы в Красной Армии. По данным переписи 1920 г., рабочие всех категорий составляли в армии и флоте в среднем 14,9%. Удельный вес рабочих в частях, находившихся в прифронтовых районах, был значительно выше: в Туркестане — 19,7%, на Украине — 20,9%. Во флоте рабочих было 28,8%[86].

Общая численность вооруженных сил к 1 января 1921 г. равнялась 4110 тыс., как об этом свидетельствует ЦСУ[87], 14,9% этого числа составляют 612 390 человек. Следует иметь в виду, что учитывались рабочие не только крупной промышленности, но и других отраслей народного хозяйства.

Большой интерес представляет вопрос о профессиональном составе рабочих, находившихся в те годы в Красной Армии. К сожалению, определить его очень трудно.

Некоторые относительные сведения дает выборочная перепись 1929 г., охватившая профсоюзы металлистов, текстильщиков и горнорабочих. Ею были учтены рабочие, которые в 1918—1920 гг. по разным причинам на длительный срок отрывались от производства. В среднем эта группа составляла 17—18% общего числа занятых рабочих. В хлопчатобумажной промышленности Ленинграда и Ивановской области она была больше (27,5 и 25,2%), меньше среднего был ее удельный вес в металлообрабатывающей промышленности и машиностроении[88].

---

[85] См. В. И. Ленин. Соч., т. 28, стр. 20.

[86] «Бюллетень ЦСУ», № 59, 1922, стр. 6.

[87] «Итоги десятилетия Советской власти в цифрах. 1917—1927 гг.» М., 1927, стр. 74. С. М. Кляцкин, ссылаясь на данные Всероглавштаба, общую численность Красной Армии на 1 января 1921 г. определяет в 4 213 497 человек. Рабочая прослойка в советских вооруженных силах, по этим данным, составляла 15—18%, или 630—760 тыс. человек («Исторические записки», т. 58, 1956, стр. 36).

[88] А. Рашин. Состав фабрично-заводского пролетариата СССР. М., 1930, стр. 10.

Среди рабочих с продолжительным отрывом от производства участники гражданской войны составляли в металлообрабатывающей и машиностроительной промышленности Ленинграда 64,7%, Украины — 59,2%, в металлургии УССР — 56,6%, в металлургии Урала — 76,2%, в хлопчатобумажной промышленности Ленинграда — 52,2%, Москвы — 62,1%, Московской области — 61,4%, Ивановской — 54,4 [89].

Только что приведенные относительные данные переписи свидетельствуют о том, что среди металлистов, особенно в Центральной России и на Урале, участников гражданской войны было больше, чем среди текстильщиков. Металлисты шли в авангарде защитников Родины. Они сыграли колоссальную роль в строительстве Красной Армии, которая впитала в себя многие десятки тысяч металлистов.

Красная Армия — детище народа. Ее творцами в первую очередь являлись рабочие. В. И. Ленин говорил: «Российский пролетариат сумел скрепить, сплотить разрозненные силы, создав единую, стойкую Красную Армию» [90]. В годы гражданской войны и иностранной интервенции она сосредоточила в себе самое героическое и самоотверженное ядро советского рабочего класса, вобрала в себя цвет народных сил. К началу 1920 г. в Красной Армии и Флоте насчитывалось около 300 тыс. коммунистов, т. е. более половины состава РКП(б) [91]. В Петрограде 77%, а в Москве 65,9% мужчин-партийцев служили в Красной Армии [92]. Посланные в Красную Армию коммунисты на 90% состояли из рабочих [93].

Как только на каком-либо участке фронта создавалось трудное положение, партия посылала туда рабочих-коммунистов. Как только ослабевал боевой наступательный дух красноармейцев, в их ряды вливались новые силы, состоявшие из пролетариев-партийцев. Каждое новое соединение Красной Армии требовало пополнения его членами Коммунистической партии из рабочих центров. Вот один из характерных документов. 25 октября 1919 г. С. М. Буденный в письме в Реввоенсовет Южного фронта предложил образовать Конную армию и в связи с этим первым долгом потребовал прислать 300 коммунистов. Он писал: «Пришлите, пожалуйста, человек 300 рабочих-коммунистов. Они будут укреплять ряды бойцов-кавалеристов, разъяснять им насущные задачи нашей революции, повышать сознательность, а следовательно, и боеспособность. Необходимость в коммунистах вызывается тем, что подавляющее большинство бойцов-конников составляют крестьяне» [94].

---

[89] Там же, стр. 12, 14.
[90] В. И. Ленин. Соч., т. 30, стр. 488.
[91] «Пропагандист и агитатор РККА», 1938, № 5, стр. 7.
[92] С. Г. Струмилин. Статистико-экономические очерки. М., 1958, стр. 359.
[93] С. И. Гусев. Гражданская война и Красная Армия. М., 1958, стр. 169.
[94] С. М. Буденный. Пройденный путь. М., 1958, стр. 282—283.

Тяжелая и длительная война закалила рабочий класс, выдвинула из его рядов испытанную гвардию военных командиров и политических комиссаров. Однако она потребовала и больших жертв. На полях сражений погибло немало сынов и дочерей рабочего класса. Статистика показывает, что во время империалистической войны было убито около 1 млн. рабочих и около 2 млн. рабочих стали калеками [95]. Большие потери рабочий класс понес также в боях за Советскую родину. По данным ЦСУ, за время гражданской войны, с 1918 по 1922 г., погибло 1 212 824 советских воина [96]. По переписи 1920 г., удельный вес рабочих в Советской Армии, как указывалось выше, в среднем составлял 14,9% [97]. Если считать, что среди погибших их было не больше, это значит, в борьбе с интервентами и белогвардейцами пало не менее 180 тыс. рабочих. Фактически погибло значительно больше, так как во фронтовых частях удельный вес рабочих был выше, чем в среднем по армии. Здесь не учтены также потери в партизанских отрядах и потери от белогвардейского террора на Украине, Урале, в Сибири, на Дальнем Востоке и других временно оккупированных районах Советской страны.

В годы гражданской войны сотни тысяч рабочих участвовали в создании вооруженных сил социалистического государства и защите рубежей Советской страны от интервентов и белогвардейцев. Красная Армия — гордость рабочего класса. Для ее создания и укрепления, для управления ею он отдал лучшую часть своих боевых сил. Вполне естественно поэтому, что после окончания войны фабрики и заводы не досчитались многих и многих тысяч кадровых рабочих, отдавших свою жизнь за Советскую власть, за счастье и свободу трудового народа.

Концентрация и консолидация рабочих в оборонной промышленности. Трудовой героизм рабочего класса

Крупная социалистическая промышленность, несмотря на чудовищные трудности, которые она переживала в годы войны, являлась материальной основой существования рабочего класса, ареной его производственной деятельности, залогом прочности диктатуры пролетариата. Намечая планы развития промышленности, партия и правительство ставили перед собой высокую цель превратить нашу Родину в самую передовую, самую богатую, самую счастливую страну на земле.

В относительно мирных условиях весны 1918 г. Советское государство сделало попытку организовать восстановление и развитие производительных сил, положить начало широкому

[95] «Вопросы труда», 1925, № 7-8, стр. 41.

[96] «Народное хозяйство СССР в цифрах», стат. справочник. М., 1925, стр. 110.

[97] См. стр. 44.

культурному строительству, повышению производительности общественного труда и благосостояния трудящихся.

На пути этих свершений встала вооруженная до зубов контрреволюция.

Перед партией и государством была одна главная цель — добиться победы над интервентами и белогвардейцами. В обстановке нашествия империалистов не было возможности восстановить и двинуть вперед развитие всего народного хозяйства, обеспечить подъем сельского хозяйства и промышленности, рост рабочего класса, улучшить его материальное положение. Задача в это время заключалась в том, чтобы удержать производство хотя бы на том уровне, на котором оно находилось к началу гражданской войны. Но и этого сделать не удалось. Война поглощала все силы и средства. Она разрушала народное хозяйство, сокращала количество рабочих, занятых в промышленности.

Советское государство прилагало героические усилия для организации работы крупной промышленности, делало все возможное, чтобы усилить фронт хозяйственного строительства, поддержать работоспособность предприятий, снабдить их топливом, сырьем, продовольствием и квалифицированными рабочими.

Несмотря на кровопролитную гражданскую войну, хозяйственную разруху, недостаток хлеба, топлива и сырья для промышленности, в Советской стране происходило, хотя и в небольших масштабах, экономическое строительство. На основе указаний партии и правительства началось сооружение районных электростанций (Каширской, Шатурской, Волховской), электрификация Подмосковного угольного бассейна, Кизеловских копей, кустование ряда подмосковных текстильных фабрик, изучение земных недр (например, обследование Курской магнитной аномалии), работы по применению гидравлического метода добычи торфа и т. д.

Наиболее мощным очагом роста, концентрации и консолидации рабочего класса в годы гражданской войны являлись военная промышленность и те заводы и фабрики, которые выполняли военные заказы. Для контроля и регулирования военной промышленности Советское правительство создало специальные военно-хозяйственные органы. В августе 1918 г. была учреждена Чрезвычайная комиссия по производству предметов военного снаряжения, в ноябре того же года преобразованная в Чрезвычайную комиссию по снабжению Красной Армии (Чрезкомснаб) во главе с Л. Б. Красиным. В июле 1919 г. ВЦИК учредил должность чрезвычайного уполномоченного Совета Рабоче-Крестьянской Обороны по снабжению Красной Армии (чусоснабарм). В августе был образован Совет военной промышленности, объединивший руководство важнейшими военными предприятиями страны. Кроме того, для координации работы предприятий, изготовлявших обмундирование (шинели,

бездействовавших предприятий. Но из других источников известно, что в годы гражданской войны стояли многие крупные и крупнейшие металлургические и химические заводы, текстильные фабрики, рудники и т. д. В ведении Главметалла ВСНХ к началу 1920 г. находилось 230 крупных заводов, из них работало лишь 176 [165]. Среди 39 химических заводов, подведомственных ВСНХ, действовало 17. Главнефть объединяла 1342 предприятия, а работало из них только 503 [166]. В Криворожье все рудники были затоплены [167]. По данным отдела текущей статистики ЦСУ, за период с конца августа 1918 г. по 1 апреля 1919 г. в Москве закрылось свыше 200 предприятий, которые к общему числу фабрик и заводов составляли 11%, а по количеству рабочих — 45%. Из этого следует, что останавливались наиболее крупные предприятия [168].

В результате иностранной интервенции и гражданской войны советская промышленность понесла огромный материальный ущерб, выразившийся в 10 млрд. руб. [169] Разрушались промышленные здания, уничтожалось оборудование, затоплялись шахты и рудники, обводнялись нефтяные скважины, расхищались сырье и материалы. Но разрушения, причиненные промышленности, составляли только часть того огромного ущерба, который понесло все народное хозяйство Советской страны. В целом убытки от военного нашествия интервентов и белогвардейцев составили свыше 50 млрд. руб. золотом [170]. Но и это еще не все: невозможно учесть все потери в результате сокращения промышленного и сельскохозяйственного производства, прекращения внутренней и внешней торговли, голода и массовых эпидемий.

Добыча каменного угля в 1920 г. составила лишь 27% уровня 1913 г., добыча руд — 1,7%, выплавка чугуна — 2,4% [171]. Предельно сократилось производство паровозов, вагонов, сельскохозяйственных машин, строительных материалов, товаров широкого потребления.

Транспорт из-за отсутствия топлива, недостатка подвижного состава и плохого состояния путей не мог обеспечивать перевозку даже продовольствия и грузов, необходимых промышленности. Разрушено было более 2 тыс. км железнодорожных линий, 4322 моста, 400 водокачек, 380 депо и много других сооружений и устройств. 62,8% паровозов были неисправны.

---

[165] П. И. Лященко. История народного хозяйства, т. III. М., 1956, стр. 75.

[166] Там же, стр. 76.

[167] Там же, стр. 78.

[168] «Экономическая жизнь», 17 июля 1919 г.

[169] Ф. Дзержинский. Промышленность СССР, ее достижения и задачи. М.— Л., 1925, стр. 12.

[170] С. Ф. Найда. О некоторых вопросах истории гражданской войны в СССР. М., 1958, стр. 241.

[171] «Русская промышленность в 1921 г. и ее перспективы. Отчет к IX съезду Советов». М., б. г., стр. LXIII.

Торговля между городом и деревней вследствие войны и разрухи почти полностью прекратилась. Денежные знаки обесценились. Материальное положение рабочих было отчаянное. Особенно большие трудности испытывали рабочие Москвы, Петрограда, Иваново-Вознесенска, Владимира, Костромы, Ярославля и других городов Центральной России.

Денежная заработная плата за годы войны номинально увеличилась колоссально: в 1913 г. рабочий в среднем в месяц зарабатывал 23,6 руб., а в 1919 и 1920 гг.— несколько миллионов. Однако реальная цена этих миллионов не превышала 49 коп., или 2,1% довоенного уровня. В первом квартале 1921 г. денежная зарплата рабочего в реальном исчислении составляла в среднем 21 коп., а во втором еще меньше — 16 коп. Такого заработка, по справедливому замечанию С. Г. Струмилина, рабочему не могло хватить не только на месяц, но и на три дня [172].

Основой существования рабочих и служащих государственных предприятий являлся государственный продовольственный паек. Выдавался он по карточкам и твердым ценам, а в конце 1920 и начале 1921 г. бесплатно. Бесплатно выдавалась также производственная одежда, бесплатными были различные коммунальные услуги (баня, квартира, электроэнергия и т. п.), городской транспорт и др. Натуральные выдачи (паек, одежда, коммунальные услуги и т. п.) по отношению к совокупной зарплате (натуральные выдачи плюс денежная зарплата) составляли в 1919 г. 73,3%, в 1920 г.— 92,6%, в 1921 г.— 86,2%.

Лица, занятые в социалистической промышленности и на транспорте, в отношении распределения продовольствия были выделены в особую категорию и получали паек по более высокой норме, чем работники учреждений. Из имевшихся в то время скудных запасов продовольствия партия и правительство стремились как можно больше выделить для фабрично-заводских рабочих. В. И. Ленин еще в мае 1919 г. говорил: «*В стране, которая разорена, первая задача — спасти трудящегося. Первая производительная сила всего человечества есть рабочий, трудящийся.* Если он выживет, мы все спасем и восстановим» [173]. Спасение рабочих от голодной смерти являлось, по выражению Ленина, спасением революции [174].

Однако, несмотря на все усилия, совокупная зарплата рабочих в 1920 г. составляла лишь 27% по сравнению с 1913 г. В 1921 г. она начала повышаться и достигла 28% довоенного уровня [175].

---

[172] С. Г. Струмилин. Проблемы экономики труда. М., 1957, стр. 494—495.

[173] В. И. Ленин. Соч., т. 29, стр. 334.

[174] См. Ленинский сборник, XXIV, стр. 145.

[175] С. Г. Струмилин. Заработная плата и производительность труда в русской промышленности в 1913—1922 гг. М., 1923, стр. 28; его же. Проблемы экономики труда, стр. 504.

В апреле 1919 г. было произведено обследование продовольственного положения рабочих-текстильщиков Московского промышленного района (Московская, Ярославская, Владимирская, Рязанская губернии и город Москва). Полученные данные относились к 44 предприятиям с 73 462 рабочими. Было установлено, что за первые три месяца 1919 г. рабочие фабрики б. Цинделя (2988 человек) получали в среднем в день на одного человека по 0,5 фунта хлеба, бумагопрядильной Истоминской мануфактуры (3831 человек) — 0,53 фунта, Богородско-Глуховской мануфактуры (12 607 человек) — 0,52 фунта, прядильно-ткацкой фабрики б. Коншина (5586 человек) — 0,14 фунта. Количество калорий в среднесуточном пайке колебалось от 704 у рабочих фабрики б. Цинделя до 251 у рабочих фабрики б. Коншина. Из общего числа обследованных 2326 рабочим, занятым на пяти предприятиях, паек не выдавался. Итоги обследования таковы: 27% рабочих получали в составе своего пайка 20—28% необходимого количества калорий; 53,8% рабочих — 10—20%, 16% рабочих — до 10%, 3,2% рабочих не получали ничего [176].

15 июля 1919 г. В. И. Ленин и нарком продовольствия А. Д. Цюрупа сообщили губпродкомам и губисполкомам о том, что в Петрограде хлебный паек рабочим сокращен до $^3/_4$ фунта на два дня, в Москве в течение 10 дней он не выдавался совсем, на большинстве фабрик и заводов Иваново-Вознесенска и других промышленных центров паек давно не выдавался [177].

В ноябре 1919 г. постановлением Совнаркома при Наркомпроде была образована Центральная комиссия по рабочему снабжению под председательством А. Халатова. В декабре того же года на плановом («бронированном») снабжении находилось более 600 тыс. рабочих. Паек состоял из 1 фунта хлеба в день на рабочего с некоторым увеличением для отдельных особо важных отраслей промышленности и предприятий. Однако полностью паек выдали не всем. Некоторые группы рабочих получили 80%, другие — 60% и 40% нормы. Часть рабочих осталась без пайка.

В январе 1920 г. при возросшем количестве едоков план снабжения рабочих продовольствием был выполнен лишь на 60% [178].

Конечно, рабочему и его семье такого пайка не могло хватить. Он должен был искать дополнительных источников существования (которые официально, при обследовании рабочих бюджетов профсоюзами, фиксировались как «прежние сбережения», «продажа имущества», «заем» и т. д.). Фактически же некоторую часть продовольствия рабочие покупали у спекулянтов, привози-

[176] «Экономическая жизнь», 6 июня 1919 г. Суточная норма питания человека, занимающегося физическим трудом, должна составлять 3750 калорий. См. Е. О. Кабо. Питание русского рабочего до и после войны. М., 1926, стр. 40.

[177] Ленинский сборник, XXXIV, стр. 191.

[178] «Два года деятельности Центральной комиссии по снабжению рабочих и ее местных органов». М., 1921, стр. 8—9.

ли из производящих губерний, получали с единоличных и коллективных огородов. Многие вынуждены были выделывать зажигалки, сковороды, топоры и прочие вещи и обменивать их у крестьян на хлеб.

Фабрично-заводские рабочие и их дети систематически недоедали, зачастую просто голодали.

Из-за недостатка материальных ресурсов и вследствие необходимости сохранить основную часть рабочих от распыления система оплаты труда была уравнительной. «Эта система,— говорилось в тезисах ВСНХ (июль 1921 г.), отредактированных В. И. Лениным,— явилась следствием военного периода нашей революции, когда Республика была «военным лагерем». В осажденной крепости совершенно понятно **было стремление снабдить всех возможно более поровну, прокормить, поддержать, пока невозможно было взяться, за восстановление производства»** [179]. Выдавался минимальный уравнительный паек «по едокам» (иногда по осьмушке хлеба в день на взрослого человека), но такое вынужденное уравнительное распределение позволило «обеспечить бойцов Красной Армии и городское население хотя бы и скудным, но регулярным продовольственным пайком» [180]. Однако уравнительность в оплате труда вскоре обнаружила свои отрицательные стороны. Рабочие утратили материальный стимул к повышению производительности труда. Годовая выработка рабочих в промышленности в 1919 г. составила лишь 21,6%, а в 1920 г.— 26% к 1913 г. Снизилась трудовая дисциплина. На некоторых предприятиях невыходы на работу в 1919—1920 гг. достигали в среднем 75%, а по всей промышленности — 30—40% общего числа рабочих дней [181]. Поэтому еще в годы гражданской войны перед партией и правительством встал вопрос о более высоких ставках и преимущественном снабжении продовольствием отдельных групп работников, о премировании рабочих и служащих, отличившихся на трудовом фронте. «Стремясь к равенству вознаграждения за всякий труд и к полному коммунизму,— писал В. И. Ленин в проекте Программы РКП(б),— мы никоим образом не можем ставить своей задачей немедленного осуществления этого равенства в данный момент... необходимо оставить на известное время более высокое вознаграждение специалистов... нельзя отказываться и от системы премий за более успешную... работу» [182]. Эта ленинская установка об оплате труда целиком была включена в Программу РКП(б) [183].

Вопросы оплаты в годы военного коммунизма вызывали много

---

[179] Ленинский сборник, XX, стр. 103.

[180] Н. С. Хрущев. О контрольных цифрах развития народного хозяйства СССР на 1959—1965 годы.— «Внеочередной XXI съезд КПСС», стеногр. отчет, т. I. М., 1959, стр. 98.

[181] С. Г. Струмилин. Проблемы экономики труда, стр. 531.

[182] В. И. Ленин. Соч., т. 29, стр. 93—94.

[183] См. «КПСС в резолюциях...», ч. I, стр. 423.

жарких споров и дискуссий. Партия и профсоюзы искали способы улучшить снабжение рабочих и заинтересовать их в повышении производительности труда. Уравнительная система оплаты не могла быть и не являлась всеобъемлющей. Она нарушалась то в одной, то в другой отрасли промышленности. Своеобразным нарушением принципа уравнительности являлась выдача на военных заводах красноармейского, а на ударных предприятиях повышенного продовольственного пайка. Передовые рабочие сами убеждались в непригодности уравнительной системы и требовали установления сдельной и премиальной форм заработной платы, которые на отдельных предприятиях применялись уже в 1918 г.

В 1920 г. за высокую производительность труда стали выдаваться премии не только деньгами, но и продовольствием. В. И. Ленин на VIII Всероссийском съезде Советов сообщил, что для премирования рабочих и служащих образован фонд в 500 тыс. пудов хлеба. «Мало говорить крестьянам и рабочим: напрягайте трудовую дисциплину,— говорил В. И. Ленин.— Надо кроме того им помочь, надо вознаградить тех, которые после неизмеримых бедствий продолжают проявлять героизм на трудовом фронте» [184].

В первую очередь премировались рабочие железнодорожного транспорта, затем, с июня 1920 г.,— военных заводов, а с начала сентября — каменноугольной промышленности и крупнейших металлобрабатывающих заводов Центральной России (Сормовский, Коломенский, Мытищинский и др.). Постепенно число рабочих и служащих, подлежавших натуральному премированию, дошло до 1980 тыс.[185]

23 октября 1920 г. Совнарком РСФСР утвердил «Временное положение о натуральном премировании». Премии назначались в зависимости от выполнения производственной программы.

Однако для регулярной выдачи натуральных премий не хватало продовольствия. Они выдавались обычно с большим опозданием. Так, премию за август 1920 г. Кольчугинский медеобрабатывающий завод получил в феврале 1921 г. Как сообщал председатель Промвоенсовета 16 марта 1921 г., многие ударные заводы совсем не получали положенных премий или получали лишь частично. Подольский завод остался без премии за июнь, июль, ноябрь и декабрь 1920 г., Симбирский — за июнь — декабрь, Ижевский — за весь год [186].

Зачастую премирование натурой означало простую прибавку к обычно заработной плате. Хлеб из премиального фонда употреблялся на выдачу основного пайка.

Премирование продовольствием было прекращено в апреле 1921 г. в связи с недостатком продуктов.

---

[184] В. И. Ленин. Соч., т. 31, стр. 476—477.
[185] «Отчет ВЦСПС (март 1920 — апрель 1921 г.)», стр. 20.
[186] ЦГАОР и СС, ф. 5451, оп. 5, д. 341, л. 62.

Большую нужду испытывали рабочие и в промышленных товарах. Не хватало соли, керосина, спичек, обуви, одежды, постельных принадлежностей, посуды и т. д. В зимнее время ко всему этому прибавлялся недостаток топлива. Жилье и производственные помещения часто совсем не отапливались. Грозным бичом для рабочих был сыпной тиф и другие эпидемические заболевания.

Спасаясь от голода и других трудностей, жители промышленных и городских центров стремились переселиться в деревню. Количество городских жителей с 21 608,7 тыс. в 1916 г. сократилось до 12 881,6 тыс. в 1920 г. (или на 40,4%). Численность населения городов Центрально-промышленного района с 3326 тыс. в 1916 г. упала к 1920 г. до 1830,1 тыс., приблизившись к уровню 1897 г.[187] Особенно сильно уменьшилось число жителей в Москве, Петрограде и других крупных городах. В деревне же, несмотря на мобилизации в армию, уменьшение рождаемости и увеличение смертности, количество жителей осталось прежним вследствие перемещения туда больших масс населения из промышленных центров.

Серьезные изменения за время гражданской войны произошли в численности рабочего класса.

Еще в годы первой мировой войны в промышленности начался процесс распыления и деклассирования пролетариата. Так, текстильная промышленность за время с 1 января 1913 г. по 1 января 1917 г. потеряла 2,2% своих рабочих, бумажное и полиграфическое производство — 14,6%, механическая обработка дерева — 24,3%, обработка минеральных веществ — 45,9%[188]. Значительный рост численности пролетариата в указанные годы наблюдался в тех производствах, которые обслуживали нужды армии: обработка металлов и машиностроение, обработка животных продуктов, химическое производство, каменноугольная промышленность.

В годы гражданской войны и иностранной военной интервенции процесс распыления и деклассирования рабочего класса продолжался с возрастающей силой [189] (см. табл. на стр. 68).

Армия индустриальных рабочих сократилась к концу гражданской войны более чем вдвое. В топливной промышленности, которая имела решающее значение,— меньше. В добыче торфа количество рабочих даже увеличилось. Резко снизилась численность рабочих на горных и металлургических предприятиях в связи с почти полным прекращением добычи руды и выплавки чугуна и цветных металлов. Значительно уменьшилось количест-

---

[187] «Народное хозяйство СССР и железнодорожные перевозки». М., 1924, стр. 58.

[188] А. Г. Рашин. Формирование рабочего класса России. М., 1958, стр. 75, 79.

[189] «Итоги десятилетия Советской власти в цифрах. 1917—1927 гг.», стр. 236—242. Процент вычислен нами.— *А. М.*

во рабочих в обработке металлов и машиностроении, однако 43% металлистов (по сравнению с 1917 г.) все же было сохранено. Падение численности фабрично-заводских рабочих происходило везде, кроме производства кожаной обуви, полиграфической и швейной промышленности, где число рабочих за эти годы увеличилось, хотя и незначительно. Катастрофически упала численность рабочих в хлопчатобумажной, цементной (до 16,4%), железорудной и железоделательной промышленности (до 14,7%) и в производстве цветных металлов (до 4,4%).

Сокращение численности рабочих происходило во всех промышленных районах, но неравномерно: в потребляющих губерниях больше, чем в сельскохозяйственных.

Отрасль промышленности	1917 г.	1920 г.	1920 г. в % к 1917 г.
Вся цензовая промышленность	2 596 394	1 222 811	47,1
Топливная	279 692	208 594	74,6
Горная и металлургия	384 281	57 511	15,0
Обработка металла и машиностроение	537 508	231 159	43,0
Химическая	97 821	36 458	37,3
Пищевая	180 988	140 446	77,5
Текстильная и швейная	764 642	215 308	28,2
Производство кожаной обуви	18 334	21 372	116,5
Полиграфическая	55 265	59 261	106,7

Раньше и сильнее всех от войны и разрухи пострадали рабочие Петрограда, где часть предприятий была эвакуирована, часть остановилась из-за отсутствия топлива, сырья и продовольствия. На 1 января 1917 г. в петроградской промышленности (учтены предприятия с числом рабочих более 100) было занято свыше 406 тыс. рабочих, через год — на 16,5% меньше, на 1 мая 1918 г. — на 64,9%, на 1 сентября — на 70,3%. За весь 1918 г. было рассчитано около 270 тыс. рабочих, преимущественно металлистов, химиков, деревообделочников и рабочих по обработке волокна и минеральных веществ. Из 250 тыс. металлистов, работавших на петроградских заводах в начале 1917 г., к 1 января 1919 г. осталось лишь 55 тыс. Количество рабочих химического производства за это время сократилось с 45 тыс. до 10 тыс.[190]

В письме к А. М. Горькому от 31 июля 1919 г. В. И. Ленин отметил, что из бывшей столицы, т. е. из Петрограда, «цвет рабочих ушел на фронты и в деревню»[191].

В декабре 1916 г. в каменноугольной промышленности Дон-

[190] «Материалы по статистике труда», вып. 5. Пг., 1919, стр. 33.
[191] В. И. Ленин. Соч., т. 35, стр. 349.

басса было занято 284 тыс. человек, а во второй половине 1920 г.— 100 тыс. [192]

Резкое сокращение численности рабочих произошло в Центрально-промышленном районе. Здесь на 31 августа 1918 г. было занято 911,9 тыс. рабочих, а на 1 июня 1920 г.— 536,1 тыс., что означало сокращение на 41,2%. В разных губерниях убыль была различная. Наибольшая — во Владимирской (на 79,8%), Иваново-Вознесенской (на 75,5%), Костромской (на 53,9%) и Московской (на 42%). В других губерниях (Тверская, Ярославская, Нижегородская) уменьшение было не таким значительным, а в Калужской, Брянской и Тульской занятых рабочих стало даже немного больше в связи с расширением здесь военного производства [193].

По данным отдела текущей промышленной статистики ЦСУ, за период с конца августа 1918 г. по 1 июня 1919 г. число действующих предприятий в Москве уменьшилось на 205, а рабочих — на 70 976 человек [194].

Рабочие остановившихся промышленных предприятий переходили в другие отрасли народного хозяйства, занимались ремеслом, мелкой спекуляцией, устраивались на работу дворниками, кучерами и т. д. В июле 1920 г. отдел труда Моссовета произвел учет кустарей, домовых работников и лиц, не занимавшихся общественно полезным трудом. Среди них оказалось 4433 рабочих швейной промышленности, 1436 кожевников, 836 металлистов (в том числе 198 слесарей и 145 часовщиков), 353 текстильщика, 166 химиков, 141 деревообделочник, 77 печатников, 65 строителей [195].

Значительная часть промышленных рабочих переселилась в деревню. Об этом свидетельствуют многочисленные и разнообразные источники. Вот некоторые примеры.

Летом 1918 г. в Москве было снято с учета биржи труда в связи с отъездом в деревню 50 тыс. безработных [196].

Рабочий фабрики им. Петра Алексеева И. А. Кудряшев вспоминал: «Народ разбегался по деревням от голода, холода и разрухи. Каждый, кто имел хоть мало-мальскую связь с деревней, хоть дальних родственников в самой глуши, бросал фабрику и торопился уехать. Остался на фабрике только самый костяк кадровых пролетариев — человек триста — четыреста» [197].

19 декабря 1918 г. в «Правде» было опубликовано сообщение рабкора Московского металлического завода (б. Гужона, ныне «Серп и молот»), в котором говорилось: «Убыль рабочих объяс-

---

[192] Г. Д. Бакулев. Указ. соч., стр. 520.

[193] «Экономическая жизнь», 29 октября 1920 г.

[194] «Экономическая жизнь», 17 июля 1919 г.

[195] «Трудовой путь», орган МГСПС, 1920, № 2, стр. 4.

[196] А. Аникст. Распределение рабочей силы и положение на рынке труда.— «Бюллетень НКТ», 1918, № 1-4, стр. 89.

[197] «Век нынешний и век минувший», рассказы рабочих фабрики им. Петра Алексеева. М., 1937, стр. 150.

няется как сокращением производства, так и бегством рабочих из голодного города в деревню».

3 апреля 1919 г. в газете «Экономическая жизнь» появилась следующая заметка: «Вследствие приостановки работ на фабрике рабочие Прохоровской мануфактуры разъезжаются из Москвы. Уезжает всего около 1500 человек. Рабочие едут по всем направлениям, но большинство, конечно, в «хлебные места». Так, по Рязано-Уральской железной дороге отправляется 535 человек, Московско-Казанской — 270, Курской и Александровской — 200, тогда как по Северной и Нижегородской дорогам пока заявили просьбу на билеты всего лишь 5 человек».

На Коломенском машиностроительном заводе в начале 1917 г. насчитывалось 16 739 рабочих, на 1 апреля 1919 г.— 5779, из которых более трети являлись «мертвыми душами», т. е. болели или уехали за хлебом [198]. Нужно полагать, что значительная часть коломенских рабочих разошлась по деревням. В материалах обследования Коломенского завода от 10 апреля 1919 г. сообщалось: «Некоторые рабочие, родом из окрестных деревень, успевшие выстроить около завода домики, разбирают их и увозят к себе в деревню» [199].

В первую очередь в деревню устремлялись те, кто имел связь с сельским хозяйством. Но уходили и кадровые рабочие, давно порвавшие с землей. По данным профсоюзной переписи 1929 г., в годы гражданской войны в деревню чаще переселялись рабочие старших возрастов и реже — молодые. Удельный вес ушедших в деревню среди текстильщиков, был выше, чем среди металлистов [200]. Это объяснялось тем, что текстильные рабочие в большей степени сохранили свои связи с сельским хозяйством и политически были менее развиты, чем рабочие, занятые в металлопромышленности.

Крестьянское хозяйство, как и промышленность, переживало глубокую разруху. Сократились посевные площади, понизилась урожайность, уменьшилось количество рабочего и продуктивного скота. Однако уровень материального благосостояния крестьянства был выше, чем в городе. «...Во время гражданской войны,— писал В. И. Ленин,— крестьянство получило больше экономических выгод, чем тот же пролетариат» [201].

Сельское население питалось лучше городских жителей, что являлось основной причиной стихийного перераспределения трудовых ресурсов в пользу деревни. Следует учитывать также и то обстоятельство, что в связи с мобилизацией мужчин в Красную Армию деревня в летние месяцы нуждалась в рабочей силе, поэтому многие горожане ехали на село в надежде заработать хлеба и вновь вернуться в город. Другие переселялись в деревню

---

[198] «Статистика труда», 1919, № 8-9, стр. 34—35.
[199] Там же.
[200] А. Рашин. Указ. соч., стр. 12, 14.
[201] В. И. Ленин. Соч., т. 32, стр. 396—397.

насовсем, собираясь получить землю и заняться хлебопашеством. Безработица в городе в начале 1919 г. исчезла. Заводы и фабрики стали испытывать острый недостаток квалифицированной рабочей силы. На каждого предлагавшего свой труд горняка в 1920 г. приходилось в среднем 1,73 места, на чернорабочего — 2,15, на металлиста — 2,93, на строителя — 5,31. Как видно из этих цифр, наиболее остро недостаток рабочих ощущался в строительном деле (где основную массу рабочих составляли отходники), а также в металлопромышленности (здесь ведущие предприятия обслуживали нужды фронта, а кроме того, эта отрасль послала больше всего рабочих на партийную, военную, советскую работу). Особенно большой спрос был на рабочих горячих цехов (сталеваров, горновых, плавильщиков, разливальщиков, вагранщиков и др.). В текстильной и табачной промышленности рабочих требовалось меньше всего (эти в основном «женские» отрасли мало были затронуты мобилизациями в армию) [202]. Более того, среди текстильных рабочих Иваново-Вознесенска и Костромы уже в 1920 г. была безработица.

В годы гражданской войны передовой класс советского общества отдал стране свои лучшие силы. В промышленности уменьшился удельный вес кадровых пролетариев, увеличилась численность выходцев из кустарей, бывших служащих и других промежуточных групп населения, т. е. таких людей, «которые ни малейшей серьезной школы, в смысле крупной промышленности, не прошли», «случайно и на самый короткий срок превратились в рабочих» [203].

В рядах рабочего класса, особенно в легкой промышленности, стало намного больше женщин. В 1918 г. на 2776 учтенных предприятиях (по всем группам производства) из 738 123 рабочих было 30% женщин и 70% мужчин. В 1920 г. в этих же предприятиях работали 521 942 человека, в том числе 40,1% женщин и 59,9% мужчин [204].

Ухудшился возрастной состав рабочего класса. Среди занятых в промышленности рабочих уменьшилось количество лиц в возрасте от 20 до 40 лет, т. е. наиболее трудоспособных. Увеличилась доля лиц старше 40 лет [205]. Непомерно большой удельный вес среди фабрично-заводских рабочих имели подростки (до 16 лет): в 1917 г.— 8% [206], а в первой половине 1920 г.— 9,8% [207].

В составе коллективов промышленных предприятий снизилась доля квалифицированных рабочих, непропорционально увеличилось количество подсобного персонала и служащих.

---

[202] «Труды ЦСУ», т. XVIII. Сб. стат. сведений по Союзу ССР. 1918—1923 гг. М., 1924, стр. 241.
[203] В. И. Ленин. Соч., т. 33, стр. 226.
[204] «Труды ЦСУ», т. III, вып. 8, стр. 18. Процент вычислен нами.— *А. М.*
[205] «Труды ЦСУ», т. XXVI, вып. 1. Введение, стр. 51.
[206] Там же, стр. 50.
[207] «Труды ЦСУ», т. X, вып. 1. М., 1922, стр. 17.

Все перечисленные выше изменения в составе и численности фабрично-заводских рабочих означали распыление и деклассирование рабочего класса в целом, его ведущих слоев, а не каких-либо отдельных групп, что грозило ослаблением социальной базы диктатуры пролетариата.

Пролетариат как класс, занятый работой в крупной промышленности, прекращает свое развитие, если крупная промышленность останавливается. Пролетарии перестают быть рабочими. Для обеспечения средств к существованию они начинают прибегать к непролетарским, мелкобуржуазным способам заработка. В этом, как указывал В. И. Ленин, заключалась «главная опасность всего существования советского строя» [208].

На X съезде партии В. И. Ленин говорил: «...наш пролетариат в большей части своей деклассирован...» [209]. На X Всероссийской конференции РКП(б) в мае 1921 г. он опять сказал об этом: «...пролетариату приходится переживать период деклассированности...» [210].

Этот разрушительный процесс к началу 1921 г. зашел далеко и угрожал всем отрядам рабочего класса. Правда, как указывалось выше, металлообрабатывающая индустрия (особенно оружейные и патронные заводы) находилась в лучшем положении сравнительно с другими отраслями и лучше сохранила свои кадры. Военная промышленность и вся группа ударных заводов сосредоточили значительное количество квалифицированных рабочих. Именно здесь осталось основное ядро фабрично-заводского пролетариата, ставшее затем стержнем собирания и консолидации рабочего класса СССР. Однако распыление и деклассирование затронуло и их, а не только текстильщиков, пищевиков, горняков и т. д.

Промышленность и рабочий состав лучше всего сохранились в центральных губерниях страны. На окраинах, временно оккупированных белогвардейцами и интервентами (особенно в Донбассе), заводы, фабрики и шахты подвергались большему разрушению. Поэтому здесь распыление и деклассирование рабочих шло интенсивнее и затронуло более широкие слои рабочего класса.

Как уже говорилось выше, вследствие сокращения численности рабочего класса и распыления его кадрового состава в 1919—1920 гг. промышленность испытывала острый недостаток в рабочей силе. Необходимо было наладить правильное и экономное распределение трудовых ресурсов по всем отраслям народного хозяйства.

«Установление правильного распределения рабочих сил в производстве» [211] В. И. Ленин еще в сентябре 1917 г. рассматри-

[208] В. И. Ленин. Соч., т. 32, стр. 389.
[209] Там же, стр. 176.
[210] Там же, стр. 390.
[211] В. И. Ленин. Соч., т. 25, стр. 300.

вал как одну из мер борьбы с безработицей, голодом, разрухой и всевластием капиталистов.

После победы Великой Октябрьской социалистической революции, особенно в годы гражданской войны, вопрос этот приобрел еще большее значение. Для борьбы с хозяйственной разрухой требовалось привлечь не только трудящихся, но и буржуазию. Именно с этой целью вводилась трудовая повинность для лиц, не участвовавших в общественно полезном труде. Всеобщая трудовая повинность была провозглашена на III Всероссийском съезде Советов 25 января 1918 г. Четвертый пункт принятой на съезде «Декларации прав трудящегося и эксплуатируемого народа» гласит: «В целях уничтожения паразитических слоев общества и организации хозяйства вводится всеобщая трудовая повинность» [212]. Это положение Декларации вполне соответствовало социалистическому принципу «не трудящийся да не ест», провозглашенному V Всероссийским съездом Советов и вошедшему в Конституцию РСФСР 1918 г. В. И. Ленин предлагал «начать с введения трудовой повинности в первую очередь не для бедных, принесших и без того достаточно жертв на алтарь войны, а для имущих, разбогатевших от войны». Бедным, говорил он, «и так приходится достаточно работать,— к тому же профессиональные союзы примут все меры для поднятия производительности труда и для введения трудовой дисциплины» [213].

В 1918 г. Советское правительство приняло ряд законодательных актов, реализовавших указанный пункт Декларации. 5 октября Совнарком утвердил декрет «О трудовых книжках для нетрудящихся». 11 декабря Наркомтруд издал инструкцию по проведению трудовой повинности.

Все усиливавшаяся хозяйственная разруха и недостаток рабочих рук в промышленности и на транспорте потребовали применения принципа трудовой повинности ко всему трудоспособному населению. Нельзя было надеяться на одну сознательность рабочих и пустить распределение трудовых ресурсов на самотек. Рабочий класс, как уже говорилось выше, не был однороден. Наряду с передовым отрядом, жертвовавшим в борьбе с врагами всем, в его составе имелись люди, отлынивавшие от работы, нарушавшие трудовую дисциплину, переходившие на работу не по специальности. Таких рабочих можно было вернуть на производство только посредством мобилизаций и всеобщей трудовой повинности. Поэтому в первом пункте первого раздела Кодекса законов о труде, опубликованного 10 декабря 1918 г., говорилось: «Для всех граждан Российской Социалистической Федеративной Советской Республики... устанавливается трудовая повинность» [214].

[212] «Съезды Советов РСФСР в постановлениях и резолюциях». М., 1939, стр. 41.

[213] В. И. Ленин. Соч., т. 27, стр. 350.

[214] «Экономическая политика СССР», сб. документов, т. I. М., 1947, стр. 298.

Подавляющая часть рабочих Советской страны понимала необходимость строжайшей трудовой дисциплины и всеобщей трудовой повинности. Состоявшийся в январе 1919 г. II Всероссийский съезд металлистов в своей резолюции «Об участии союзов в организации и управлении производством» записал следующее: «Для обеспечения предприятий необходимым рабочим персоналом и для целесообразного использования наличного состава рабочих сил съезд считает необходимым введение всеобщей трудовой повинности...» [215].

В ноябре 1918 г. при Наркомтруде был создан отдел по учету и распределению рабочей силы, при отделах труда губернских и уездных исполкомов — подотделы учета и распределения рабочей силы. Все предприятия, учреждения и хозяйства необходимую им рабочую силу запрашивали у этих подотделов. В зависимости от наличия рабочей силы подотделы удовлетворяли заявки посредством добровольного набора или в порядке трудовой повинности. Если эти источники на месте оказывались исчерпанными, подотделы обращались в высшие инстанции. Распределением рабочей силы в масштабах всего народного хозяйства страны ведал Наркомтруд РСФСР.

Часто рабочих перебрасывали из одного района в другой. Летом 1918 г. на уральские заводы из Москвы были отправлены две группы металлистов [216]. В январе — марте 1919 г. 3432 квалифицированных рабочих были переброшены в Ижевск, в том числе 364 из Москвы [217]. Летом того же года большая группа рабочих центральных губерний ездила на уборку урожая. В Московской губернии, например, было сформировано 25 уборочных отрядов, которые работали в Самарской, Оренбургской, Уфимской и других губерниях. Уборочные отряды были отправлены также из Иваново-Вознесенска, Твери, Шуи, Коврова, Тулы, Кинешмы, Петрограда, Ярославля и т. д. В 1920 г. уборочные отряды посылались из Московской и других губерний в Саратовскую, Тамбовскую, Оренбургскую, Воронежскую, Уфимскую губернии [218]. Около 20 тыс. рабочих, в том числе 3242 из Московской губернии, ездили на уборку хлеба в Сибирь [219].

В важнейших отраслях промышленности и на транспорте была установлена милитаризация труда: весь наличный состав работников, без различия пола и возраста, лишался права оставлять службу по собственному желанию, самовольно отлучившиеся карались как дезертиры.

Обострявшаяся хозяйственная разруха и хронический недостаток рабочих рук требовали все более решительной централи-

---

[215] «Экономическая жизнь», 1 февраля 1919 г.
[216] «Бюллетень НКТ», 1918, № 1-4, стр. 91.
[217] А. Аникст. Организация рынка труда за два года Советской власти. М., 1920, стр. 37.
[218] «Известия ГКТ и НКТ», 1920, № 7, стр. 17.
[219] Там же, стр. 18.

зации распределения рабочей силы. Нужно было сплотить все трудоспособное население и прежде всего рабочий класс на борьбу против разрухи. Без железной организованности и дисциплины нельзя было победить. В. И. Ленин в начале 1919 г. в проекте Программы РКП(б) потребовал проведения «наивозможно большей и строжайшей централизации труда в общегосударственном масштабе», поголовной мобилизации всего трудоспособного населения [220].

Во время наступившей после разгрома Деникина мирной передышки Коммунистическая партия и правительство РСФСР направили все усилия советского народа на восстановление народного хозяйства. Совет Рабоче-Крестьянской Обороны был преобразован в Совет Труда и Обороны (СТО), в работе которого гораздо большее, чем в 1919 г., место заняли хозяйственно-организационные вопросы. Но положение было таково, что вынуждало Советское государство оставлять под ружьем большую армию. В связи с незавершенностью гражданской войны и углубившейся хозяйственной разрухой нельзя было ослаблять суровый режим военного времени, необходимо было дальнейшее укрепление дисциплины, усиление борьбы с прогулами и трудовым дезертирством, решительное проведение трудовой повинности и использование некоторых воинских соединений на трудовом фронте.

15 января 1920 г. Советское правительство приняло постановление об образовании в районе Урала I Революционной армии труда. В конце января была создана Украинская трудовая армия, позднее — Петроградская, Кавказская, Сибирская, Туркестанская и др.

В январе 1920 г. ЦК партии опубликовал тезисы «О мобилизации индустриального пролетариата, трудовой повинности, милитаризации хозяйства и применении воинских частей для хозяйственных нужд» [221], которые затем были утверждены IX съездом РКП(б) [222]. В них говорилось: «Промышленный пролетариат, главный носитель политической власти, должен в ближайшую эпоху все свое внимание и все усилия сосредоточить на организации хозяйства и на непосредственном участии в производственном процессе» [223]. Для этого, указывал съезд, необходимо «взять на учет всех квалифицированных рабочих с целью их привлечения к производственной работе... Всякий квалифицированный рабочий должен вернуться к работе по своей специальности» [224]. Сосредоточение профессионально обученных рабочих, согласно тезисам ЦК, должно было достигаться методами улучшения

---

[220] В. И. Ленин. Соч., т. 29, стр. 94.

[221] «Правда», 22 января 1920 г.

[222] «IX съезд РКП(б), март — апрель 1920 года», протоколы. М., 1960, стр. 553—558.

[223] Там же, стр. 554.

[224] «КПСС в резолюциях...», ч. I, стр. 479.

продовольственного и вообще материального положения рабочих, организационным воздействием со стороны профсоюзов и в необходимых случаях «мерами государственного принуждения» [225].

Недостаток рабочей силы на предприятиях военной промышленности заставил отозвать из армии с 12 октября 1919 г. по 1 июня 1920 г. 43 703 рабочих, в том числе более 5 тыс. квалифицированных [226].

В порядке трудовой повинности проводились профессиональные мобилизации по именным спискам предприятий. Рабочие, покинувшие по различным причинам промышленность, вызывались через комитеты труда к месту своей прежней работы.

Привлечение рабочей силы в промышленность и другие неземледельческие отрасли хозяйства путем трудовых мобилизаций было особенно характерно для последнего года гражданской войны.

5 февраля 1920 г. в «Известиях ВЦИК» за подписью В. И. Ленина было опубликовано постановление СНК «О порядке всеобщей трудовой повинности». На основании этого постановления трудящееся население привлекалось к единовременному или периодическому выполнению различных видов трудовой повинности: топливной, сельскохозяйственной, строительной, дорожной, продовольственной, снеговой, гужевой и т. п. Предусматривались использование рабочей силы частей Красной Армии и перевод необходимых квалифицированных рабочих из армии, сельского хозяйства и кустарной промышленности на работу в государственных предприятиях, учреждениях и хозяйствах, а также привлечение к труду лиц, ранее нигде не работавших, и перераспределение наличной рабочей силы.

Общее руководство проведением трудовой повинности было возложено на Совет Рабоче-Крестьянской Обороны. Был образован Главный комитет по всеобщей трудовой повинности (Главкомтруд) под председательством Ф. Э. Дзержинского, а на местах — губернские, уездные и городские комитеты.

12 марта состоялось постановление Совета Обороны о мобилизации 15 тыс. мужчин и 20 тыс. женщин для астраханских рыбных промыслов [227]. 16 апреля началась мобилизация горнорабочих-забойщиков [228]. 27 апреля Совет Труда и Обороны объявил мобилизацию специалистов водного транспорта [229]. 5 мая Ленин подписал постановление СТО о мобилизации строительных рабочих [230], 20 августа — о трудовой мобилизации рабочих,

[225] «IX съезд РКП(б)», стр. 554.
[226] С. Кляцкин. Из истории организации производства вооружения, боеприпасов и боевого снабжения Красной Армии в 1918—1920 гг.— Докл. и сообщ. Ин-та истории, вып. 11. М., 1956, стр. 89.
[227] «Известия Главкомтруда», 1920, № 2, стр. 6.
[228] Там же, стр. 7.
[229] Там же, стр. 8.
[230] «Известия Главкомтруда», 1920, № 3, стр. 12.

ранее работавших на металлических заводах, включенных в ударную группу[231]. На основании директив правительства во второй половине 1920 г. был проведен ряд мобилизаций. Примером может служить осенняя мобилизация в Тверской губернии: из 17 495 человек на Коломенский завод было направлено 136, на Ижевский — 128, на Тульский оружейный — 93, на Брянский — 59, на Подольский — 68 и т. д.[232]

Не хватало не только квалифицированных рабочих, но и чернорабочих. На 1 августа различным отраслям народного хозяйства требовалось всего более 500 тыс. человек. Была проведена мобилизация через военные органы. 13 сентября Совнарком РСФСР принял постановление о трудовой мобилизации граждан, родившихся в 1886, 1887 и 1888 гг. Она проводилась в 37 губерниях. Призвано было 131 тыс. человек из подлежавших мобилизации 146 621[233]. Трудармейцы использовались на лесозаготовках, транспорте, в строительстве, на сельскохозяйственных работах и в промышленности.

Централизованное распределение трудовых ресурсов во время войны сыграло решающую роль в обеспечении промышленности и народного хозяйства в целом рабочей силой, оно явилось также одним из методов предохранения рабочего класса от распыления и деклассирования. Однако всеобщая трудовая повинность и трудовые мобилизации не могли быть постоянно действующим методом социалистического строительства. Они не могли восстановить и консолидировать ряды рабочего класса.

---

[231] «Известия ГКТ и НКТ», 1920, № 6, стр. 14.
[232] «Известия ГКТ и НКТ», 1920, № 7, стр. 25, 26.
[233] ЦГАОР и СС, ф. 382, оп. 4, д. 654, л. 56.

Глава II

КУРС ПАРТИИ НА ПОДЪЕМ ПРОМЫШЛЕННОСТИ И УКРЕПЛЕНИЕ РЯДОВ РАБОЧЕГО КЛАССА НА ПУТЯХ НЭПА

Значение ленинского плана Гоэлро для роста, формирования и консолидации рабочего класса

Вопрос о восстановлении и консолидации рядов рабочего класса Коммунистическая партия, В. И. Ленин рассматривали в неразрывной связи с общей проблемой развития производительных сил советского общества, создания социалистического способа производства.

Материально-производственная база дореволюционной России сильно отставала от передовых капиталистических стран. В. И. Ленин писал в 1913 г.: «...Россия остается невероятно, невиданно отсталой страной, нищей и полудикой, оборудованной современными орудиями производства вчетверо хуже Англии, впятеро хуже Германии, вдесятеро хуже Америки» [1].

Историки, изучающие развитие капитализма в России, установили, что промышленный переворот здесь протекал сравнительно быстро. Они особо подчеркивают этот факт. Однако следовало бы обратить внимание и на то, что промышленное развитие страны не получило того всеохватывающего значения, которое оно имело в Англии и других крупных капиталистических странах. Во многих районах царской России машинное производство было исключением.

Российская империя была страной в основном мелкого крестьянского и кустарного производства, 75% ее населения занималось сельским и лесным хозяйством [2]. В 1916 г. в ней было более 21 млн. мелких и мельчайших единоличных крестьянских хозяйств. К началу XX в., по вычислениям В. И. Ленина, в России числилось около 10 млн. наемных рабочих, из них на фабрично-

[1] В. И. Ленин. Соч., т. 19, стр. 261.

[2] «Достижения Советской власти за 40 лет в цифрах», стат. сб. М., 1957, стр. 249.

заводскую и горную промышленность, а также железные дороги приходилось 1,5 млн., на сельское хозяйство — 3,5 млн., строительных рабочих было около 1 млн., рабочих на дому — 2 млн., около 2 млн. было занято на лесных, земляных и других «черных» работах [3]. Таким образом, в крупной промышленности России работала незначительная часть пролетариата. Особенно мало рабочих было занято в тяжелой индустрии: всего 15—18% населения (в Англии 60%, в Германии 50%) [4].

Царское правительство и буржуазия не заботились о равномерном, соответствующем интересам народов России размещении индустрии. В промышленное развитие были вовлечены главным образом районы Европейской части страны (Северо-Западный, Центрально-промышленный, Урал, Донбасс, Бакинский нефтяной и некоторые другие). Огромные по территории и населению, богатые ресурсами районы на севере, востоке и юге не были им даже затронуты. Здесь совершенно отсутствовали крупные фабрики и заводы, современный индустриальный пролетариат. «К северу от Вологды, к юго-востоку от Ростова-на-Дону и от Саратова, к югу от Оренбурга и от Омска, к северу от Томска,— писал В. И. Ленин,— идут необъятнейшие пространства, на которых уместились бы десятки громадных культурных государств. И на всех этих пространствах царит патриархальщина, полудикость и самая настоящая дикость. А в крестьянских захолустьях всей остальной России? Везде, где десятки верст проселка — вернее: десятки верст бездорожья — отделяют деревню от железных дорог, то есть от материальной связи с культурой, с капитализмом, с крупной промышленностью, с большим городом. Разве не преобладает везде в этих местах тоже патриархальщина, обломовщина, полудикость?» [5].

Пролетариат России как класс буржуазного общества сформировался к концу XIX в., но не равномерно по всей территории страны, а преимущественно в отмеченных выше индустриальных центрах; на востоке страны, особенно в Туркестане, индустриальных рабочих почти не было.

Ссылаясь на отсталость промышленного развития и малочисленность пролетариата России, меньшевики утверждали, что в нашей стране в 1917 г. не было объективных предпосылок для победы социалистической революции. Они руководствовались при этом определенным шаблоном, сложившимся в результате наблюдения за развитием западноевропейских стран в доимпериалистическую эпоху капитализма. Они оказались неспособны понять своеобразие исторического процесса в России, отражавшего, однако, общую линию мирового развития. Рабочие и крестьяне России создание «предпосылок цивилизованности», предпосылок социализма начали с изгнания помещиков и капитали-

[3] В. И. Ленин. Соч., т. 3, стр. 510.
[4] «Вопросы труда», 1925, № 9, стр. 7.
[5] В. И. Ленин. Соч., т. 32, стр. 328—329.

ходе его выполнения разрабатывались новые, дополнительные проектировки по сооружению электрических станций и промышленных предприятий, в частности в национальных районах СССР. Так, в сентябре 1922 г. Госплан РСФСР принял постановление о постройке Земо-Авчальской гидроэлектростанции в Грузии. В 1923 г. было решено приступить к строительству Ереванской электростанции на реке Занге.

Коммунистическая партия исходила из необходимости ликвидировать фактическое национальное неравенство во всех сферах общественной и хозяйственной жизни и требовала планомерного насаждения промышленности в национальных республиках. Вполне понятно, что сразу после окончания гражданской войны невозможно было приступить к строительству новых фабрик и заводов. В резолюции X съезда РКП(б) «Об очередных задачах партии в национальном вопросе» отмечалось, что около 25 млн. населения (Туркестан, Дагестан, татары, башкиры, киргизы и др.) не успели пройти капиталистическое развитие и поэтому не имеют своего промышленного пролетариата. В большинстве случаев они сохраняли скотоводческое хозяйство и патриархально-родовой или полупатриархально-полуфеодальный быт. Для того чтобы ликвидировать их отставание, съезд рекомендовал развивать в национальных районах промышленность «путем переноса фабрик к источникам сырья», «поставить и развить широкую сеть курсов и школ как общеобразовательного, так и профессионально-технического характера на родном языке... для ускоренной подготовки местных кадров квалифицированных рабочих и советско-партийных работников» [27].

Несмотря на огромные трудности и скудные материальные ресурсы, правительство РСФСР, возглавляемое В. И. Лениным, приняло неотложные меры по переводу промышленных предприятий из центральных губерний страны в национальные республики Средней Азии и Закавказья. В Армению была перебазирована со всем оборудованием ткацкая и прядильная фабрика из Вичуги. 25 августа 1922 г. представительство Армении в Москве сообщало: «В неуклонном стремлении оказывать широкую помощь всем нуждающимся правительство РСФСР принесло Армении в дар ткацко-прядильную фабрику. Этот щедрый дар сулит трудящимся массам Армении в будущем неисчислимые выгоды» [28]. 14 августа ВСНХ РСФСР постановил бесплатно отпустить Азербайджанской ССР оборудование двухрамного лесопильного завода [29]. 18 ноября президиум ВСНХ постановил: «Во исполнение постановления СТО от 6 октября признать возможной постройку в Туркестане хлопчатобумажной мануфактуры (прядильно-ткацкая и отделочная фабрика). Предоставить

[27] «КПСС в резолюциях...», ч. I, стр. 559 и 560.
[28] ЦГАОР и СС, ф. 130, оп. 6, д. 782, л. 4.
[29] ЦГАОР и СС, ф. 3429, оп. 5, д. 466, л. 3.

в распоряжение Туркреспублики одну из бездействующих фабрик размером не менее 40 000 веретен с соответствующим числом ткацких станков (1200) и ситцепечатных машин (6 машин) и отделочных аппаратов на 2000 кусков ежедневной продукции»[30]. Было решено перебазировать в Туркестан Измайловскую мануфактуру с 42 тыс. веретен и 625 ткацкими станками. Недостающее оборудование предполагалось взять с других бездействовавших предприятий. ВСНХ обязал Туркреспублику «в кратчайший срок представить смету и план работ по постройке мануфактуры с учетом местных климатических и географических условий, а также финансовый план работ мануфактуры»[31]. Кроме того, оборудование для двух суконных фабрик было переброшено в Казахстан (в Кустанай и Уральск)[32].

Перебазирование промышленных предприятий из центра страны в Среднюю Азию и Закавказье свидетельствовало о горячем и искреннем стремлении русского рабочего класса, Коммунистической партии и Советского правительства помочь промышленному развитию и образованию современного фабрично-заводского пролетариата в этих районах.

Осуществление ленинского плана создания материально-технической базы социализма было важнейшим условием количественного и качественного роста, улучшения материального положения рабочего класса, повышения его культурного уровня и консолидации.

Перестройка отношений между рабочим классом и трудовым крестьянством

В конце гражданской войны, до перехода Советского государства к новой экономической политике, Коммунистическая партия и правительство предполагали начать восстановление народного хозяйства с восстановления крупной промышленности и вести его более быстрыми темпами, чем это получилось в действительности. План Гоэлро был разработан в последний год войны, т. е. еще в условиях военного коммунизма, что, конечно, не могло не сказаться на подходе его составителей к экономическим проблемам.

Исходя из перспективного народнохозяйственного плана, VIII Всероссийский съезд Советов принял на 1921 г. обширную программу восстановления тяжелой индустрии, которая, однако, оказалась непосильной для страны. Слишком велики были раны, нанесенные войной народному хозяйству, слишком глубоко было

---

[30] ЦГАОР и СС, ф. 130, оп. 6, д. 266, л. 126.

[31] Там же.

[32] Г. Чуланов. Промышленность Казахстана за годы Советской власти. Алма-Ата, 1951, стр. 25.

торов [45]. Указывая на бесхозяйственность, нехватки и непорядки на предприятиях, бюрократизм главков и центров, ораторы не жалели резких выражений. А. Я. Вышинский, работавший тогда в Наркомпроде и выступавший на конференции в качестве докладчика по продовольственному вопросу, в своей статье «Уроки одной конференции», опубликованной в «Правде», писал: «Раздражение конферентов доходило до потери самообладания...» [46]. Суровая критика рабочих была направлена против политики военного коммунизма, излишнего централизма в управлении народным хозяйством и бюрократизма.

Состав делегатов был неоднородный. Среди них было немало сочувствующих Коммунистической партии. Присутствовали также «беспартийные» меньшевики, неудачно пытавшиеся протащить резолюцию о независимости профсоюзов и использовать недовольство металлистов во вред Коммунистической партии и Советской власти. В составе делегатов имелись и сторонники «рабочей оппозиции», выступавшие с защитой анархо-синдикалистских взглядов.

По докладу об отношении рабочего класса к крестьянству конференция металлистов приняла следующее знаменательное постановление: «Признать существующую форму получения с крестьян продуктов их труда путем разверстки нецелесообразной, так как разверстка, вызывая ухудшение и развал сельского хозяйства, не только не отвечает интересам крестьянских масс, но также и губительным образом отражается на положении рабочих масс. Заменить разверстку определенным натуральным налогом». В постановлении указывалось, что налог не должен быть обременительным для крестьян, а остатки продуктов следует оставлять в их непосредственном пользовании, причем продажу излишков разрешить лишь организациям трудящихся через кооперативы. Конференция предложила наладить снабжение крестьян сельскохозяйственными орудиями, семенами, рабочим скотом и предметами первой необходимости [47].

На последнем заседании конференции, 4 февраля, выступил В. И. Ленин, посвятивший свою речь посевной кампании и взаимоотношениям рабочих и крестьян. Здесь он впервые после окончания гражданской войны высказался за пересмотр отношения к крестьянству [48].

Состоялись также собрания булочников, кожевников, железнодорожников и рабочих других профессий, которые, как и металлисты, требовали отмены продовольственной разверстки и допущения свободы торговли. Аналогичные беспартийные рабочие конференции проходили в Петрограде и других городах

---

[45] ГАОРСС МО, ф. 180, оп. 2, д. 75, л. 891.
[46] «Правда», 8 февраля 1921 г.
[47] «Коммунистический труд», 16 февраля 1921 г.
[48] См. В. И. Ленин. Соч., т. 32, стр. 89.

Их решения тоже были направлены против политики военного коммунизма. В феврале и начале марта, когда продовольственный паек был вновь понижен, на многих крупных фабриках и заводах произошли забастовки.

Основной причиной широкого недовольства рабочих являлось их тяжелое материальное положение и страшное, нечеловеческое переутомление, вызванное войной, разрухой, недоеданием, эпидемиями.

Это недовольство стремились использовать для борьбы с Советской властью мелкобуржуазные партии меньшевиков и эсеров.

После окончания гражданской войны в нашей стране остались представители разбитых эксплуататорских классов. Классовая борьба не исчезла, а лишь видоизменилась. Остатки разгромленных эксплуататоров попрятались в щели и иногда даже пролезали в советские учреждения. Они были сильны своим хозяйственным и политическим опытом, своими знаниями, у них был припрятан капитал, имелись некоторые средства производства.

Помещики и буржуазия сохранили свои классовые белоэмигрантские организации за границей. Во время Октябрьской революции и гражданской войны из России бежало около полутора миллионов сторонников царского и буржуазного режимов. Белоэмигранты, имевшие различные политические программы, но единую антисоветскую цель, издавали десятки и сотни контрреволюционных газет, журналов, книг, в которых на все лады доказывали неизбежность и неотвратимость реставрации капиталистических порядков в России.

Верными лакеями всех этих потерпевших крушение господ были меньшевики и эсеры. Они во что бы то ни стало хотели восстановить в Советской стране буржуазный строй и надеялись использовать для этого свое влияние на отдельные отсталые в политическом отношении прослойки рабочих.

В дореволюционное время пролетариат России вследствие исторических особенностей своего развития был меньше, чем рабочие Западной Европы и Америки, затронут оппортунизмом. Однако и в России имелся, хотя и очень тонкий, слой рабочей аристократии, являвшейся рассадником буржуазной идеологии среди пролетариата.

В результате Октябрьской революции рабочая аристократия как общественное явление, свойственное эпохе империализма, исчезла, но соответствующие традиции и буржуазные пережитки в сознании известных групп пролетариата некоторое время сохранялись и наносили рабочему классу большой вред.

Подавляющее большинство рабочего класса поддерживало Коммунистическую партию и Советскую власть, но отдельные его прослойки в первые годы восстановительного периода шли за меньшевиками, эсерами, анархистами и другими партиями

мелкой буржуазии. Меньшевистски настроенные рабочие имелись, например, среди печатников и химиков. Влияние меньшевиков и эсеров в 1921 г. чувствовалось на некоторых фабриках и заводах Москвы, Петрограда, Сормова, Перми и других городов. Гораздо бо́льшим влиянием, чем в центральных районах страны, меньшевики и другие мелкобуржуазные партии пользовались на Украине и в Закавказье, особенно в Грузии.

Представители этих партий проникали на съезды и конференции профсоюзов, используя советскую демократию в интересах буржуазии. Они выискивали любой повод для злобной клеветы на Советскую власть, подбивали рабочих на забастовки и демонстрации против правительства. Они являлись организаторами контрреволюционных мятежей в различных районах страны и готовили такой же мятеж в Москве.

Лишь энергичными революционными действиями правительству удалось пресечь готовившуюся кровавую авантюру. Решением Совета обороны Москвы и губернии, который был создан ввиду возможности открытого выступления контрреволюции, столица была объявлена на военном положении. Видные деятели партий меньшевиков и эсеров, причастные к подготовлявшемуся мятежу, были арестованы и заключены в тюрьму. Выступая 14 марта 1921 г. с докладом о текущем моменте, М. И. Калинин заявил, что если бы в Москве не были арестованы лидеры меньшевиков и эсеров, то получился бы «московский Кронштадт»[49].

Организуя мелкобуржуазную контрреволюцию, меньшевики и эсеры надеялись увлечь за собой трудящиеся массы. Но они просчитались. Коммунистическая партия и правительство открыто признали справедливость требований крестьян и пошли на пересмотр политики военного коммунизма, на введение новой экономической политики, сущность которой заключалась в смычке города с деревней.

У партии коммунистов и рабоче-крестьянской власти не было иной цели, кроме заботы о благе трудового народа. Кончилась гражданская война — изжила себя система военного коммунизма. В истории советских республик наступила новая полоса развития — полоса мирного социалистического строительства, которой должна была соответствовать и экономическая политика, политика перехода от капитализма к социализму.

8—16 марта 1921 г. состоялся X съезд РКП(б). Центральным вопросом на съезде являлся вопрос об отношении к крестьянству, о продовольственном налоге. На своем 14-м заседании, 15 марта, съезд принял по докладу В. И. Ленина постановление о замене разверстки натуральным налогом. В постановлении указывалось, что крестьяне после уплаты определенного, точно

[49] ГАОРСС МО, ф. 66, оп. 12, д. 879, л. 189.

установленного налога могут распоряжаться излишками сельскохозяйственной продукции по своему усмотрению, могут продавать их на рынке. «...Нами осознано,— говорил В. И. Ленин,— что мы не в состоянии поднять производительность крупной промышленности так быстро, как это надо было бы для удовлетворения потребностей крестьян, не прибегая к таким костылям, как возрождение свободной торговли, свободной промышленности» [50].

Экономические интересы мелкого единоличного многомиллионного крестьянства потребовали перехода от продразверстки к налогу, введения свободного товарооборота и допущения капитализма в мелкой и отчасти средней промышленности. В интересах сотрудничества двух основных классов — рабочих и трудящихся крестьян — партия пошла на известный компромисс с некоторой частью буржуазии. По выражению В. И. Ленина, это был компромисс пролетариата, стоявшего у власти, с культурными капиталистами в интересах сохранения и развития крупного промышленного производства [51]. Допущение капитализма было временным, ограниченным определенными рамками в пределах, необходимых для восстановления народного хозяйства. При сохранении в руках государства крупной промышленности, транспорта, земли, банков и внешней торговли оно не ослабляло, а усиливало рабочий класс и его партию.

Натуральный налог на хлеб был определен правительством в 240 млн. пудов взамен 423 млн. пудов разверстки, на картофель — в 60 млн. пудов вместо 112 млн., на масличные семена — в 12 млн. пудов вместо 24 млн., на мясо — в 6,5 тыс. пудов вместо 25 460 тыс.

Постановление X съезда РКП(б) о продналоге явилось краеугольным камнем новой экономической политики Советской власти. Все последующие решения Коммунистической партии и законодательство Советского правительства по вопросам нэпа вытекали из этого постановления.

Новая экономическая политика Советского правительства основывалась на строгом учете экономических сил страны. Она не меняла единого народнохозяйственного плана, обеспечивавшего строительство социализма с материально-технической стороны, а лишь меняла «*подход* к его осуществлению» [52], требовала всесторонней увязки развития крупной индустрии с интересами крестьянского хозяйства. Новая экономическая политика была рассчитана на то, чтобы на хозяйственной основе укрепить союз рабочего класса и трудового крестьянства и при помощи этого союза обеспечить переход советского народа к социализму.

---

[50] В. И. Ленин. Соч., т. 32, стр. 279.
[51] См. там же, стр. 317, 318.
[52] В. И. Ленин. Соч., т. 35, стр. 456.

листом в своей отрасли производства. Нефтяная промышленность Баку была объединена в один трест «Азнефть». Ведущие металлообрабатывающие заводы РСФСР вошли в состав Объединения государственных машиностроительных заводов (Гомза). Трест «Льноправление» объединял 17 фабрик Владимирской и Костромской губерний (40% всей льняной промышленности). В хлопчатобумажном производстве были созданы Тверской, Московско-Пресненский, Серпуховский, Орехово-Зуевский и другие тресты.

Преобладали крупные объединения. В группе больших трестов, с числом рабочих более тысячи в каждом, было занято около 90% рабочих трестированной промышленности [69].

Трестированные предприятия составляли значительную часть советской крупной промышленности. Из общего числа 13 697 национализированных промышленных предприятий в 1923 г. примерно треть была сдана в аренду, столько же бездействовало и 4212 использовались государством. Подавляющая часть этих последних (3470) была сведена в тресты, комбинаты и другие объединения, которых на 31 октября 1923 г. насчитывалось 426 с числом рабочих 881 306 (без угольной и нефтяной промышленности). Всего на социалистических предприятиях, учитываемых статистикой ВСНХ, насчитывалось на 1 декабря 1923 г. 1 119 885 рабочих. Таким образом, в трестах было объединено 82% рабочих, вне трестов осталось около 240 тыс. человек [70].

Трестовые объединения, переведенные на хозяйственный расчет, получали известную самостоятельность в снабжении предприятий сырьем, топливом, материалами, деньгами, в сбыте продукции. Декрет ВЦИК и СНК РСФСР от 10 апреля 1923 г. «О государственных промышленных предприятиях, действующих на началах коммерческого расчета» дал определение трестов как промышленных предприятий, «которые действуют на началах коммерческого расчета с целью извлечения прибыли» [71]. Значение прибыли в деятельности трестов еще более резко подчеркивалось в изданном в развитие указанного декрета приказе ВСНХ от 16 июля 1923 г. [72]

Хозяйственный расчет в социалистической промышленности извращался в то время троцкистами и буржуазными экономистами, работавшими в советском аппарате. Они считали его тождественным капиталистическим методам хозяйствования. На самом деле советский хозяйственный расчет не имеет с ними ничего общего.

Советские тресты коренным образом отличались от анало-

---

[69] «Народное хозяйство СССР за 1921/1922 год», стр. 332.

[70] «Народное хозяйство СССР за 1922/1923 год», статистико-экономический ежегодник. М.— Л., 1924, стр. 125.

[71] СУ, 1923 г., № 29, ст. 336.

[72] «Сборник приказов по ВСНХ и его главным и функциональным управлениям», № 14. М., 1923, стр. 3.

гичных по названию промышленных объединений в капиталистических странах. В СССР тресты не являлись собственниками фабрик и заводов, они были лишь формой управления социалистической промышленностью. Право распоряжения основным капиталом трестов принадлежало Совету Труда и Обороны и ВСНХ. Сами тресты имели право распоряжаться лишь оборотными средствами. Организуя производство на принципе хозрасчета, Коммунистическая партия руководствовалась прежде всего задачами строительства социализма.

Хозяйственный расчет был необходим в интересах национализированной промышленности и государства в целом, ибо ее убыточность являлась одной из главных причин дефицитного бюджета и связанной с ним эмиссии. Требовалось построить промышленность на началах самоокупаемости. «Я думаю,— писал В. И. Ленин,— что тресты и предприятия на хозяйственном расчете основаны именно для того, чтобы они сами отвечали и притом всецело отвечали за безубыточность своих предприятий». Он считал, что хозяйственники должны «купцовским способом обеспечить полностью» интересы пролетарской диктатуры [73].

Тресты были общесоюзные, республиканские и местные. Последние, как правило, создавались в легкой индустрии и действовали на основе декрета СНК СССР от 17 июля 1923 г. [74]

Половина всех трестов входила в синдикаты, которые объединяли их торговые операции. В синдикатах было сконцентрировано 79% всех рабочих, занятых в трестированной промышленности. Вне синдикатов оставались преимущественно мелкие тресты [75].

В первое время трестированная промышленность испытывала большие трудности. В ее составе было много бездействовавших предприятий, которые требовали охраны и ухода за оборудованием. На это расходовались немалые денежные средства и продовольствие. Часть имущества бездействовавших предприятий расхищалась. Все эти расходы ложились тяжелым бременем на работавшие заводы и фабрики, загрузка которых в среднем составляла от 30% до 45% производственных мощностей [76]. Оборотный капитал едва достигал половины основного, в то время как в довоенное время он обычно равнялся ему. Недостаток оборотных средств (средств на выплату заработной платы, топлива, сырья и т. д.) наряду с низкой производительностью труда, большой себестоимостью изделий и высокими накладными расходами был главным препятствием к восстановлению крупной промышленности.

С целью преодоления всех этих трудностей была проведена концентрация промышленности.

---

[73] В. И. Ленин. Соч., т. 35, стр. 468.
[74] СУ, 1923 г., № 87, ст. 815.
[75] «Народное хозяйство СССР за 1922/1923 год», стр. 136.
[76] Там же, стр. 131.

Общественная собственность на средства и орудия производства дала возможность из огромной массы промышленных заведений отобрать наиболее ценные, жизнеспособные и необходимые и, сосредоточив в них материальные ресурсы и рабочую силу, добиться максимального эффекта. Предприятия, устаревшие в техническом отношении, нерентабельные, ликвидировались.

Концентрация промышленности проводилась и в годы гражданской войны, но более планомерный характер приняла в восстановительный период. Она имела исключительное значение для экономического развития страны, для укрепления рабочих кадров.

В результате концентрации в руках государственных органов осталось меньше предприятий, чем раньше, но они были крупными, и поэтому имелась возможность более рационально организовать их работу, увеличить нагрузку, снизить накладные расходы и себестоимость изделий, поднять производительность труда. Так, 120 кожевенных заводов стали выпускать столько же продукции, сколько в 1921 г. давала 1 тыс. заводов. Урал, сконцентрировав свое производство на минимальном числе заводов, увеличил производительность на 50—60% по сравнению с 1921 г.[77] В первой половине 1920 г. в Донбассе действовало 969 шахт, в первой половине 1922 г.— 288. Численность рабочих за это время уменьшилась с 127 655 до 99 384. Среднее число рабочих на одну шахту с 133 человек увеличилось до 345. Валовая добыча угля поднялась с 159,9 млн. пудов до 209,8 млн. Добыча в среднем на одну шахту увеличилась с 166 780 до 728 649 пудов[78].

С октября 1922 г. по июль 1923 г. общее число промышленных предприятий, находившихся в ведении ВСНХ, сократилось с 2554 до 2316, в том числе в топливной промышленности — с 258 до 254, в металлической — с 418 до 331, в текстильной — с 304 до 269, в кожевенной и обувной — с 275 до 219, в пищевой — с 154 до 117. Количество фактически занятых рабочих в среднем на одно предприятие за это время увеличилось по всем отраслям с 335 до 396, в топливной промышленности с 552 до 725, в горной — с 196 до 217, в металлической — с 492 до 644, в электротехнической — с 268 до 375, в текстильной — с 896 до 1027[79].

При проведении концентрации производства Советское правительство исходило не только из экономической, но также и из политической целесообразности. Наиболее рентабельными являлись тогда предприятия легкой промышленности, а многие предприятия металлургической и металлообрабатывающей индустрии были убыточны. Тем не менее их нельзя было закрывать, так

---

[77] «Стеногр. отчет V Всероссийского съезда профсоюзов 17—22 сентября 1922 г.» М., 1922, стр. 145.

[78] «Народное хозяйство СССР за 1922/1923 год», стр. 173.

[79] «Горнорабочий», 1923, № 1, стр. 66.

как они являлись базой диктатуры пролетариата. Известно, что в 1923 г. некоторые хозяйственники, поддержанные Троцким, предлагали закрыть Путиловский и другие крупнейшие нерентабельные заводы. Это предложение встретило категорическое возражение в ЦК РКП(б). «Политическое значение Путиловского завода настолько велико для жизни Петрограда,— говорится в отчете ЦК (за сентябрь-октябрь 1923 г.),— что ЦК высказался за необходимость дальнейшей работы завода и соответствующей поддержки его производства» [80]. Там, где закрытие промышленных предприятий означало удар по политическим интересам рабочего класса, подрывало его основные кадры и вело их к распылению, проведение концентрации было бы крупной политической ошибкой. Такая концентрация отвергалась партией и правительством.

В связи с недостатком материальных ресурсов и концентрацией проводилось сокращение штатов.

9 мая 1922 г. в газете «Экономическая жизнь» были опубликованы итоги работы комисии ВЦИК по сокращению штатов советских партийных и профсоюзных учреждений, а также промышленных предприятий. Всего было сокращено 2910 тыс. человек, в том числе 425 тыс. на транспорте и 260 тыс. в промышленности, подчиненной ВСНХ [81].

В обрабатывающей промышленности Петрограда с 1 октября 1921 г. по 1 мая 1922 г. было сокращено 18,2% рабочих и служащих, в металлопромышленности — 18,7% [82].

Как видно из отчета Экономического отдела Мосрайкома Союза металлистов, в июне 1921 г. в связи с концентрацией производства на заводе «Авиаприбор» было сокращено 162 человека. Из-за отсутствия топлива и материалов с завода б. «Перенуд» было уволено 77 человек, из мастерских Главного парка авиаимущества — 222, с Пресненского механического завода —204, с завода «Электросила» № 3 — 190, с фабрики б. Жако — 357, с Радиоаппаратного завода — 70, с Арматурного — 47 и т. д. В последующие месяцы сокращение продолжалось [83].

11 декабря 1921 г. ЦК профсоюза кожевников сообщал: «В настоящее время в связи с концентрацией рабочей силы на государственных предприятиях и сокращением штатов почти повсеместно 30—35% рабочих кожевенной промышленности были уволены с государственных предприятий и переданы на учет в отделы распределения рабочей силы. Часть из них нашла себе применение на частных предприятиях, в работе на дому, так называемые квартирники, часть же совсем не нашла себе работы» [84].

---

[80] «Известия ЦК РКП(б)», 1923, № 9-10, стр. 12.
[81] «Экономическая жизнь», 9 мая 1922 г.
[82] «Металлист», 1922, № 13-14, стр. 16—18.
[83] ГАОРСС МО, ф. 186, оп. 1, д. 648, л. 20.
[84] ЦГАОР и СС, ф. 5451, оп. 5, д. 518, л. 16.

В докладной записке ЦК Союза швейников от 27 мая 1922 г. говорилось, что сокращение промышленности вызвало «колоссальный рост безработицы». В июне 1921 г. в союзе насчитывалось 182 тыс. членов, в марте 1922 г.— 80 тыс., в мае 1922 г.— 50 тыс. Общее сокращение с июня 1921 г. по май 1922 г. достигло 73% всего состава работавших членов союза [85].

В первую очередь сокращались лица, имевшие свое хозяйство в деревне, прогульщики и дезорганизаторы производства, а также фабрично-заводские служащие, количество которых за годы войны непропорционально выросло. В 1913 г. в фабрично-заводской промышленности на одного служащего приходилось 14,6 рабочих а в июле 1921 г.— только 6,2 [86]. В результате сокращения к 1 июля 1923 г. на одного служащего приходилось уже 7,8 рабочих.

В худшую сторону за годы войны изменилось соотношение между основным производственным персоналом и подсобными рабочими, количество которых непомерно увеличилось. На Сормовском заводе, например, в 1913 г. их было 39,2%, а в декабре 1922 г.— 62,3% всех рабочих [87]. Нужно было во что бы то ни стало изменить это соотношение, что частично достигалось при сокращении штатов, во время которого хозяйственники, партийные и профсоюзные организации стремились сохранить основное ядро кадровых и высококвалифицированных рабочих.

Сокращение рабочих и служащих имело многие отрицательные, но неизбежные последствия. Оно было одним из источников безработицы. Кроме того, многие хозяйственники неверно поняли задачи сокращения, проводили его огульно, проявляя чрезмерное административное рвение. В числе уволенных оказалось излишне много женщин и подростков. Против этого Советским правительством были приняты необходимые меры.

В целом перестройка промышленности, несомненно, сыграла положительную роль в укреплении рядов рабочего класса. Новые формы и методы хозяйственного управления наиболее ярко выразили требования нового курса экономической политики Советской власти. В результате перестройки были сохранены, укомплектованы и поставлены в лучшее положение крупные фабрики и заводы, являвшиеся основой пролетарской диктатуры и строительства социализма в СССР. На них были сосредоточены лучшее оборудование, наиболее квалифицированные и сознательные кадровые рабочие и преданные своему делу специалисты. Все это открывало широкие перспективы для восстановления крупной машинной индустрии и консолидации рабочего класса.

---

[85] ЦГАОР и СС, ф. 5451, оп. 6, д. 305, л. 54.

[86] «Труд в СССР», статистико-экономический обзор, октябрь 1922 — март 1924 г., под ред. А. Г. Рашина. М., 1924, стр. 13.

[87] ЦГАОР и СС, ф. 130, оп. 27, д. 10, л. 8.

Частичное допущение капитализма в промышленности

Преобладающим социально-экономическим укладом в народном хозяйстве Советской страны в 20-е годы являлся мелкокрестьянский, мелкобуржуазный уклад, из которого неизбежно и стихийно рождался капитализм. Своей новой экономической политикой государство одновременно и расширяло рамки развития капиталистических отношений и ставило этот стихийный процесс под свой контроль. Вопрос об отношении к капитализму в то время волновал широкие массы трудящихся. Он затрагивал жизненные интересы рабочего класса. Часть коммунистов и беспартийных рабочих была настроена против допущения частного капитала. Это и понятно. Сотни лет трудящиеся гнули спину на помещиков и буржуазию. Справедливая классовая ненависть к угнетателям и опасение, как бы капиталисты вновь не надели на них ярмо, толкали их к отрицанию возможности даже временного хозяйственного сотрудничества с буржуазией. Коммунистической партии пришлось разъяснять массам необходимость допущения с известными ограничениями капитализма и свободной торговли, запретить которую при наличии в стране миллионов мелких производителей было невозможно. Единственно правильная политика Советской власти по отношению к капиталистическим элементам, выраставшим из мелкособственнического хозяйства, заключалась в том, чтобы «не пытаться запретить или запереть развитие капитализма, а стараться направить его в русло *государственного капитализма*» [88].

Рост государственного капитализма означал рост крупного производства, крупной промышленности, без которой невозможен и немыслим социализм. По отношению к мелкотоварному хозяйству, мелкобуржуазной стихии госкапитализм означал движение вперед. Поэтому В. И. Ленин предлагал использовать эту форму производства в интересах социалистического строительства.

В докладе на II Всероссийском съезде политпросветов в октябре 1921 г. он говорил, что если в известных пределах будет расти капитализм, то будет расти и крупная промышленность, а вместе с ней и пролетариат, который в Советской стране из-за войны, отчаянного разорения и разрухи был деклассирован, т. е. выбит из своей классовой колеи: «формально числился, но он не был связан экономическими корнями» [89]. Если капитализм частично восстановится, восстановится и пролетариат, занятый производством материальных ценностей, а не спекуляцией, не выделыванием зажигалок на продажу и прочей работой, не очень полезной, но неизбежной в условиях разрухи.

Наиболее простой и отчетливо выраженной формой госкапитализма являлись концессии, т. е. сдача Советским правительст-

[88] В И. Ленин. Соч., т. 32, стр. 323.
[89] В. И. Ленин. Соч., т. 33, стр. 43.

скую культуру. Авангард международного пролетариата, он первый в союзе с трудовым крестьянством открыл путь к власти, отстоял ее от покушений внутренней и международной контрреволюции. Теперь он должен был открыть путь к построению социалистического хозяйства. На этом пути ему предстояло экономическое соревнование с частным капиталом, с городской и сельской буржуазией, которое сводилось к беспощадной борьбе: кто кого — так стоял вопрос. Или капиталисты победят экономически и свергнут Советскую власть, или рабочий класс восстановит и разовьет крупную промышленность, поведет за собой по социалистическому пути трудовое крестьянство и ликвидирует капитализм.

В этой борьбе, в экономическом соревновании с капитализмом пролетариат имел все шансы на победу. Великий учитель и вождь Коммунистической партии В. И. Ленин говорил, что «экономически и политически *НЭП* вполне обеспечивает нам возможность постройки фундамента социалистической экономики. Дело «только» в культурных силах пролетариата и его авангарда» [124]. Представители рабочего класса должны были в кратчайшие исторические сроки овладеть искусством управления производством, наладить торговлю между городом и деревней, восстановить денежное обращение, добиться непрерывного роста жизненного уровня народных масс. Поэтому Коммунистическая партия призывала коммунистов и беспартийных рабочих накоплять знания, овладевать культурой управления. Она выдвигала из рядов трудящихся лучших организаторов и посылала их для трудной и ответственной работы на фабрики и заводы, в тресты и совнархозы, в смешанные общества и требовала, чтобы они учились у государственного капитализма, у старых, пропитанных буржуазным духом приказчиков, комиссионеров и буржуазных интеллигентов, поступивших на службу к Советской власти, сами стали опытными и образованными людьми, с тем чтобы строить свое социалистическое хозяйство без капиталистов и помещиков.

---

[124] В. И. Ленин. Соч., т. 33, стр. 223—224.

Глава III

ПЕРЕСТРОЙКА СИСТЕМЫ ЗАРАБОТНОЙ ПЛАТЫ И МЕТОДОВ ПРИВЛЕЧЕНИЯ РАБОЧЕЙ СИЛЫ

Переход Советского государства к новой тарифной политике

Новая экономическая политика Советского государства внесла ряд существенных изменений в положение рабочих. Новый подход к задачам хозяйственного строительства, перестройка управления промышленностью потребовали изменения системы оплаты труда, основой которой стали строгий хозяйственный учет количества и качества труда.

Новая система заработной платы вводилась постепенно. Сдерживающим началом при этом являлся недостаток продовольствия и обесценение денежных знаков. Элементы уравнительности и натуральная форма заработной платы сохранялись некоторое время и после перехода к нэпу.

Первый послевоенный год был необычайно тяжелым. Трудным было начало года, еще более трудной была весна. «Весна 1921 года,— писал Г. М. Кржижановский,— была наиболее зловещей из всех, какие пришлось переживать Советской России» [1]. Но бедствия, выпавшие на долю Страны Советов, не уменьшились и летом — осенью. Сказывались последствия опустошительного нашествия интервентов и белогвардейцев.

Не успело Советское государство справиться с неурожаем 1920 г., как на него нагрянуло новое, еще более грозное стихийное бедствие — засуха и неурожай 1921 г. Около 30 млн. человек в губерниях Поволжья, Южного Приуралья и части Левобережной Украины остались без хлеба и нуждались в помощи. В особенно тяжелом положении оказались промышленные рабочие. Большинство фабрик и заводов, находившихся в зоне

[1] «Воспоминания о В. И. Ленине», ч. II. М., 1954, стр. 565.

неурожая и голода, остановилось. Рабочие вынуждены были уезжать из родных мест. Поднялась новая волна переселения, вызвав дальнейшее распыление промышленного пролетариата. Сообщения, поступавшие из неурожайных губерний, рисовали картину тяжелых народных бедствий.

В «Обзоре деятельности» правления Симбирского отделения Всероссийского профсоюза текстильщиков за 1921 г. сообщалось о непрерывном ухудшении продовольственного положения, уменьшении пайка, ухудшении качества пищи, об уходе квалифицированных рабочих в деревню. В апреле 1921 г. рабочие вместо хлеба получили овес, и то лишь половину того, что им причиталось. В мае паек почти не выдавался. «Фабрики одна за другой стали останавливаться, а на некоторых фабриках стали возникать конфликты...»[2]. В поисках пищи «рабочие целыми семьями, толпами уходили в лес, на луга», где собирали желуди, березовые сережки, съедобные корни. Обессилев от голода, рабочие снижали дисциплину, были не в состоянии выполнить производственную программу[3]. В докладе о деятельности того же Симбирского отделения профсоюза текстильщиков за вторую половину 1921 г. сообщалось о продолжавшемся распылении рабочего класса. «Сокращение, а затем и постепенная ликвидация боевых фронтов,— говорилось в докладе,— давала надежду на приток новых сил к профсоюзам, но приходится констатировать, что притока этого почти совсем нет, что может быть объяснимо главным образом двумя причинами: инертностью масс и утечкой квалифицированной рабочей силы в деревню вследствие тяжелых материальных и продовольственных условий, в которых живет индустриальный пролетариат»[4].

Тревожные сообщения приходили с Урала, из Донецкого бассейна, из Саратовской, Самарской, Уфимской и других губерний, пораженных неурожаем. 9 марта 1922 г. Президиум Донецкого губотдела Союза горнорабочих обсуждал доклад Белокалитвенского райкома союза. Докладчик сообщал, что рабочие пухли от голода, ели кошек и собак, квалифицированные рабочие уходили с производства[5]. В «Письмах с Урала» А. М. Панкратова, находившаяся там в командировке, рассказывала, что рабочие Каслинского завода доставали из озера ил, глину и траву и после некоторой обработки употребляли в пищу[6].

Советское правительство прилагало титанические усилия, чтобы спасти рабочих. Из голодающих районов в другие губернии Наркомтруд РСФСР эвакуировал 96 705 рабочих и 101 617 членов их семей[7].

---

[2] ЦГАОР и СС, ф. 5457, оп. 5, д. 46, л. 14.
[3] Там же, л. 15.
[4] Там же, л. 7.
[5] ЦГАОР и СС. ф. 5459, оп. 3, д. 16, л. 150.
[6] «Металлист», 1922, № 7-8, стр. 45.
[7] ЦГАОР и СС. ф. 382, оп. 4, д. 728, л. 3.

Страдали от недоедания и отсутствия самых необходимых вещей рабочие Москвы, Петрограда, Иваново-Вознесенска, Владимира, Ярославля, Нижнего Новгорода, Тулы и других промышленных городов и фабрично-заводских поселков Центральной России.

25 марта 1921 г. заведующий Отделом охраны труда Союза строительных рабочих направил доклад председателю Комиссии по улучшению быта рабочих при Моссовете Ф. Э. Дзержинскому. В докладе сообщались факты о тяжелом материальном и жилищном положении строительных рабочих. На Подольском паровозоремонтном заводе 500 строителей не имели белья и постельных принадлежностей, спали на голых нарах. В таких же условиях жили строительные рабочие Казанского вокзала и др. [8]

В апреле группа рабочих написала председателю Совнаркома РСФСР В. И. Ленину, что у 65 трудармейцев, работавших в Москве по заданию Транспортного отдела Московского Совета, нет белья, обуви, постельных принадлежностей [9].

Правление Владимирского губернского отделения Союза текстильщиков в конце марта сигнализировало о катастрофическом положении с продовольствием [10].

Ярославский райком Союза металлистов 11 апреля направил в ЦК письмо, в котором сообщал о том, что рабочие Ярославля ездят в деревню и меняют на хлеб и картофель свои последние вещи. «Рабочие почти все разуты, нет нижнего белья... на голое тело приходится надевать верхнее платье... Многие рабочие болеют. Плохо с медикаментами. С жильем тоже плохо. Квартиры не ремонтируются. У рабочих нет никакой посуды, чтобы изготовить пищу и кушать». Вследствие всего этого, сообщалось в письме, «рабочие отчаиваются и смотрят на все безразлично, у всех является апатия» [11].

28 марта Ковровское подрайонное отделение Союза текстильщиков (Владимирская губерния) вынесло решение о прекращении работы на время распутицы на Камешковской, Сергехинской и Клязьменско-Городецкой фабриках, так как рабочие этих предприятий, проживавшие в ближайших деревнях, не имели обуви и не могли выходить на работу [12].

«Настоящее положение рабочих и трудящихся ужасно,— говорилось в докладной записке тарифно-нормировочной коллегии Тверского губотдела текстильщиков от 7 марта 1921 г.,— они голодны, холодны, разуты и раздеты» [13]. Рабочие текстильной промышленности Тверской губернии, говорилось в этом документе,

---

[8] ГАОРСС МО, ф. Комиссии по улучшению быта рабочих при Моссовете, д. 48, лл. 33—34.

[9] Там же, д. 43, лл. 108—109.

[10] ЦГАОР и СС, ф. 5457, оп. 5, д. 20, л. 61.

[11] ЦГАОР и СС, ф. 5469, оп. 5, д. 218, л. 167.

[12] ЦГАОР и СС, ф. 5457, оп. 5, д. 20, л. 61.

[13] Там же, д. 53, л. 47.

Не везде комиссии по улучшению быта рабочих добивались существенных результатов. Так, в Кубано-Черноморской области была сделана безуспешная попытка провести уплотнение домов, заселенных буржуазией. Не удалось и оборудовать столовые из-за отсутствия посуды и хозяйственных принадлежностей. Главным препятствием здесь, как и везде, был недостаток необходимых материальных средств [46]. 12 января 1922 г. ЦК Союза горнорабочих сообщал в центральную комиссию по улучшению быта рабочих, что «организованные на местах комиссии по улучшению быта за отсутствием материальных ресурсов заметных результатов не дали» [47].

В целом комиссии по улучшению быта рабочих выполнили поставленную перед ними задачу, способствуя быстрому бесплатному распределению среди рабочих имевшихся запасов и исправляя некоторые недостатки в работе органов, ведавших снабжением. В своей работе эти комиссии действовали методами военного коммунизма. Они были временным явлением, и в марте 1922 г. их ликвидировали. Параллельно с ними уже развивались новые формы распределения материальных благ, вызванные к жизни новой экономической политикой.

С переходом Советского государства к новой экономической политике уравнительная система распределения, которая была определяющей во время войны, стала тормозом развития производства и улучшения материального положения трудящихся.

Р. Э. Классон в письме В. И. Ленину от 10 июня 1921 г. сообщил о типичном примере противоречия между старой тарифной политикой и необходимостью повышения производительности труда. На заводе «Русская машина» (Москва) один из токарей стал работать на двух станках и заработал за день 2500 руб. (меньше стоимости одного фунта хлеба). В связи с этим управляющий заводом был оштрафован за нарушение тарифа металлистов. Работа на двух станках была прекращена. Этот же рабочий, выполняя частные заказы, зарабатывал по 20—30 тыс. руб. в день [48]. Неудивительно поэтому, что наиболее квалифицированные рабочие высказывались против уравнительности в оплате труда. Необходимость изменения системы оплаты прекрасно понимали Коммунистическая партия и Советское правительство. «В нашем распределении продовольствия,— говорил В. И. Ленин в июне 1921 г.,— оказались недостатки, и дальше так продолжаться не может. То распределение продовольствия, которое мы основывали на началах уравнительных, создавало уравнительность, иногда вредную для того, чтобы повысить производство» [49].

---

[46] ЦГАОР и СС, ф. 5451, оп. 5, д. 433, л. 50.
[47] ЦГАОР и СС, ф. 1251, оп. 1, д. 6, л. 9.
[48] «Исторический архив», 1956, № 1, стр. 27.
[49] В. И. Ленин. Соч., т. 32, стр. 424.

При капитализме в основе распределения материальных благ лежит принцип частной собственности на орудия и средства производства, принцип прибавочной стоимости и классовое неравенство. Там получает больше не тот, кто больше, усерднее и производительнее трудится, а тот, кто имеет капитал, кто эксплуатирует рабочих, мелких земледельцев и кустарей.

В условиях пролетарской диктатуры рабочий класс не отделен от средств производства. Совместно со всем советским народом он является коллективным владельцем фабрик и заводов. Задачей развития производства в этих условиях является не накопление прибыли для капиталистов, а удовлетворение насущных потребностей трудящихся. Поэтому и распределение основано на социалистическом принципе: от каждого по способностям, каждому по труду.

Социалистические производственные отношения — источник творческого труда советских рабочих, могучий ускоритель развития народного хозяйства, повышения производительности труда, однако их активизирующее значение проявляется не непосредственно.

В восстановительный период действовали два основных стимула к труду: материальный и моральный. Первый выражался в личной материальной заинтересованности трудящихся в повышении производительности труда, второй — в сознательном, патриотическом стремлении рабочих и служащих во что бы то ни стало (без особого вознаграждения) поднять производство и тем укрепить советский строй. Оба эти стимула действовали в неразрывной связи, но первый из них в силу многих причин являлся основным, решающим. «Не на энтузиазме непосредственно, а при помощи энтузиазма, рожденного великой революцией,— говорил В. И. Ленин,— на личном интересе, на личной заинтересованности, на хозяйственном расчете потрудитесь построить сначала прочные мостики, ведущие в мелкокрестьянской стране через государственный капитализм к социализму»[50]. Иначе, говорил далее Ленин, подвести к коммунизму десятки миллионов людей нельзя. Личную материальную заинтересованность трудящихся в развитии производства он считал важнейшей опорой социалистического хозяйствования после перехода Советского государства к нэпу.

В работе по организации труда партия и правительство строго следовали указаниям своего великого учителя. Еще в годы гражданской войны, когда разорение республики достигло самой высокой степени, всячески поощрялись рабочие, которые достигали высокого уровня производительности труда. После перехода к мирному хозяйственному строительству, с выдвижением на первый план задач подъема промышленности, транспорта и сельского хозяйства, отдельные поощрительные меры,

[50] В. И. Ленин. Соч., т. 33, стр. 36.

применявшиеся по отношению к передовым рабочим, оказались недостаточными. В 1921 г. партия и правительство осуществили переход к новой тарифной политике.

Принципы оплаты труда, установленные в годы гражданской войны, подверглись резким изменениям. Вместо уравнительного распределения материальных благ, применявшегося в 1919—1920 гг., в основу заработной платы был положен принцип оплаты по количеству и качеству труда.

7 апреля Совнарком РСФСР принял постановление «Об урегулировании оплаты труда рабочих»[51]. Этим постановлением СНК отменил ограничения приработка при сдельно-премиальной системе оплаты труда, введенные в 1920 г., предоставив всем рабочим возможность путем добросовестного отношения к работе увеличивать свой заработок до таких пределов, какие позволяли их силы, трудовые навыки и квалификация. Местным органам управления промышленностью разрешалось устанавливать простую сдельную оплату труда.

Это постановление касалось денежного заработка, который в 1921 г. составлял 13,8% совокупной заработной платы (натуральной и денежной) индустриального рабочего[52].

В тот же день Совнарком принял декрет «О натуральном премирования рабочих»[53], на основании которого в важнейших отраслях промышленности вводилась выдача премий из натуральных фондов, создаваемых путем отчисления продукции предприятия. Размеры отчислений определялись в зависимости от производительности труда. Рабочему полагалась и находилась в полном его распоряжении определенная доля изделий. Он мог получить их непосредственно или вместо них продукты питания, так как заводоуправления часть премиальных фондов передавали в местные кооперативы для обмена на продукты.

В разных отраслях промышленности устанавливались различные нормы отчисления изделий для премирования: в швейной — 1,8%, обувной — 1,5%, парфюмерной — 1%[54], в хлопчатобумажной —5%[55]. Рабочие и служащие свеклосахарных заводов получали 1,5% годовой выработки сахарного песка. На рафинадных заводах отчислялось 0,4% месячной выработки прессованного сахара[56]. При распределении премии рабочие и служащие сахарозаводов делились на три группы в зависимости от их инициативности и достигнутой производительности труда. В каменноугольной промышленности отчисления производились ежемесячно. В Донбассе отчислялось 1800 тыс. пудов угля, в

---

[51] СУ, 1921 г., № 27, ст. 154.

[52] С. Г. Струмилин. Заработная плата и производительность труда в русской промышленности за 1913—1922 гг. М., 1923, стр. 18.

[53] СУ, 1921 г., № 28, ст. 156.

[54] «Экономическая жизнь», 8 июня 1921 г.

[55] «Экономическая жизнь», 14 июня 1921 г.

[56] ЦГАОР и СС, ф. 5451, оп. 5, д. 341, л. 84.

Подмосковном бассейне —312 тыс., на Урале —280 тыс., в Кузбассе —250 тыс. пудов. В нефтяной промышленности премии выдавались керосином. В Грозном фонд премии равнялся 0,25% налива всех нефтепродуктов, в Баку —1% произведенного керосина. В различных районах добычи соли премии составляли от 0,25% до 1% продукции [57].

Отчислять изделия собственного производства в премиальный фонд имели право лишь те предприятия, которые выполнили производственную программу не менее чем на 60% [58].

На предприятиях, которые не вырабатывали товаров, годных для обмена, допускалось изготовление предметов широкого потребления на свободных станках в неурочное время.

Для того чтобы усилить заготовку хлеба и быстрее улучшить материальное положение рабочего класса, постановлением Совета Народных Комиссаров от 13 мая 1921 г. был создан государственный обменный авансовый фонд [59], состоявший из денежных знаков (40 млрд. руб.) и фабрично-заводских изделий (соль, керосин, гвозди, посуда, галантерея, сельскохозяйственные орудия и т. п.). Этот фонд находился в распоряжении Временного рабочего комитета (рабкооп) при Всероссийском центральном союзе потребительских обществ и распределялся по промышленным центрам, которые затем вели товарообмен в хлебородных губерниях. Полученное продовольствие поступало в рабочие кооперативы, которые распределяли его среди рабочих и служащих.

Введение натурального премирования было встречено основной массой рабочих с удовлетворением. Оно дало возможность путем обменных операций получать из деревни хлеб, картофель, мясо и другие продукты. Натуральное премирование способствовало личной заинтересованности трудящихся в интенсификации и повышении производительности труда. Как видно из «Обзора тарифной работы по губсовпрофам Украины...», производительность труда в некоторых случаях после введения натурпремирования повышалась в три раза [60]. Рабочие стремились остаться на производстве сверхурочно [61].

Однако натуральное премирование имело свои отрицательные стороны. Многие рабочие получали премию непосредственно изделиями производства и спешили на рынок или в деревню, чтобы обменять их на хлеб в обход кооперации. Это отвлекало их от выполнения производственных заданий, временно превращало в торговцев и спекулянтов. В виде премии рабочие получали самые разнообразные изделия, номенклатура которых включала более 185 названий: ситец, обувь, посуду, лапти,

---

[57] Там же, л. 114.
[58] Там же.
[59] СУ, 1921 г., № 47, ст. 228.
[60] ЦГАОР и СС, ф. 5451, оп. 5, д. 323, л. 11.
[61] Там же, л. 24.

телогрейки, бочки, корыта, чугунные отливки, плиты, кирпичи, колеса, хомуты и даже тарантасы и дуги[62]. И все это нужно было обменять на хлеб или продать. На X конференции РКП(б) в мае 1921 г. В. И. Ленин со всей прямотой отметил, что натуральное премирование изделиями промышленности являлось уступкой мелкобуржуазным настроениям рабочих, уступкой, вынужденной продовольственными и топливными затруднениями. Эта уступка была необходима в интересах поддержания пролетариата, улучшения его материального положения[63].

Премирование рабочих изделиями промышленности имело и другие минусы. Фонды его были весьма ограничены. Премии выдавались с большим запозданием. Во многих случаях премирование вылилось в простое дополнение к пайку. В наибольшей степени натурпремирование было использовано теми предприятиями, которые вырабатывали предметы широкого потребления и крестьянского обихода. В решающих отраслях тяжелой промышленности оно не могло быть введено. Так, его не было в металлургии. В горной промышленности премирование применялось не везде.

Следует иметь также в виду, что премирование фабрично-заводскими изделями имело смысл в сочетании с товарообменом между городом и деревней, но товарообмен не оправдал себя. Сильнее его оказалась обыкновенная купля и продажа за деньги. В связи с этим потеряло свое значение и натуральное премирование фабрично-заводскими изделиями. Осенью 1921 г. оно было отменено.

Натуральное премирование было дополнительным вознаграждением к зарплате. Оно не отменяло тарифные правила, введенные во время войны. Первой серьезной попыткой изменить старую тарифную политику являлось коллективное снабжение.

В мае 1921 г. ВЦСПС внес на утверждение Политбюро ЦК РКП(б) проект общего перехода с индивидуального на коллективное снабжение. ЦК партии признал это невозможным и рекомендовал коммунистической фракции IV Всероссийского съезда профсоюзов (17—25 мая 1921 г.) внести на съезде предложение о том, чтобы этот переход был вначале сделан в виде опыта на некоторых предприятиях[64]. Руководствуясь указаниями Центрального Комитета, Всероссийский съезд профсоюзов постановил вместо индивидуальной выдачи продовольствия по карточкам на некоторых предприятиях ввести коллективное снабжение. Необходимость таких изменений в тарифной политике признала также X Всероссийская партийная конференция (26—28 мая 1921 г.).

16 июня В. И. Ленин в своем выступлении на III Всероссий-

---

[62] С. Г. Струмилин. Проблемы экономики труда. М., 1957, стр. 515.
[63] См. В. И. Ленин. Соч., т. 32, стр. 388.
[64] «Известия ЦК РКП(б)», 1922, № 4, стр. 5.

ском продовольственном совещании призвал «с надлежащей осторожностью и постепенностью, но все же немедленно стать на путь испытания коллективного снабжения» [65]

18 июня Совет Труда и Обороны принял постановление «О коллективном снабжении рабочих и служащих некоторых государственных предприятий» [66], а также «Основную инструкцию» по применению этого постановления.

За предприятием, переведенным на коллективное снабжение, закреплялся определенный денежный и продовольственный фонд заработной платы, исчисляемый по наличному составу рабочих на март 1921 г. Размер фонда соответствовал выполнению производственной программы, он не уменьшался, если сокращался штат. Основная цель коллективного снабжения состояла в том, чтобы заинтересовать рабочих в увеличении выработки и освободить промышленность от излишней рабочей силы.

В список предприятий, подлежавших переводу на коллективное снабжение, подписанный 22 июня В. И. Лениным, было включено 39 важнейших фабрик и заводов [67]. В дальнейшем СТО неоднократно занимался коллективным снабжением. 27 июля он признал необходимым скорейший перевод на коллективное снабжение заводов Донецкого района и уральской группы [68]. 12 августа он рекомендовал при определении норм коллективного снабжения исходить из расчета 36 фунтов хлеба на работника и 18 фунтов на члена семьи в месяц [69]. 24 августа он поручил РКИ и Наркомпроду «обследовать систему и принципы выдачи продуктов в предприятиях, в коих уже введено коллективное снабжение, обратив особое внимание на то, как отразился этот метод снабжения на производительности предприятия и сокращении штатов» [70].

Опыт дал положительные результаты. Обследование предприятий, находившихся на коллективном снабжении, показало, что на большинстве из них увеличилась производительность труда, сократились прогулы, возросли заработки рабочих. За первый месяц на подавляющем числе предприятий выработка продукции возросла на 17,2%, за второй — на 27,7% [71]. Мытищинский вагоностроительный завод выполнил производственное задание в августе на 65%, в сентябре — на 118%. Сормовский машиностроительный завод в июле дал 32,7% задания, в августе —60,5%, в сентябре —108,6% [72]. В военной промышленности в результате перехода на коллективное снабжение численность

---

[65] В. И. Ленин. Соч., т. 32, стр. 424.
[66] ЦГАОР и СС, ф. 130, оп. 5, д. 408, л. 27.
[67] Там же.
[68] Там же, д. 422, л. 61.
[69] Там же, д. 427, л. 22.
[70] Там же, д. 429, л. 101.
[71] «Бюллетень ЦСУ», № 60, 1922, стр. 9.
[72] Там же, стр. 36.

менно с трудовыми мобилизациями Наркомтруд все шире применял добровольную вербовку, которая являлась одним из элементов планового государственного руководства собиранием квалифицированных рабочих кадров. Рабочие вербовались для шахт Донбасса, рыбных промыслов, торфяной промышленности, лесозаготовок на Урале, для ремонта железнодорожных путей.

В мае Мобилизационный отдел Наркомтруда РСФСР выдал наряды различным главкам и хозяйственным организациям на вербовку 42 300 рабочих в 37 губерниях. В июне разрешил он завербовать 36 943 рабочих в 47 губерниях [103]. В отчете за июль Мобилизационный отдел писал о том, что неурожай отразился на работе по снабжению народного хозяйства рабочей силой: разрешения на вербовку рабочих пришлось выдавать «почти исключительно на неурожайные губернии» [104]. В июне — декабре всего было завербовано и переброшено к месту работы 247 187 человек, среди которых преобладали строители, рыбаки и чернорабочие [105]. Из 50 тыс. зарегистрированных в 1921 г. торфяников завербовано было 34 260 человек. Задания по добыче торфа были выполнены на 128%.

Таким образом, добровольная вербовка заняла большое место в снабжении промышленности рабочей силой. Она стала вытеснять мобилизации, что наглядно проявилось в связи с вербовкой рабочих для Донбасса.

Летом 1921 г. из-за продовольственного кризиса 30 тыс. донецких рабочих покинули шахты [106]. Особенно резко сократилось количество забойщиков, а также квалифицированных рабочих котельного хозяйства. Это задерживало восстановление каменноугольной промышленности. 10 октября Совет Труда и Обороны разослал письмо за подписью В. И. Ленина [107], в котором сообщалось, что в «Донбассе создано устойчивое положение доставкой трехмесячного запаса хлеба, каковой будет увеличен», и предлагалось всем губисполкомам, губкомитетам, профсоветам и губернским отделам труда «развить широкую агитацию к возвращению на рудники подземных рабочих (забойщиков, печников, крепильщиков, бурильщиков, проходчиков, откатчиков, а также котельщиков и машинистов), покинувших Донбасс». Совет Труда и Обороны требовал от указанных организаций разъяснить рабочим, что прибывшие на производство будут обеспечены хлебом, что уравнительные выдачи продовольствия и денег упразднены и что от их возвращения в значительной мере зависит успех продовольственной кампании на Украине, так как недостаток топлива тормозит перевозки.

Работа по привлечению и переброске рабочей силы в Донец-

---

[103] ЦГАОР и СС, ф. 382, оп. 4, д. 704, л. 2.
[104] Там же.
[105] «Вопросы труда», 1924, № 3, стр. 37.
[106] «Бюллетень трудового фронта», 1921 г., № 24, стр. 8.
[107] Там же, стр. 1.

кий бассейн считалась ударной. НКПС был обязан приравнивать поезда с рабочими для Донбасса во всех отношениях к воинским перевозкам. Завербованные по пути их следования должны были снабжаться продовольствием [108].

Наряды на вербовку горных рабочих для Донбасса в первую очередь были посланы в губернии, охваченные голодом: Казанскую, Уфимскую, Оренбургскую, Самарскую, а также в Тульскую, Нижегородскую, Курскую и др. [109]

Интересны методы вербовки. Обычно ей предшествовала агитационная работа. Например, в Старом Осколе, Курской губернии, когда туда приехали вербовщики, была опубликована листовка-воззвание. «Совет Труда и Обороны, Курский губернский и Старооскольский уездный отделы труда,— говорилось в ней,— призывают честных граждан республики, бывших рабочих Донецкого бассейна, как-то: забойщиков, крепильщиков, саночников, котельщиков, слесарей, кузнецов, плотников, каменщиков, штукатуров, кровельщиков, проживающих в пределах Старооскольского уезда, откликнуться на их зов, возвратиться в Донецкий бассейн и своей работой помочь Республике наладить железнодорожный транспорт и работу фабричной и заводской промышленности, помня, что от этого зависит восстановление хозяйства нашего государства» [110].

С начала вербовочной кампании (1 сентября) по 25 декабря из Курской губернии было отправлено в Донбасс 127 забойщиков, 32 крепильщика, 3 котельщика, 59 саночников, 1 кровельщик, 6 слесарей, 1 кузнец, 1 водопроводчик, 2 печника, 4 машиниста подъемных машин, 20 землекопов, 1 десятник и 7 других специалистов [111].

В Черниговской губернии вербовщики были направлены в Глуховский, Шостенский и Новгород-Северский уезды, где было сосредоточено больше всего горнорабочих. Комиссия по вербовке объехала 52 селения, в каждом были проведены митинги и собрания, после чего производилась регистрация желающих завербоваться. Рассылались листовки и воззвания с призывом «помочь возрождению Донбасса». В итоге было завербовано 89 квалифицированных рабочих. Все они прошли экспертную комиссию, состоявшую из специалистов горного дела, а также медицинский осмотр, снабжены подъемными, суточными, денежным авансом, продовольствием на две недели [112]. Вербовка проводилась и в других уездах.

На шахты были посланы добавочные подразделения трудармейцев из Харьковского и Киевского районов.

Когда навербованные стали прибывать на донецкие шахты, оказалось, что они там уже не нужны. На железнодорожных стан-

[108] Там же.
[109] ЦГАОР и СС, ф. 328, оп. 4, д. 636, л. 87.
[110] Там же, д. 708, л. 54.
[111] Там же, л. 1.
[112] ЦГАОР и СС, ф. 4085, оп. 12, д. 193, л. 8.

занием партии. Приведем некоторые данные о забастовках в промышленности (табл. 1).

В таблице 1 представлены две группы предприятий: 1) государственные и 2) кооперативные, общественные и капиталистические [11]. В государственной промышленности количество забастовок и число их участников уменьшалось из года в год. Наоборот, во второй группе число забастовок непрерывно увеличивалось, а количество участников, незначительно сократившись в 1923 г., сильно возросло в 1924 г.

Таблица 1

Количество забастовок и их участников в 1922—1925 гг.*

Год	Число забастовок			Число участников		
	Всего	В том числе		Всего	В том числе	
		в государственных предприятиях	в кооперативных, общественных и частных предприятиях		в государственных предприятиях	в кооперативных, общественных и частных предприятиях
1922	431	362	69	197 215	175 609	3606
1923	444	357	87	164 846	161 284	3562
1924	223	134	89	41 023	34 872	6151
1925**	196	99	97	37 600	34 037	3563

* «Наемный труд в России и на Западе. 1913—1925 гг.», под общей редакцией С. Г. Струмилина, ч. I. Наемный труд в России. М., 1927, стр. 160.

** Данные 1925 г. включают не только промышленность, но также транспорт, связь, торговлю и учреждения.

Первое место по количеству конфликтов в государственных предприятиях в 1922 г. заняли металлисты, у которых было 139 забастовок и 65 217 забастовщиков [12]. Такое положение объяснялось тем, что металлопромышленность в это время находилась в худшем положении по сравнению с другими отраслями индустрии. Из всех групп рабочего класса металлисты в 1922/23 г. получали заработную плату наименьшую по отношению к уровню 1913 г.[13]

---

[11] В 1926 г. вышла брошюра Г. Белкина «Рабочий вопрос в частной промышленности», в которой указывалось, что в 1922 г. в частной промышленности произошло 92, а в 1923 г. — 135 забастовок (стр. 118). Однако, как видно из работы, опубликованной в 1927 г. под редакцией С. Г. Струмилина («Наемный труд в России и на Западе. 1913—1925 гг.», ч. I), эти показатели относятся не только к промышленным предприятиям, но также к предприятиям связи, транспорта, торговли и учреждениям, причем не только частным, но и кооперативным. Не совсем точные данные из брошюры Г. Белкина были некритически использованы некоторыми авторами, в частности И. Трифоновым в его книге «Очерки истории классовой борьбы в СССР в годы нэпа». М., 1960, стр. 76.

[12] «Наемный труд в России и на Западе. 1913—1925 гг.», ч. I, стр. 160.

[13] «Материалы к пятилетнему плану развития промышленности ВСНХ СССР». М., 1927, стр. 92.

Текстильщики бастовали 60 раз, в забастовках участвовало 62 654 человека, горнорабочие — 34 раза (16 787 человек), химики — 16 раз (6507 человек) [14].

В 1923 г. у металлистов число забастовок снизилось до 88, а забастовщиков — до 42 195. Очень резко уменьшилось количество забастовок среди текстильных рабочих. У них произошло всего 11 забастовок с 9053 участниками. Заметное увеличение числа забастовок и их участников дали горняки (соответственно 161 и 92 490) и химики (соответственно 32 и 9514) [15].

В 1924 г. у металлистов была 51 забастовка с 29 983 участниками, у текстильщиков — 10 забастовок с 4124 участниками, у химиков — 20 забастовок с 3574 участниками, у горнорабочих — 21 забастовка с 2077 участниками [16].

Характерной особенностью забастовок в государственной промышленности являлась их кратковременность. В 1922 г. меньше одного дня длилось 15,7% всех забастовок, в 1923 г. — 12,2%, в 1924 г.— 18,4%, в 1925 г.— 20%. От двух до трех дней в 1922 г. продолжалось 75,6% забастовок, в 1923 г.— 76,6%, в 1924 г.— 72,3%, в 1925 г.— 76,4% [17].

Более продолжительными бывали забастовки в частной и кооперативной промышленности. В 1923 г., например, удельный вес забастовок продолжительностью от трех до пяти дней здесь составлял 16,3% (в государственных предприятиях — 9%), пять — десять дней — соответственно 14,1% и 6,3%, 10—20 дней — 10,4% и 1,3%. В частных и кооперативных предприятиях случались забастовки, длившиеся по 20—30 дней и больше месяца. Таких конфликтов не было в социалистической промышленности [18].

Средняя продолжительность забастовки и средняя потеря рабочего времени в частных и кооперативных заведениях более чем в два раза превышала аналогичные показатели по государственным предприятиям. Это свидетельствует о том, что забастовочное движение рабочих, занятых в капиталистической промышленности, было полно боевого напряжения и пролетарского упорства.

Значительная часть забастовок кончалась удовлетворением требований рабочих, так как профсоюзы и органы Наркомтруда защищали их интересы. В 1922 г. в государственной промышленности 44,1% забастовок полностью и 34,7% частично окончились в пользу рабочих, в 1923 г.— соответственно 31,7% и 31,4%, в 1924 г.—43,4% и 27,4%, в 1925 г.—51,1% и 24,7% [19]. В частных предприятиях удельный вес забастовок, заканчивавшихся в пользу рабочих, был еще выше. Капиталисты, несмотря на всю их

[14] «Наемный труд в России и на Западе. 1913—1925 гг.», ч. I, стр. 60.
[15] Там же.
[16] Там же.
[17] Там же, стр. 163.
[18] Там же.
[19] Там же, стр. 162.

изворотливость, не могли выстоять в борьбе с объединенными силами рабочего класса.

Вопрос о стачках в то время являлся одним из наиболее острых. Передовые рабочие, особенно коммунисты, понимали, что такой способ защиты интересов трудящихся при диктатуре пролетариата непригоден, что каждая забастовка наносит ущерб рабочему классу. Поэтому руководящие органы профсоюзов рекомендовали улаживать возникшие конфликты примирительным путем.

На V Всероссийском съезде союза металлистов (3—7 марта 1922 г.) секретарь ЦК этого союза И. И. Лепсе говорил: «Хотя профсоюзы и твердили против стачек и все мы понимали, что стачки вредны в наших условиях, но все-таки стачки на заводах были, этого никто оспаривать не может. Значит в дальнейшем нужно принять меры и вести работу так, чтобы стачек на государственных предприятиях не было... при настоящих условиях, при той разрухе, которая у нас существует, когда для нас каждый день дорог, когда каждое изделие для нас дорого — исходит ли оно из частного предприятия или из государственного— без сомнения, стачки являются нежелательным средством»[20]. Тов. Лепсе рекомендовал профсоюзному активу ближе подойти к рабочим массам, лучше учитывать их повседневные нужды и прибегать к стачкам лишь в крайних случаях, когда все другие средства исчерпаны.

V Всероссийский съезд Союза металлистов в резолюции «Задачи союзов» записал: «Поскольку всякая стачка ведет к уменьшению количества ценностей в стране, она в условиях диктатуры пролетариата и необычайной экономической разрухи должна быть признана методом экономической борьбы, к которому можно прибегать лишь чрезвычайно редко и с большой осторожностью после исчерпания всех возможностей иного разрешения конфликта». Съезд разъяснял, что «союзы должны помнить громадную принципиальную разницу между стачкой на частных предприятиях и стачкой на государственных. На частных предприятиях стачка является выражением борьбы рабочих против враждебных им классовых интересов капиталистов, ускользающих из-под контроля пролетарского государства. На государственных предприятиях не может быть места классовой борьбе, а может идти лишь речь о борьбе с ошибками и неправильными действиями отдельных администраторов. Отсюда задачей союзов при возникновении стачки на госпредприятиях является ее скорейшая ликвидация путем устранения причин, ее вызвавших»[21].

Непригодность стачки в качестве средства защиты интересов рабочих при советском строе отметил V Всероссийский съезд

---

[20] ЦГАОР и СС, ф. 5469, оп. 6, д. 3, лл. 140—141.

[21] «Резолюции V Всероссийского съезда Союза металлистов. 3—7 марта 1922 г.» Б. г. и м., стр. 3.

профсоюзов (сентябрь 1922 г.), который рекомендовал союзам для быстрого и выгодного для рабочих разрешения конфликтов использовать рабочее законодательство Советского государства, а также примирительные и арбитражные учреждения [22].

Вполне понятна тревога делегатов съезда профессиональных союзов и их решение о мирном урегулировании конфликтов. Ведь все убытки от простоев фабрик и заводов во время забастовок ложились тяжелым бременем на государственный бюджет, т. е. на бюджет рабочего класса в целом. Даже в частных предприятиях забастовки должны были применяться лишь в самом крайнем случае.

XIV съезд ВКП(б), состоявшийся в декабре 1925 г. и в своей резолюции «О работе профсоюзов» целиком исходивший из общих оценок и принципов, положенных в основу резолюции XI съезда «О роли и задачах профсоюзов» [23], дал строгое предписание улаживать конфликты мирным путем. В резолюции, принятой XIV съездом, имелось следующее указание: «Вся экономическая и стачечная борьба, в особенности на крупных частновладельческих (концессии, смешанные общества и т. п.) предприятиях, в интересах ее успеха, должна быть максимально централизована и протекать при активной поддержке и руководстве центральных союзных органов. Самая стачка должна явиться лишь в результате невозможности разрешить спорный вопрос иными, мирными, путями в примирительных камерах и третейских судах, которые в пролетарском государстве вполне обеспечивают интересы рабочего класса» [24].

Для разрешения конфликтов, возникших между администрацией предприятий и рабочими при заключении, выполнении и изменении коллективных договоров, а также для ликвидации всех прочих разногласий между ними были образованы специальные примирительные учреждения.

На государственных, кооперативных и частных предприятиях и в учреждениях создавались расценочно-конфликтные комиссии (РКК), задачей которых являлось проведение в жизнь положений, вытекавших из коллективных договоров, и разрешение споров, возникавших при их исполнении. В РКК входили на паритетных началах представители завкома и администрации. Каждая сторона имела своих председателя и секретаря, которые на заседаниях РКК исполняли свои обязанности поочередно. Срок полномочий РКК совпадал со сроком полномочий завкома. При разрешении спорных вопросов каждая сторона имела одинаковое количество голосов и пользовалась правом приглашать со стороны сведущих людей с правом совещательного голоса. Решения РКК были окончательными и обязательными для сторон. Вопро-

[22] «Стеногр. отчет V Всероссийского съезда профессиональных союзов. 17—22 сентября 1922 г.» М., 1922, стр. 529.

[23] См. «КПСС в резолюциях...», ч. II, стр. 213.

[24] Там же, стр. 222.

сы, по которым решение не было принято, переносились в примирительные камеры или третейский суд.

Примирительные камеры и третейские суды были образованы при Наркомтруде и его местных органах на основании постановления Совнаркома от 13 июля 1922 г.[25]

Камера составлялась на паритетных началах из представителей споривших сторон. Председатель ее, назначавшийся органами НКТ, руководил ходом заседания, содействуя выработке примирительного предложения, но сам не имел решающего голоса. Постановление имело силу договора, обжалованию не подлежало и должно было выполняться обеими сторонами. Если примирительная камера не приходила к общему решению, вопрос по соглашению сторон передавался в третейский суд, решение которого скреплялось подписью народного судьи и было обязательным к исполнению.

Система примирительных учреждений, созданная в Советской стране, полностью обеспечивала интересы рабочих и служащих. Поэтому большинство возникавших конфликтов улаживалось представителями профсоюзов и администрации предприятий.

В 1922—1924 гг. примирительная камера и третейский суд Наркомтруда урегулировали 155 конфликтов, затрагивавших 1824,7 тыс. промышленных рабочих[26]. Подавляющая часть этих конфликтов возникала при заключении коллективных договоров и тарифных соглашений, а также была связана с затруднениями с выплатой заработной платы. Большое количество спорных экономических вопросов разрешалось в примирительных камерах и третейских судах при губернских отделах труда и в профсоюзных организациях.

Вся экономическая политика Коммунистической партии и правительства была направлена на всемерное улучшение положения рабочего класса и крестьянства. В самые трудные дни Советское государство заботилось прежде всего о благополучии народных масс.

Наиболее ярким показателем уровня благосостояния трудящихся является распределение национального дохода. Характер и формы распределения зависят от производственных отношений. Капиталистические производственные отношения определяют распределение в интересах буржуазии, при этом меньшая часть населения получает львиную долю национального дохода, кучка тунеядцев обогащается и живет в роскоши, уделом же трудящихся масс являются нищета и голод. Так было в царской России. Так и по сей день распределяется национальный доход в капиталистических странах.

Великая Октябрьская социалистическая революция создала объективные предпосылки справедливого распределения нацио-

---

[25] «Известия НКТ», 1922, № 7/16, стр. 6.

[26] «Наемный труд в России и на Западе. 1913—1925 гг.», ч. I, стр. 165.

нального дохода между классами. Нетрудовые доходы буржуазии резко сократились. Доходы рабочих и крестьян стали из года в год увеличиваться.

Однако длительная война, разрушившая народное хозяйство, истребившая несколько миллионов наиболее трудоспособных работников, потребовавшая колоссальных расходов, сократила национальный доход нашей страны. В 1920 г. производство хлеба уменьшилось по сравнению с 1913 г. вдвое. Еще более резко сократилось производство промышленных товаров. В среднем на душу населения промышленность производила продукции в 1912 г. на 38 руб., в 1920 г. на 5 руб., в том числе предметов широкого потребления соответственно на 21 р. 17 к. и на 2 р. 62 к.[27] Весь национальный доход России в 1913 г. составил 21 492 млн. руб., а в 1921 г.— лишь 8115 млн. Причем доля крупной промышленности упала в нем с 19,8% в 1913 г. до 10% в 1921 г., а доля сельского хозяйства увеличилась с 48,1% до 68,7% [28].

Таким образом, для того чтобы улучшить материальное положение рабочих, нужно было во что бы то ни стало увеличить национальный доход и повысить удельный вес в нем социалистической промышленности. Для этого требовалось восстановить все отрасли народного хозяйства, пустить все стоявшие заводы и фабрики, увеличить производство средств производства и товаров широкого потребления, повысить производительность общественного труда.

Основным и решающим условием роста национального дохода советского общества тех лет, обеспечивавшим коренное и прочное улучшение материального положения рабочих масс, являлось выполнение ленинского народнохозяйственного плана — плана Гоэлро. Коммунистическая партия и Советское правительство стремились во что бы то ни стало осуществить этот план и тем самым вывести Советскую страну из разрухи на путь экономического процветания.

Выполнение плана требовало огромных материальных ресурсов, сосредоточения в руках государства определенного натурального и денежного фонда. Этот фонд должен был составиться из доходов от промышленности и транспорта, а также из поступлений налогов от крестьянства и нетрудовых элементов.

В первые годы восстановительного периода доходы Советской страны были чрезвычайно скромны. Некоторые отрасли промышленности и транспорт не только не давали дохода, но сами нуждались в материальной поддержке государства.

Значительную часть доходов Советское правительство по необходимости получало путем эмиссии бумажных денежных знаков. Эмиссия являлась временным и вынужденным средством покрытия бюджетного дефицита, порожденным войной и расстройством

---

[27] «Экономическая жизнь», 29 марта 1922 г.
[28] «Проблемы экономики», 1923, № 4, стр. 29.

В 1925 г. в СССР было уже 543 дома отдыха, в которых провели свой отпуск около 321,5 тыс. человек, в том числе около 212,5 тыс. рабочих от станка [141].

В разгар гражданской войны, 15 апреля 1919 г. В. И. Ленин и Н. А. Семашко телеграфировали председателю Совнаркома УССР: «Ввиду новой постановки курортного дела в Республике и в интересах предоставления курортов для лечения и отдыха инвалидам войны и труда, изнуренным красноармейцам и истощенным рабочим севера необходимо принять срочные меры к охране южных курортов, отвоеванных Красной Армией». В телеграмме перечислялись курортные места Крыма и Черноморского побережья Кавказа, которые необходимо было охранять от разрушения и расхищения [142].

Уже в феврале 1921 г. в Крым и на Черноморское побережье Кавказа были направлены группы рабочих Москвы, Петрограда, Иваново-Вознесенска и других городов. В апреле туда прибыли новые партии больных рабочих. Союз металлистов направил на южные курорты 594 человека, в том числе 289 в Крым, 28 в Славянск, 22 в Пятигорск, 48 в Сочи, 11 в Одессу, 9 в Кисловодск, 143 на лечение кумысом [143]. Однако в 1921 г. и в первой половине 1922 г. южные курорты работали еще плохо. Крупные перебои в снабжении продовольствием, недостаток транспорта для перевозки больных во многих случаях мешали максимально использовать здравницы Юга для поправки здоровья рабочих.

13 марта 1923 г. Совнарком принял декрет «Об организации курортного дела». В составе Наркомздрава было образовано Главное курортное управление. В «Дополнении» к декрету СНК постановил выделить 103 тыс. курортных коек для бесплатного лечения, утвердил ассигнования на строительные, гидрогеологические, горнотехнические и водопроводно-канализационные работы на курортах. Курортам были отпущены продовольствие и долгосрочные кредиты [144].

Благодаря неустанным заботам Советского правительства о благе народных масс в течение нескольких лет возобновили работу все курорты, была создана сеть курортных клиник, восстановлены бальнеологические институты в Пятигорске и Севастополе, организованы туберкулезные институты в Ялте и Краснодаре, бальнеологический институт в Томске и курортная клиника в Москве, восстановлены водопроводы в Мисхоре, Алупке, Симеизе, Старой Руссе, Липецке, расширен водопровод в Кисловодске, восстановлены, а частью построены заново электростанции в Геленджике, Красной Поляне, Шафранове, Липецке и других местах.

Тысячи трудящихся смогли получить лечение на лучших

[141] «Вопросы труда», 1926, № 5-6, стр. 77.
[142] Ленинский сборник, XXXVI, стр. 73.
[143] ЦГАОР и СС, ф. 5469, оп. 5, д. 214, л. 24.
[144] СУ, 1923 г., № 21, ст. 255.

курортах страны. Например, Московский губернский совет профсоюзов в 1923 г. направил на курорты около 1500 человек и, кроме того, в местные санатории более 5 тыс. и дома отдыха 25 тыс.[145] В 1924 г. 14 человек с московского завода «Серп и молот» ездили на курорт, 49 — в санатории, 260 — в дома отдыха. Помимо этого, рабочие завода имели возможность поочередно отдыхать в ночном санатории[146]. Нефтяники Баку получили дом отдыха в 30 км от города на берегу Каспийского моря, в бывших дачах бакинских нефтяных королей. Кроме того, трест «Азнефть» открыл дома отдыха для рабочих в Кисловодске, Пятигорске, Ессентуках. Для нефтяников Грозного был открыт санаторий. Рабочие Каширстроя имели дом отдыха на берегу Оки. Шахтеры Донбасса лечились в санаториях Славянска, в Крыму и на Кавказе. С 1924/25 г. с Урала было направлено на курорты 5105 человек, в дома отдыха 15 070[147]. Свои дома отдыха имели профсоюзные организации Минска, Борисова, Бобруйска и других городов Белоруссии[148]. Ленинград в 1925 г. послал отдыхать 24 558 человек[149].

Одним из важнейших условий подъема жизненного уровня и сохранения здоровья рабочих масс является благоустроенное жилище. В царской России рабочие всегда испытывали жилищную нужду. Самые жалкие и неблагоустроенные кварталы городов с их подвалами и трущобами были заселены беднотой. Но и отсюда буржуазия умудрялась извлекать прибыль. Жилищное хозяйство богатые домовладельцы использовали как добавочное средство ограбления трудящихся. Октябрьская революция создала в нашей стране предпосылки для ликвидации жилищной нужды.

Декретом ВЦИК от 20 августа 1918 г. все крупные домовладения были экспроприированы у капиталистов и переданы в руки Советов. В годы гражданской войны рабочие массами переселялись из подвалов и трущоб в лучшие и благоустроенные дома. Однако таким путем нельзя было решить жилищную проблему в стране.

В наследство от капитализма Советское государство получило отсталое и полуразрушенное жилищное хозяйство. Империалистическая, а затем гражданская войны нанесли ему огромный ущерб. Во время войны было разрушено около 200 тыс. домов[150]. В Москве, например, за эти годы стоимость жилищного фонда понизилась на 40%. В Петрограде и Петроградской губернии

---

[145] «Московский пролетарий», 1924, № 7, стр. 7.

[146] ЦГАОР и СС, ф. 374, оп. 17, д. 82, л. 232.

[147] «Социалистическое строительство Урала за 11 лет». Свердловск, 1932, стр. 21.

[148] «Отчет о деятельности Президиума Совета профсоюзов Белоруссии. Апрель 1922 — июнь 1923 г.». Минск, 1923, стр. 95.

[149] «Вопросы труда», 1926, № 5-6, стр. 77.

[150] «5-летний план жилищно-коммунального строительства в СССР». М., 1930, стр. 21.

ущерб исчислялся в 179 182 571 золотой рубль. В Иваново-Вознесенске было разрушено 524 каменных дома. В Баку стоимость одних повреждений водопровода составляла 3 670 470 довоенных рублей. В Новочеркасске повреждения и разрушения жилых строений исчислялись в 2751 тыс. золотых рублей [151]. Много домов разрушено было в Одессе, Николаеве, Екатеринославе, Запорожье и других городах. Следует учесть также, что в годы войны новые дома не строились, а старые не ремонтировались и пришли в ветхое состояние.

Таким образом, жилой фонд в городах сильно сократился, а население в связи с восстановлением промышленности, развитием торговли и т. п. начало быстро возрастать. На 28 августа 1920 г. городское население Советской страны составляло 20781,1 тыс., на 15 марта 1923 г.— 21563,4 тыс., на 17 декабря 1926 г.— 26314,1 тыс. [152] (см. табл. 3).

Таблица 3

Темпы роста населения в некоторых городах *

Город	1920 г.	1923 г.	1926 г.
Москва	1 027 336	1 542 874	2 025 947
Ленинград	722 229	1 043 631	1 614 008
Баку	200 746	243 786	452 808
Нижний Новгород	103 498	133 919	185 274
Тверь	66 813	83 348	106 337
Иваново-Вознесенск	58 203	71 879	111 443
Грозный	45 920	64 186	97 095

* Составлена по следующим источникам: «Труды ЦСУ», т. XVIII. Сб. стат. сведений по Союзу ССР. 1918—1923 гг. М., 1924, стр. 38—39; «Итоги десятилетия Советской власти в цифрах, 1917—1927 гг.», стр. 68.

В связи с послевоенной разрухой и быстрым ростом городского населения жилищная нужда в городах и рабочих поселках в восстановительный период была очень острой. Особенно трудно было с жильем в каменноугольных бассейнах. Многие шахтеры Мосбасса, Кузбасса, Урала и Донецкого бассейна ютились в неблагоустроенных бараках и землянках [153]. Крайне тяжелые жилищные условия были у текстильщиков, металлистов и других групп фабрично-заводских рабочих. Обследования, проводившиеся РКИ и профсоюзами, свидетельствовали, что жилая пло-

[151] ЦГАОР и СС, ф. 4041, оп. 2, д. 24, лл. 2, 24, 26, 36, 109.

[152] «Труд в СССР», экономико-статистический справочник. М.—Л., 1932, стр. 53.

[153] «Горнорабочий», 1922, № 3-4, стр. 26; «Рабочий», 1925, № 2, стр 8.

щадь в среднем на одного человека постепенно снижалась и была явно недостаточна. Скученность задерживала борьбу с заболеваемостью среди трудящихся, мешала повышению их культурного уровня, вызывала большую текучесть рабочей силы.

Нужны были огромные капитальные затраты на строительство новых домов. Но у Советского государства не было на это средств. Главной задачей являлось восстановление промышленности, сельского хозяйства и транспорта, сюда и были направлены все имевшиеся ресурсы. Тем не менее по мере возможности жилищный вопрос нужно было решать. Необходимо было прежде всего приостановить разрушение жилого фонда. Именно в это время, в первые годы восстановительного периода, Совнарком РСФСР издал постановления, направленные на улучшение коммунального хозяйства.

23 мая 1921 г. Совнарком принял постановление «О мерах улучшения жилищных условий трудящегося населения и о мерах борьбы с разрушением жилищ»[154], в котором потребовал от НКВД, в ведении которого находилось жилищное хозяйство, наладить управление домами, повысить ответственность съемщиков квартир за небрежное содержание и порчу жилья. СНК дал НКВД указание уплотнить все советские учреждения, перевести их из жилых помещений в здания конторского и торгового типа и разработать план неотложного ремонта жилых строений.

Советское государство в то время не могло взять на себя поддержание и ремонт всех жилищ. Поэтому часть домов была закреплена за предприятиями в виде домов-коммун, часть сдана в аренду жилищным товариществам и частным лицам, небольшие дома были демуниципализированы, т. е. возвращены бывшим владельцам[155].

20 апреля 1922 г. Совет Народных Комиссаров постановил ввести плату за пользование жилыми помещениями.

Все это дало возможность начать восстановление жилищного хозяйства и улучшение жилищного положения трудящихся. В 1923 г. началось восстановление жилого фонда, ремонт старых и строительство новых домов. В строительство были вовлечены широкие массы, организованные в жилищную кооперацию. «Важнейшим вопросом материального быта рабочих все больше становится жилищный вопрос, который может быть правильно и успешно решаем не только одними государственными мерами и помощью, а и самодеятельностью самого населения и его материальным участием... Все органы Советской власти должны всемерно поддерживать в работе жилищную кооперацию»[156],— записал в своей резолюции XIII съезд РКП(б).

---

[154] СУ, 1921 г., № 49, ст. 253.
[155] «Известия ВЦИК», 12 августа 1921 г.
[156] «КПСС в резолюциях...», ч. II, стр. 43.

По мере подъема народного хозяйства и решения самых насущных задач улучшения материального положения трудящихся все большее значение приобретала жилищная проблема. Поэтому Коммунистическая партия, правительство, профсоюзы и жилищная кооперация прилагали все силы, чтобы ускорить строительство домов.

В 1923 г. в городах и рабочих поселках РСФСР, Украины и Белоруссии было возведено 29 785 строений (996 789 кв. м), в 1924 г.— 30 582 (1 100 387 кв. м), в 1925 г.— 40 305 (1 671 171 кв. м), в 1926 г.— 73 427 (2 930 604 кв. м) [157]. Всего за четыре года в трех республиках появилось 174 099 новых зданий. В них поселилось более 800 тыс. человек.

Средний ежегодный прирост новой жилой площади равнялся 1,4% всего городского жилого фонда, а средний ежегодный прирост городского населения за 1923—1926 гг. составлял 6%. Строительство, таким образом, еще серьезно отставало от роста населения. Значительная часть рабочих в городах и фабрично-заводских поселках обитала в старых, тесных и неблагоустроенных казармах и бараках.

Хотя средняя норма площади на человека сокращалась, жилищное положение основных групп рабочего класса улучшилось. Строительство новых домов происходило прежде всего в промышленнных центрах, вблизи наиболее крупных заводов и фабрик. Конец восстановительного периода ознаменовался возникновением новых рабочих поселков около Москвы, Харькова, Баку, Грозного, Твери, Орехово-Зуева, Кольчугина и других городов. Дома, заселенные рабочими, ремонтировались и благоустраивались в первую очередь. По данным обследования рабочих бюджетов, из 100 семей в ноябре 1923 г. жили в помещениях с водопроводом 28,1, в конце 1926 г.— 32,7, с электрическим освещением соответственно — 52,6 и 66,1, с центральным отоплением — 13,4 и 18,1 [158]. Эти цифры не являются средними по СССР, так как бюджетные обследования проводились не во всех районах, но они свидетельствуют о крупных сдвигах в коммунальном хозяйстве.

Необходимо учитывать также, что хотя с 1922 г. была введена плата за коммунальные услуги и квартиру, она была очень умеренной [159]. На многих предприятиях рабочие фактически пользовались квартирой бесплатно или с максимальной скидкой.

Все проведенные партией, правительством и профсоюзами мероприятия по охране труда, социальному страхованию, здравоохранению и жилищному строительству улучшали условия труда и быта рабочих, повышали их жизненный уровень.

---

[157] «Власть Советов», 1928, № 10-11, стр. 20.
[158] «Экономическое обозрение», 1927, № 10, стр. 184.
[159] Там же, стр. 183—184.

Борьба с безработицей

Правильная экономическая политика Коммунистической партии и Советского правительства обеспечивала подъем народного хозяйства и рост благосостояния трудящихся города и деревни. Однако трудностей у советских рабочих в то время было еще много, и одной из наиболее серьезных среди них была безработица.

При капитализме безработица — закономерное явление. Капиталистический закон народонаселения, открытый К. Марксом и развитый В. И. Лениным, заключается в том, что в буржуазном обществе параллельно с накоплением общественного богатства значительная часть трудового населения оказывается избыточной, выталкивается из производства и обрекается на тягчайшие муки нищеты и голода. Классики марксизма-ленинизма установили три основных формы избыточного населения: 1) перенаселение текучее — безработица в промышленности; 2) перенаселение скрытое — разоряющиеся и не находящие себе работы крестьяне; 3) перенаселение застойное — рабочие на дому, городские и сельские. «Совокупность всех этих слоев населения,— писал Владимир Ильич,— и составляет *относительно избыточное население*, или *резервную армию*»[160]. Без этой резервной армии капиталистическое производство существовать не может. Капитализм немыслим без миллионов безработных людей.

В Советской стране безработица была временным явлением, порожденным длительной опустошительной войной и хозяйственной разрухой, а также наличием тяжелого наследства дореволюционной России — относительного аграрного перенаселения в деревне. Выше уже говорилось, что в связи с недостатком материальных ресурсов и по некоторым другим причинам в начале нэпа пришлось провести сокращение штатов в промышленности, на транспорте и в государственном аппарате. Предприятия, переведенные на хозяйственный расчет, стремились во что бы то ни стало уменьшить свои расходы. В то время это можно было сделать прежде всего за счет сокращения рабочей силы.

Но сокращение численности промышленных рабочих и служащих продолжалось недолго. В 1922/23 г. началось быстрое увеличение количества занятых рабочих. Прирост рабочей силы за этот год составил 26,9%. Такой темп значительно превосходил соответствующие показатели для дореволюционной России за 1902—1916 гг.[161]

Однако одновременно с пополнением армии промышленных рабочих увеличивалось количество безработных. Характерной особенностью безработицы в СССР являлось то, что она развивалась на фоне подъема всего народного хозяйства, количест-

[160] В. И. Ленин. Соч., т. 2, стр. 161.

[161] М. Катель. Рабочая сила и рынок труда в 1922/23 г. — «Бюллетень ЦСУ», № 84, 1924, стр. 44.

венного роста рабочего класса и улучшения материального положения занятых в производстве трудящихся.

Основным источником безработицы в первые два года восстановительного периода являлось сокращение штатов, в дальнейшем эту роль стала играть деревня, выбрасывавшая в город излишнюю в сельском хозяйстве рабочую силу. Мелкое, технически отсталое единоличное крестьянское хозяйство, господствовавшее в те годы в земледелии, не могло полностью занять всех трудящихся крестьян. Вследствие этого в деревне продолжало существовать относительное аграрное перенаселение — скрытая безработица,— и пока оно существовало, невозможно было ликвидировать безработицу в промышленности. Несколько миллионов избыточного сельского населения каждое лето расходилось по городам в поисках заработков.

Проследим появление и развитие безработицы. В январе 1921 г. на 100 предложений труда приходилось 276,4 места, в феврале — 185,5, марте — 203,5, апреле — 164,5, мае — 217,2, июне — 146,9, июле — 152,3, августе — 104,4. А вот в сентябре предложение уже превысило спрос: на 100 предложений труда приходилось 92,9 места, в октябре — 93,3, в ноябре — 87,7, декабре — 78,9 [162]. Таким образом, последние несколько месяцев 1921 г. следует считать временем появления и постепенного нарастания безработицы. В отдельных губерниях и районах безработица отмечалась уже к началу августа. Так, в Витебской губернии в это время числилось 2166, в Царицынской — 2235, Калужской — 1496, Смоленской — 3133, Гомельской — 7784, в Крыму — 1817, на Урале — 3464 безработных [163].

Численность безработных увеличивалась из месяца в месяц, из года в год (табл. 4).

Таблица 4

Численность безработных в СССР в 1922—1924 гг.* (в тысячах)

Дата	Всего	В том числе					
		индустриальная группа	то же в %	группа интеллигентного труда	то же в %	чернорабочие	то же в %
1 января 1922 г.	160,0	35,2	22,0	39,7	24,8	32,0	20,0
1 июля 1922 г.	407,5	89,6	21,9	138,1	33,8	81,5	20,0
1 января 1923 г.	641,0	141,0	22,0	298,7	46,6	128,2	20,0
1 июля 1923 г.	1050,0	261,4	24,9	353,8	33,7	271,9	25,9
1 января 1924 г.	1240,0	310,0	25,0	418,0	33,7	310,0	25,0
1 июля 1924 г.	1344,3	354,9	26,4	412,7	30,7	379,1	28,2

* «Наемный труд в России и на Западе. 1913—1925 гг.», ч. I, стр. 128—129. Проценты вычислены нами — *А. М.*

[162] ЦГАОР и СС, ф. 5466, оп. 1, д. 423, л. 20.

[163] ЦГАОР и СС, ф. 382, оп. 4, д. 728, л. 79 (сводка Наркомтруда).

Приведенные в таблице 4 цифры показывают, с какой быстротой росло количество безработных: за два с половиной года — с 1 января 1922 г. по 1 июля 1924 г. оно увеличилось в 8,4 раза. Цифры показывают также большие изменения в составе безработных. В начале 1923 г. на первом месте среди них по численности была группа интеллигентных профессий, но постепенно ее удельный вес абсолютно и относительно снижался. Группа чернорабочих в составе безработных к началу 1923 г. была наименьшей, а к середине 1924 г. стала второй по численности. Увеличилась группа индустриальных рабочих.

По данным статистики труда, к 1 октября 1925 г. в составе безработных произошли следующие изменения: удельный вес индустриальных рабочих сократился до 17,4%, служащих и работников интеллигентного труда — до 25,1%, а доля чернорабочих увеличилась до 44,3% [164].

Такое положение характерно для крупнейших городов страны — Москвы и Ленинграда. Здесь, как и в целом по стране, безработица среди промышленных рабочих и лиц интеллигентного труда сокращалась, а количество чернорабочих-безработных очень заметно увеличивалось. В Москве, например, эта группа в январе 1922 г. составляла 28,1%, а в декабре 1925 г.— уже 54,6% [165].

Отмеченные изменения в составе безработных объяснялись прежде всего увеличением притока деревенских отходников. Искала работу и городская молодежь. Именно за счет этих двух источников неквалифицированной рабочей силы росла безработица.

Во второй половине 1924 г. количество безработных, состоявших на учете бирж труда, уменьшилось до 900 тыс. Это объяснялось чисткой их состава в соответствии с циркуляром ЦК РКП(б), ВЦСПС и Наркомтруда СССР «О проведении чистки состава зарегистрированных безработных...» [166], разосланным в июле этого года всем губкомам партии, губпрофсоветам и губернским отделам труда. В циркуляре говорилось, что безработица приняла «слишком большие размеры», а спрос на труд по сравнению с ней несоразмерно мал; некоторые группы безработных лишены поэтому возможности получить работу. Наряду с этим на учете бирж труда состояло много нетрудовых элементов, зарегистрировавшихся только с целью пользоваться льготами, а также лиц, никогда не работавших по найму и не представлявших ценности для производства. Это раздувало истинные размеры безработицы и мешало выявлению действительно нуждавшихся в работе и нужных для производства людей. ЦК партии, ВЦСПС и Наркомтруд СССР предложили провести чистку безработных, учтенных биржами труда.

---

[164] «Статистика труда», 1926, № 3, стр. 3.
[165] «Наемный труд в России и на Западе. 1913—1925 гг.», ч. I, стр. 124.
[166] ЦГАОР и СС, ф. 374, оп. 8, д. 1842, л. 119.

Во время чистки было снято с учета не менее 60% безработных, числившихся на 1 июля 1924 г. Из них 38,5% не имели никакого профессионального стажа, до 10,5% имели стаж до года и 18% — от одного года до трех лет. Среди снятых с учета было много «мертвых душ», т. е. лиц, давно поступивших на работу или выбывших из данного города.

Однако чистка бирж труда лишь временно сократила количество зарегистрированных безработных: в 1927 г. оно достигло 1350 тыс.[167]

Общее число безработных к числу занятых на производстве составляло в начале 1924 г. 19% [168]. Длительность безработицы в это время в индустриальной группе выражалась в 6,1 месяца, т. е. в среднем каждый безработный должен был дожидаться работы более полугода. По длительности безработицы на первом месте стоял Ленинград, на втором — Москва.

В одном из своих циркуляров в июле 1922 г. Отдел рынка труда НКТ РСФСР отметил, что безработица выливается «в социальное бедствие». «Распыляя и деклассируя рабочую силу,— говорилось в циркуляре,— подвергая ее неимоверным страданиям, обрекая на истощение и вымирание, она тем самым подрывает профессиональную и политическую мощь рабочего класса» [169].

Безработица тяжко отражалась на жизненном уровне трудящихся. Бюджетное обследование безработных Иваново-Вознесенска в декабре 1922 г. показало, что доходы безработного были в 3,5 раза меньше, чем у занятого рабочего [170]. Наличие большого числа безработных тормозило улучшение положения рабочего класса в целом.

Все это серьезно тревожило руководящие партийные, советские и профсоюзные органы. Поскольку в то время ликвидировать безработицу было невозможно, партия и государство старались насколько возможно уменьшить ее размеры, организовать помощь пострадавшим от нее, спасти от деклассирования фабрично-заводских пролетариев, потерявших связь с производством.

Прежде всего срочно эвакуировались рабочие из губерний, пораженных неурожаем 1921 г. По специальным нарядам Наркомтруда отсюда было вывезено около 100 тыс. безработных, которых направили на нефтепромыслы Баку и Грозного, на Каширстрой, Волховстрой, в Донбасс, на Урал и другие районы. При Центральной комиссии по борьбе с последствиями голода была образована комиссия для борьбы с безработицей, которая должна была организовать общественные работы в городах По-

---

[167] «Вопросы труда», 1927, № 10, стр. 109.
[168] А. Исаев. Безработица в СССР и борьба с нею. М., 1925, стр. 44.
[169] ЦГАОР и СС, ф. 5466, оп. 1, д. 423, л. 19.
[170] «Вопросы труда», 1924, № 1, стр. 61.

волжья [171]. 31 августа 1921 г. Совет Труда и Обороны предложил Малому Совнаркому рассмотреть вопрос о кредитах для общественных работ по Саратовской губернии [172].

В 1922 г. общественные работы проводились под руководством бирж труда в Москве, Петрограде, Минске и других городах. Безработные ремонтировали водопровод, городские парки, сады и скверы, разбирали полуразрушенные здания, мостили улицы и т. д.

В январе 1924 г. XI Всероссийский съезд Советов постановил принять срочные меры борьбы с безработицей и предложил Наркомтруду разработать единый план общественных работ [173]. 23 августа Совнарком РСФСР, заслушав доклад Наркомтруда о борьбе с безработицей и биржах труда, предложил ему усилить борьбу с безработицей как путем материальной помощи безработным, расширения круга обеспечиваемых пособием, так и через организацию для безработных трудовой помощи — создание производственных коллективов [174].

Для организации общественных работ правительство и местные организации выделили 3188 тыс. руб. Из них Москва получила 1234 тыс. руб., Ленинград — 1148 тыс., Нижний Новгород — 244 тыс., Ростов-на-Дону — 58 тыс., Иваново-Вознесенск — 47 тыс., Свердловск — 71 тыс., Царицын — 66 тыс., Саратов — 76 тыс. [175] В 1924/25 г. на эти цели из государственного бюджета, средств социального страхования и местных фондов всего по СССР было отпущено 12,5 млн. руб., из них 70% для РСФСР, 25% для Украины, 5% для остальных республик [176]. Основную часть этих средств получили крупнейшие пункты сосредоточения безработных: Москва, Ленинград, Харьков, Киев и Одесса.

Безработные трудились на общественных работах по два месяца. В 1924 г. на них использовалось 52 865 безработных, в том числе 65,5% мужчин, 28,5% женщин, 6% подростков. Основную массу занятых на общественных работах составляли чернорабочие (до 70%) [177]. Их средний заработок в 1925 г. равнялся 1,5 руб. в день, что соответствовало ставке землекопа низшей квалификации [178].

Для ослабления безработицы в 1922 г. организовывались артели безработных с выборными правлениями, однако такая форма трудовой помощи оказалась несостоятельной. В артели проникали мелкие хозяйчики и дельцы, которые стремились использовать безработных в своих интересах.

---

[171] ЦГАОР и СС, ф. 5451, оп. 6, д. 305, лл. 5, 12.
[172] ЦГАОР и СС, ф. 130, оп. 5, д. 431, лл. 9—10.
[173] «Съезды Советов РСФСР в постановлениях и резолюциях», стр. 295.
[174] СУ, 1924 г., № 77, ст. 779.
[175] ЦГАОР и СС, ф. 5515, оп. 24, д. 21, лл. 69, 70.
[176] ЦГАОР и СС, ф. 374, оп. 8, д. 1828. Доклад Секции труда НК РКИ.
[177] ЦГАОР и СС, ф. 5515, оп. 24, д. 21, лл. 71, 72.
[178] «Вопросы труда», 1926, № 12, стр. 20.

только на общих основаниях. Дети уволенных женщин ни в коем случае не могли удаляться из яслей, школ, детских домов, которые содержались за счет предприятий и учреждений [187]. 12 июля 1924 г. Наркомтруд дал указание об использовании женщин на общественных работах. В 1923 г. на общественных работах было занято 8,8% безработных женщин, в 1924 г.— 28,5%. Создавались специальные женские трудовые коллективы: пошивочные, починочные, картонажные и др. Среди получавших пособие женщины составляли 40% [188].

Успешную борьбу с безработицей вели центральная и местные комиссии по улучшению и изучению женского труда в производстве. Всеми доступными им средствами указанные комиссии добивались увеличения удельного веса женщин в производстве.

В результате принятых партией и правительством мер безработица женщин несколько уменьшилась. Их доля в общем составе безработных снизилась с 74% в июне 1922 г. до 37,8% в декабре 1924 г.

На 1 января 1924 г. на учете бирж труда РСФСР состояло 127 тыс. безработных подростков. Фактически их было гораздо больше. Всего в городах и городских поселениях было не менее 800 тыс. безработной молодежи 14—17 лет. Масса безработных подростков никак не учитывалась биржами труда.

Выше указывалось, что для улучшения материального положения рабочей молодежи Советское правительство приняло решительные меры. Постановление ВЦИК от 2 мая 1922 г. об установлении минимума количества подростков в предприятиях дало возможность приостановить стихийное увольнение молодых рабочих и увеличить их число в промышленности. В дополнение к постановлению ВЦИК Наркомтруд издал циркуляры, направленные на ослабление безработицы среди молодежи. Часть безработных подростков была занята на общественных работах, часть принята в школы фабрично-заводского ученичества. В Москве на основании постановления МК РКП(б) были открыты дома безработных подростков, в которых они были заняты производством товаров широкого потребления. В некоторых городах были организованы мастерские.

Так проходила борьба с безработицей, являвшаяся в тот период одной из неотложных задач Советского государства. Эта борьба не ограничивалась теми мерами, которые описаны выше. Чтобы уменьшить число безработных, партия и правительство стремились сократить число отходников, для чего была разработана обширная программа интенсификации сельского хозяйства и развития кустарной промышленности. В перспективе перед Советским государством стояла реконструкция народного хозяйства и на этой базе — полная занятость всего населения.

[187] СУ, 1922 г., № 18, ст. 203.
[188] ЦГАОР и СС, ф. 5516, оп. 24, д. 21, л. 86.

Глава V

КОЛИЧЕСТВЕННЫЙ РОСТ РАБОЧЕГО КЛАССА, ИЗМЕНЕНИЕ ЕГО СОСТАВА

Подъем промышленности и динамика численности рабочего класса

Одной из главных задач восстановительного периода являлось возобновление производства в размерах, соответствовавших уровню 1913 г. Рабочему классу под руководством Коммунистической партии пришлось отремонтировать и пустить в ход тысячи стоявших в годы войны фабрик и заводов, шахт и рудников. В это время строились и новые фабрики, заводы, электрические станции, но их было мало. Производство развертывалось в основном на старых предприятиях, восстановление которых являлось материальной базой количественного роста, политической и идейной консолидации рабочего класса.

Однако увеличение численности рабочего класса в крупной промышленности началось не сразу после окончания гражданской войны. Вследствие многих причин (особенно из-за недостатка продовольствия) в первые два года нэпа продолжалось распыление и деклассирование фабрично-заводского пролетариата, в частности его отлив в деревню. Количество рабочих, занятых в крупной промышленности, падало. Рост их рядов начался только в последнем квартале 1922 г.

Перепись 28 августа 1920 г. зарегистрировала 1 321 076 рабочих на действовавших и бездействовавших предприятиях крупной промышленности[1]. Осенью 1920 г. и в начале 1921 г., в связи с окончанием гражданской войны и начавшимся возвращением рабочих на предприятия, текущей промышленной статистикой было отмечено увеличение численности промышленных рабочих. С октября 1920 г. по февраль 1921 г. оно составляло почти 15%[2].

[1] «Труды ЦСУ», т. XXVII. Всероссийская городская перепись 1923 г., вып. 1. Итоги промышленной переписи. М., 1926, стр. 2.

[2] «Бюллетень ЦСУ», № 84, 1924, стр. 42.

Как уже говорилось выше, до перехода Советского государства к новой экономической политике Коммунистическая партия и правительство предполагали вести восстановление промышленности ускоренными темпами. Однако из-за недостатка топлива, продовольствия и сырья темпы развития и объем промышленного производства были сокращены. По данным промышленной статистики, в марте 1921 г. на территории 46 губерний РСФСР и БССР действовало 5185 предприятий, или 60,1% их общего числа, на которых было занято 867 442 рабочих, или 92,9% их общего числа. Работало только 49% наличных механических двигателей, их мощность составляла 67% имевшихся в этих губерниях мощностей [3]. В июле 1921 г. на той же территории продолжало работать лишь 4073 фабрики и завода (47,5%) с 598 025 рабочими (77,2%). Количество действовавших двигателей сократилось до 30,5%, а их мощность — до 22,4% [4].

Июль — самая низкая точка падения промышленного производства в 1921 г. В это время стояли почти все текстильные фабрики. В Донбассе добыча угля с 33,1 млн. пудов в марте сократилась к июлю до 9,1 млн. пудов [5]. Число действовавших скважин в Баку с 1734 в январе 1920 г. уменьшилось к августу 1921 г. до 715 [6]. В Петрограде из 410 фабрик и заводов, подчиненных Петроградскому СНХ, в июле 1921 г. действовало лишь 141 предприятие [7].

Сокращение промышленного производства естественно вело к уменьшению количества занятых рабочих, которое особенно снизилось в июле — сентябре 1921 г., т. е. тогда, когда падение производства, вызванное продовольственным кризисом, было максимальным.

В июле число рабочих в крупной промышленности сократилось на 7,8%, в августе — на 6,2%, в сентябре — на 4,3% [8]. Осенью произошло небольшое сезонное оживление. В октябре рабочих стало на 1,4% больше, в ноябре — на 2,7%, в декабре — на 1,9% [9]. Однако на 1 января 1922 г. численность фабрично-заводских рабочих по сравнению с 1 июля 1921 г. составляла 87,9%.

Сокращение количества рабочих за это время в разных отраслях было различным: химиков — на 7%, табачников — на 14,5%, горнорабочих — на 15,4%, полиграфистов — на 16%, металлистов — на 16,2%, писчебумажников — на 19,6%, кожевников

---

[3] «Бюллетень ЦСУ», № 87, 1924, стр. 36.
[4] Там же.
[5] «Русская промышленность в 1921 г. и ее перспективы». М., б. г., стр. 98—99.
[6] Там же, стр. 128.
[7] «ПетрогубЭКОСО. Второй отчет Совету Труда и Обороны за октябрь — декабрь 1921 г.». ПГ., 1921, стр. 99.
[8] «Бюллетень ЦСУ», № 84, 1924, стр. 42.
[9] Там же.

и швейников — на 26,9%. Сильнее всего уменьшилась численность пищевиков — на 30,3%. Больше стало только деревообделочников (на 0,6%) и текстильщиков (на 9%) [10].

В первой половине 1922 г. численность рабочих продолжала падать. С 1 января по 1 августа она сократилась на 11,9% [11].

На 1 августа фабрично-заводских рабочих было примерно 1170 тыс., и с этого времени началось постепенное и неуклонное увеличение их количества. В декабре оно по сравнению с январем поднялось на 7,3% [12].

Однако рост происходил не во всех производствах. Ряды горнорабочих за 1922 г. уменьшились на 1%, деревообделочников — на 1,7%, металлистов — на 1,9%, писчебумажников — на 2,6%, кожевников — на 3,4%, табачников — на 9,2%, полиграфистов — на 10,3%, швейников — на 17,8%. Увеличение численности рабочих имело место в пищевой (на 5,1%), химической (на 8,2%) и особенно текстильной (на 43,1%) промышленности [13]. Быстрый рост текстильщиков объяснялся вводом в действие в 1921—1922 гг. многих текстильных фабрик.

Если рассмотреть отдельно данные за сентябрь — декабрь 1922 г., то выяснится, что за это время во всех производствах произошло увеличение численности рабочих. Это был перелом. Этот перелом захватил не только легкую, но и тяжелую промышленность. В целом по всей крупной промышленности рабочих за это время стало на 21% больше [14].

Причиной прекращения падения численности рабочего класса были хороший урожай в сельском хозяйстве и начавшийся подъем крупной промышленности и других отраслей экономики страны.

Восстановление промышленного производства началось еще осенью 1921 г. Если в июле этого года, как указывалось выше, на территории 46 губерний работало лишь 4073 фабрики и завода (47,5% общего количества предприятий), то в декабре действующих крупных промышленных предприятий было уже 4568 (53,2%) [15]. Увеличилось также число действующих механических двигателей и их мощность. Показателем начавшегося восстановления промышленности являлось уменьшение численности рабочих на недействующих предприятиях: с 119,2 тыс. в середине года до 57,7 тыс. к концу второго полугодия [16].

В своем отчете за 1921 г. ВСНХ писал: «Всюду, где применяются новые методы оплаты труда, снабжения предприятий и

---

[10] «Труд в СССР», статистико-экономический обзор (октябрь 1922 г. — март 1924 г.), под ред. А. Г. Рашина. М., 1924, стр. 1.
[11] Там же, стр. 2.
[12] Там же, стр. 3.
[13] Там же.
[14] Там же.
[15] «Бюллетень ЦСУ», № 87, 1924, стр. 36.
[16] Там же, стр. 37.

управления ими, промышленность оживает, рабочий повышает свою производительность — местами до довоенного времени и превосходя его,— пробуждается энергия и интерес к работе и жизнь на фабриках начинает бить ключом»[17].

В 1921 г. произошел поворот от хозяйственной разрухи к возрождению народного хозяйства, начался постепенный подъем советской индустрии. Несмотря на послевоенные трудности, выпуск продукции крупной промышленности увеличился тогда на 42,1%. Серьезные успехи были достигнуты в 1922 г., однако в связи с неурожаем предыдущего года и трудностями, с ним связанными, прирост валовой продукции промышленности в этом году составил только 30,7%. В 1923 г. объем валовой продукции увеличился уже на 52,9%[18]. Правда, как было сказано выше, в этом году происходил кризис сбыта, отрицательно сказавшийся на работе промышленности. Но кризис был преодолен. Денежная реформа, снижение цен и рост производительности труда рабочих позволили в короткий срок наладить торговлю. И если в 1924 г. промышленное производство увеличилось на 16,4%, то в 1925 г. оно сделало большой скачок вперед, дав 66,1% годового прироста[19]. Это было вполне закономерно, так как крупная промышленность имела теперь прочную сырьевую, продовольственную и топливную базу, что дало возможность пустить многие бездействовавшие фабрики и заводы.

По данным ЦСУ, в СССР в 1922/23 г. действовало 8703, а в 1924/25 г.— 11 363 цензовых предприятия. За три года (1922/23—1924/25) возобновили работу 2660 заводов и фабрик[20].

В промышленное производство было вовлечено много новых рабочих. Пуск каждого отдельного предприятия означал крупную победу пролетарской диктатуры над голодом и разрухой.

Оживление началось прежде всего в промышленности, производившей товары широкого потребления, особенно в хлопчатобумажной, льняной, резиновой, спичечной и др. Нужно было развивать быстрее те производства, которые требовали минимум ресурсов и могли обеспечить товарами широкий крестьянский рынок.

V Всероссийский съезд профсоюзов (сентябрь 1922 г.) отметил факт подъема отраслей промышленности, опиравшихся на свободное товарное обращение[21]. В своем отчете к XII съезду партии ЦК РКП(б) указывал, что период между XI и XII съездами партии положил начало действительного и прочного подъема

---

[17] «Русская промышленность в 1921 г. и ее перспективы», стр. XIX.

[18] «Социалистическое строительство СССР», стат. ежегодник. М., 1936, стр. 2.

[19] Там же.

[20] «Итоги десятилетия Советской власти в цифрах. 1917—1927 гг.» М., 1927, стр. 232.

[21] «Стеногр. отчет V Всероссийского съезда профессиональных союзов. 17—22 сентября 1922 г.» М., 1922, стр. 507.

производства[22]. В отчете ЦК отмечен факт оживления в легкой промышленности (текстильной, табачной, кожевенной, резиновой, стекло-фарфоровой и т. д.). Общая производительность легкой промышленности еще далеко отставала от уровня 1913 г., «но все же она уже начала преодолевать полосу разрухи»[23].

Число действовавших хлопчатобумажных фабрик увеличилось со 169 в 1922/23 г. до 237 в 1924/25 г.[24–26] На хлопчатобумажных, шерстяных, льняных фабриках в 1921/22 г. использовалось 2479,1 тыс. веретен, в 1924/25 г.— 8653,5 тыс. Число действовавших ткацких станков возросло за это время с 71,8 тыс. до 222,7 тыс.[27] С 1920 по 1925 г. производство тканей увеличилось в восемь раз, кожаной обуви — в четыре, сахара — в пять раз.

Вместе с тем партия и правительство стремились обеспечить первоочередное восстановление добычи каменного угля, нефти, торфа и т. д., ибо без минерального топлива промышленность работать не может. Рост производства здесь наметился в первый же послевоенный год. Выступая 23 декабря 1921 г. на IX Всероссийском съезде Советов с докладом о внутренней и внешней политике Республики, В. И. Ленин отметил положительные изменения в строении «топливного бюджета», увеличение доли минерального топлива, на котором только может базироваться крупная промышленность[28].

Центром добывания минерального топлива являлся Донецкий каменноугольный бассейн, который В. И. Ленин называл основой советской промышленности. Из общей добычи угля в конце восстановительного периода на его долю приходилось 76%. С 1920 по 1925 г. добыча угля в Донбассе увеличилась примерно в 2,7 раза[29]. Развивалась каменноугольная промышленность Урала, Сибири, Дальнего Востока. Успешно восстанавливалась нефтяная промышленность. Добыча нефти в 1925 г. достигла 76% уровня 1913 г.[30] Восстановление топливной промышленности сопровождалось реконструкцией ее технической базы, что выразилось прежде всего в электрификации донецких шахт и бакинских нефтепромыслов, а также в применении гидравлического способа добычи торфа. К концу восстановительного периода народное хозяйство СССР целиком перешло на минеральное топливо.

Неоспоримые достижения партия и рабочий класс имели в электрификации народного хозяйства. Несмотря на тяжелое экономическое положение страны, правительство приняло поистине

---

[22] «Известия ЦК РКП(б)», 1923, № 4, стр. 16.
[23] Там же.
[24–26] «Итоги десятилетия советского хозяйства в цифрах. 1917—1927 гг.», стр. 276.
[27] «Советское народное хозяйство в 1921—1925 гг.» М., 1960, стр. 173.
[28] См. В. И. Ленин. Соч., т. 33, стр. 140—141.
[29] «Советское народное хозяйство в 1921—1925 гг.», стр. 150—151.
[30] Там же, стр. 152.

героические меры для выполнения плана Гоэлро. Сооружались крупные районные электрические станции: Волховская на реке Волхов, Кизеловская на Урале, Штеровская в Донбассе, Нижегородская около города Балахны, Шатурская, а также электростанции в Ярославле, Екатеринбурге, Тбилиси, Ташкенте и других городах.

1922 год ознаменовался пуском двух районных электрических станций — Каширской и «Красный Октябрь».

4 июня состоялось торжественное открытие электростанции близ Каширы. Это была первая крупная электрическая станция, построенная по плану Гоэлро. Рабочие Советской страны, Коммунистическая партия и весь народ могли гордиться этой первой победой на фронте электрификации. В ознаменование открытия Каширской ГРЭС Президиум ВСНХ постановил наградить всех ее строителей премиями в размере двухнедельного заработка, а героев труда — двухмесячного. Каждый герой труда получил серебряные часы с выгравированной памятной надписью. Главному инженеру стройки Г. Д. Цюрупе были выданы золотые часы. Решено было также поместить на фронтоне здания станции мраморную доску с именами героев труда [31].

Сооружение Каширской ГРЭС, как и других электрических станций, являлось воплощением замыслов великого Ленина. В память об этом в 1925 г. перед зданием станции был воздвигнут и 3 мая открыт памятник В. И. Ленину. На его цоколе начертаны заветные слова: «Коммунизм есть Советская власть плюс электрификация. Ленин» [32].

8 октября 1922 г. рабочие и все трудящиеся Петрограда отпраздновали пуск электрической станции на Уткиной заводи — ГРЭС «Красный Октябрь», топливом для которой служит торф (запасы его в районе в то время определялись в 3 млрд. пудов) [33]. Это была вторая крупная победа советских рабочих на фронте электрификации. С пуском этой электростанции улучшилась энерговооруженность петроградской промышленности.

В конце восстановительного и начале реконструктивного периодов было закончено строительство семи крупных электрических станций: Кизеловской (1924 г.), Шатурской (1925 г.), Нижегородской (1925 г.), Волховской (1926 г.), Штеровской (1926 г.), Земо-Авчальской (1927 г.), Ярославской (1926 г.).

Строительство районных электрических станций было главным направлением в осуществлении электрификации страны. Кроме этого, велось местное электростроительство. Проводилась, например, электрификация Подмосковного угольного бассейна. 12 ноября 1922 г. состоялось торжественное открытие двух

---

[31] «Развитие электрификации Советской страны 1921—1925 гг.», сб. документов и материалов под ред. И. А. Гладкова. М., 1956, стр. 182—183.

[32] Там же, стр. 190.

[33] «Экономическая жизнь», 18 января 1923 г.

электрических станций — в Скопинском уезде Рязанской губернии и Епифанском уезде Тульской губернии[34]. Мелкое и среднее электростроительство велось также в Севастопольском, Минераловодском и некоторых других районах.

Успехи имелись и в работе электротехнической промышленности. В Москве и Петрограде началось производство электрических ламп, которое в царской России было развито очень слабо. Промышленность наладила совершенно новое производство полуваттных ламп, электрических счетчиков, турбогенераторов большой мощности, высоковольтных изоляторов и т. д.[35].

Труднее всего было восстановить металлургические заводы, так как они были разрушены больше, чем предприятия других отраслей промышленности. 1921 год не принес заметных успехов в этой отрасли. В своем докладе на IX Всероссийском съезде Советов В. И. Ленин говорил, что производство металла составляет, «может быть, 6% того, что производили в довоенное время»[36]. Однако некоторые сдвиги наметились и здесь. Трест «Югосталь» — наиболее мощное объединение металлургической промышленности — в первой половине 1921 г. выпускал ежемесячно 70 тыс. пудов чугуна, в октябре он дал 130 тыс., а в ноябре — 270 тыс. пудов[37]. Это было еще немного, но говорило о движении вперед. «Как ни тяжело наше положение, мы здесь видим успех громадный»,— сказал, обращаясь к делегатам IX Всероссийского съезда Советов В. И. Ленин, и убежденно добавил: «Мы видим, что у нас нет оснований предаваться панике... мы поднимаемся, мы стоим на верном пути и, напрягая все силы, мы можем надеяться, что подъем станет еще выше»[38].

Принятые партией и правительством меры дали возможность быстрыми темпами начать восстановление металлургии. В 1923—1925 гг. были пущены многие металлургические заводы Юга и Урала, стоявшие по нескольку лет: Макеевский, Енакиевский, Днепровский, Нижне-Туринский, Ключевский, Карабашский и др. С каждым годом советская металлургия крепла и давала народному хозяйству все больше чугуна, меди, стали и проката. С 1920 по 1923/24 г. выплавка чугуна в СССР увеличилась в шесть раз, стали — в пять, производство проката — в 2,5 раза. В 1924/25 г. выпуск черных металлов почти удвоился[39]. Однако восстановительный период в металлургии затянулся до 1928/29 г.

---

[34] «Экономическая жизнь», 14 ноября 1922 г.

[35] ЦГАОР и СС, ф. 5469, оп. 7, д. 4, лл. 102, 110, 111. Доклад Главэлектро на V Всероссийском съезде металлистов.

[36] В. И. Ленин. Соч., т. 33, стр. 142.

[37] Там же, стр 142—143; «Русская промышленность в 1921 г. и ее перспективы», стр. XXXVI.

[38] В. И. Ленин. Соч., т. 33, стр. 143.

[39] Э. Ю. Локшин. Очерк истории промышленности СССР (1917—1940). М., 1956, стр. 132.

Ускоренными темпами развивалось машиностроение, подстегиваемое необходимостью капитального ремонта и обновления основных фондов крупной промышленности и сельского хозяйства. За годы восстановительного периода продукция машиностроительных заводов увеличилась почти в 10 раз [40].

Быстро развивалось производство инвентаря для сельского хозяйства. Руководствуясь постановлением IX Всероссийского съезда Советов, ВСНХ признал «сельскохозяйственное машиностроение по важности наравне с военной промышленностью» [41]. В 1921/22 г. в СССР было произведено сельскохозяйственных орудий и машин на 6860 тыс. руб., а в 1924/25 г.— на 39 899 тыс. [42]

В восстановительный период возникла новая в нашей стране отрасль машиностроения: 4 марта 1922 г. Комиссия по восстановлению крупной промышленности при Президиуме ВСНХ признала «принципиально необходимым постановку в России автомобилестроения в массовом масштабе» [43]. Было решено организовать объединение автомобильных заводов под названием Центральное управление государственных автомобильных заводов (ЦУГАЗ). В состав ЦУГАЗ вошли четыре предприятия, в той или иной степени связанные с производством различных частей и деталей автомобиля: Ярославский завод б. Лебедева, заводы б. Ильина, б. Келлера и АМО [44]. В 1924 г. завод АМО выпустил первые советские автобусы и грузовики [45].

Начала осуществляться ленинская идея производства в СССР тракторов. В 1923 г. к их изготовлению приступили Коломенский машиностроительный завод, Харьковский паровозостроительный, «Красный путиловец» и «Большевик» (Петроград) [46].

Советские заводы стали выпускать турбины (Металлический завод в Петрограде), металлорежущие станки (московский «Красный пролетарий», завод им. Свердлова в Петрограде и др.), станки для текстильной промышленности.

Несмотря на быстрые темпы восстановления, производство средств производства испытывало большие трудности. «Тяжелая индустрия,— говорилось в отчете ЦК партии к XII съезду РКП(б),— опирающаяся главным образом на военные заказы и только во вторую очередь на вольный рынок, неизбежно должна переживать крайне тяжелое положение» [47].

Все источники говорят о том, что в те годы тяжелая промышленность отставала от легкой. Об этом свидетельствует и статистика. Валовая продукция всей крупной промышленности с

[40] Э. Ю. Локшин. Указ. соч., стр. 130.
[41] ЦГАОР и СС, ф. 130, оп. 6, д. 266, л. 23.
[42] «Советское народное хозяйство в 1921—1925 гг.», стр. 163.
[43] «X Всероссийский съезд Советов 23—27 декабря 1922 г.», стеногр. отчет. М., 1923, стр. 35.
[44] ЦГАОР и СС, ф. 130, оп. 6, д. 169, л. 24.
[45] ЦГАОР и СС, ф. 5469, оп. 7, д. 25, л. 382.
[46] «Правда», 2 июля 1924 г.; «Труд», 16 ноября 1924 г.
[47] «Известия ЦК РКП(б)», 1923, № 4, стр. 16.

1920 по 1925 г. увеличилась в 5,5 раза, производство средств производства — в 5 раз, производство средств потребления — в 5,9 раза [48]. Среднегодовой темп развития тяжелой промышленности в 1921—1923 гг. был несколько выше темпа развития производства предметов потребления. Но в последующие два года (1924 и 1925) производство средств производства стало развиваться медленнее, чем легкая промышленность. В целом за восстановительный период (1921—1925 гг.) среднегодовой темп роста производства группы «А» отставал от среднегодового темпа роста производства группы «Б». Удельный вес средств производства в общей массе промышленной продукции сократился с 43,7% в 1921 г. до 43,4% в 1925 г. [49]. Эти цифры не требуют особых комментариев. Факт более быстрого развития легкой промышленности в 1921—1925 гг. признается в экономической литературе [50].

Совет Труда и Обороны, Совнарком и ВСНХ прилагали огромные усилия к расширению производства средств производства, но делали это с известной постепенностью, обращая внимание прежде всего на развитие энергетики, электрификации, восстановление и развитие топливной промышленности, ибо топливный кризис грозил тягчайшими бедами народному хозяйству и прежде всего крупной индустрии. В. И. Ленин требовал первоочередного восстановления промышленности Донбасса. На XI съезде РКП(б) он говорил: «Ни о каком восстановлении крупной промышленности в России, ни о каком настоящем строительстве социализма не может быть и речи... если мы не восстановим, не поставим на должную высоту Донбасс» [51].

В конце 1922 г., когда вследствие хорошего урожая в стране были созданы некоторые резервы, Владимир Ильич Ленин выдвинул задачу усиления помощи тяжелой индустрии. В своем выступлении на IV конгрессе Коминтерна 13 ноября 1922 г. он заявил: «Спасением для России является не только хороший урожай в крестьянском хозяйстве — этого еще мало,— и не только хорошее состояние легкой промышленности, поставляющей крестьянству предметы потребления,— этого тоже еще мало,— нам необходима также *тяжелая* индустрия» [52]. Тяжелая индустрия нуждалась в государственных субсидиях. В. И. Ленин сообщил конгрессу, что Советское правительство выделило на это более 20 млн. руб. золотом — первое по тому времени значительное вложение, которое, однако, было недостаточно. Нужно

---

[48] «Социалистическое строительство СССР», стат. ежегодник. М., 1936, стр. 2.

[49] Там же.

[50] «Развитие советской экономики», под ред. А. А. Арутиняна и Б. Л. Маркуса. М., 1940, стр. 203; П. И. Лященко. История народного хозяйства СССР, т. III. М., 1956, стр. 167, Э. Ю. Локшин. Указ. соч., стр. 127—128; «Советское народное хозяйство в 1921—1926 гг.» М., 1960, стр. 226.

[51] В. И. Ленин. Соч., т. 33, стр. 267.

[52] Там же, стр. 388—389.

было экономить, экономить на всем, даже на школах, но прежде всего на государственном аппарате. В докладе на IV конгрессе Коминтерна, в последней своей статье «Лучше меньше, да лучше» В. И. Ленин требовал от государственных органов проведения жесткой экономии, бережливости, накоплений для развития электрификации, гидроторфа, металлургии и машиностроения. Одним из великих заветов Ленина была идея опережающего развития производства средств производства. «Поднятие Донбасса, нефти и металлургии до довоенной производительности,— писал он в своем приветствии Всеукраинскому съезду Советов 10 декабря 1922 г.,— это основная задача всего нашего хозяйства, на разрешение которой должны быть направлены все наши усилия» [53].

XII съезд партии (апрель 1923 г.) констатировал «отставание тяжелой промышленности от легкой» и выдвинул в качестве одной из коренных задач «выравнивание фронта тяжелой промышленности и легкой» [54]. Съезд заявил, что без восстановления тяжелой промышленности производство предметов потребления, как и все хозяйственное строительство, будет лишено фундамента. «Уголь, нефть, металл,— говорилось в резолюции съезда «О промышленности»,— вот те отрасли промышленности, успехи которых действительно обеспечат и хозяйственное процветание республики, и ее внешнюю безопасность» [55].

В декабре 1923 г. в резолюции ЦК РКП(б) «Об очередных задачах экономической политики», которая затем была утверждена XIII партийной конференцией (январь 1924 г.), указывалось, что «успехи в деле топливного хозяйства делают ныне возможным и необходимым сосредоточить внимание партии на металлургии» [56].

XIII съезд партии в резолюции по отчету ЦК подчеркнул, что «важнейшей задачей наступающего периода является поднятие металлургии» [57].

Таким образом, по мере восстановления народного хозяйства и накопления материальных ресурсов в стране партия и правительство направляли все бóльшие силы и средства на восстановление тяжелой индустрии, особенно металлургии, развитие которой — самая трудная и самая сложная задача индустриализации [58]. Восстановительный период для черной металлургии, по словам академика С. Г. Струмилина, начался лишь в 1923 г. [59]

К началу 1925 г. потребность народного хозяйства в металле

---

[53] В. И. Ленин. Соч., т. 33, стр. 416.
[54] «КПСС в резолюциях...» ч. I, стр. 690.
[55] Там же, стр. 695.
[56] Там же, стр. 791.
[57] «КПСС в резолюциях...», ч. II, стр. 12.
[58] См. И. П. Бардин. Социалистическая индустриализация СССР и черная металлургия. М., 1950, стр. 12.
[59] С. Г. Струмилин. Черная металлургия в России и в СССР. М.—Л., 1935, стр. 283.

возросла до такой степени, что встал вопрос об ускорении восстановления металлургической индустрии. Это вполне понятно, так как восстановление промышленности, транспорта и земледелия уже приближалось к своему завершению. В апреле 1925 г. на XIV партийной конференции был заслушан доклад председателя ВСНХ СССР Ф. Э. Дзержинского «О металлопромышленности». В этом докладе мы находим объяснение причин отставания металлургии от других отраслей индустрии.

ВСНХ предъявлялись обвинения в том, что он поздно взялся за расширение и восстановление металлопромышленности. Отвечая на эти обвинения, Дзержинский говорил, что развитие той или иной отрасли народного хозяйства определяется объективными условиями. В первые годы восстановительного периода для страны были непосильны те жертвы, те финансовые затраты, которых от нее требовала металлопромышленность [60]. К началу 1925 г. положение изменилось. Металлургические, металлообрабатывающие и машиностроительные заводы имели избыток государственных заказов. Основной базой развертывания металлургической промышленности стал широкий рынок, которого в начале восстановления народного хозяйства не было. Огромный спрос на металл предъявляли железные дороги, текстильные фабрики, электротехническая промышленность, сельское хозяйство. Промышленность не успевала удовлетворять потребности в металлоизделиях. Поэтому XIV партийная конференция дала директиву о расширении металлопромышленности [61]. Эта директива отвечала интересам народного хозяйства и обороны Советской страны. Она была как бы развитием и конкретизацией директивы конференции о возможности построения социализма в СССР при наличии капиталистического окружения.

Принятые партией и правительством меры по развитию тяжелой индустрии в восстановительный период не могли решить основной проблемы — создания экономического фундамента социализма, превращения СССР из отсталой, аграрной страны в передовую индустриальную державу, вполне независимую в технико-экономическом отношении. Для того чтобы решить указанные задачи, требовалось выработать новую политическую линию хозяйственного строительства, перейти от восстановления народного хозяйства к его реконструкции, основным звеном которой являлась социалистическая индустриализация страны. Именно такую политику выработал XIV съезд ВКП(б).

В решениях XIV съезда о переходе к социалистической индустриализации наиболее полно воплотилась установка Ленина на преимущественное развитие тяжелой индустрии. В резолюции по отчету Центрального Комитета съезд записал: «...обеспечить за СССР экономическую самостоятельность, оберегающую СССР от

[60] Ф. Э. Дзержинский. Избр. статьи и речи. 1908—1926. М., 1947, стр. 198, 199.

[61] См. «КПСС в резолюциях...», ч. II, стр. 161—162.

превращения его в придаток капиталистического мирового хозяйства, для чего держать курс на индустриализацию страны, развитие производства средств производства и образование резервов для экономического маневрирования...»[62].

В соответствии с подъемом крупной промышленности происходил рост численности фабрично-заводских рабочих. По данным промышленной статистики, в крупной промышленности СССР в среднем за 1923 г. было занято 1480 тыс. человек[63], что значительно превышало уровень 1920, 1921 и 1922 гг.

Несмотря на трудности в товарообороте, 1923 год был чрезвычайно благоприятным для восстановления и развития промышленности, для роста числа промышленных рабочих. По данным текущей промышленной статистики, численность фабрично-заводских рабочих за первые два месяца этого года несколько увеличилась. В марте и апреле изменений не было. Май и июнь дали повышение. В июле по разным причинам число рабочих понизилось на 3,2%. В августе и сентябре снова начался рост. В конце года в связи с кризисом сбыта промышленных товаров было проведено некоторое сокращение количества рабочих. В результате за первое полугодие число рабочих цензовой промышленности СССР увеличилось на 156,6 тыс., а во второй половине года сократилось на 55,2 тыс. В целом же, по подсчетам статистика М. Я. Кателя, число рабочих крупной промышленности СССР увеличилось за 1923 г. на 101,4 тыс. человек[64].

По позднейшим более полным исчислениям ЦСУ численность рабочих крупной промышленности в 1923 г. поднялась по сравнению с 1922 г. на 281 тыс.[65]

Следующая таблица показывает количественный рост фабрично-заводских рабочих в восстановительный период[66].

Год	Всего, тыс.	% к предыдущему году
1920	1222,8	100
1921	1185,5	96,9
1922	1096,2	92,4
1922/23	1301,6	118,7
1923/24	1503,1	115,4
1924/25	1852,5	123,2
1925/26	2347,9	126,7

[62] «КПСС в резолюциях...», ч. II, стр. 196—197.

[63] «Советская социалистическая экономика. 1917—1957 гг.», М., 1957, стр. 123.

[64] «Труд в СССР», стр. 5, 7.

[65] Э. Ю. Локшин в своей цитированной выше книге на стр. 114 определяет прирост рабочих в 1923 г. в 257 тыс.

[66] «Итоги десятилетия Советской власти в цифрах. 1917—1927 гг.», стр. 230.

Приведенные цифры свидетельствуют о том, что восстановительный процесс в рядах рабочего класса, если рассматривать его как целое, начался лишь в 1923 г. В первые два года восстановительного периода количество занятых в цензовой промышленности уменьшалось. Армия индустриальных рабочих Советского Союза увеличилась в 1922/23 г. на 205,4 тыс., в 1923/24 г. на 201,5 тыс., в 1924/25 г. на 349,4 тыс., в 1925/26 г. на 495,4 тыс. человек. В последние годы восстановительного периода количественный рост рабочего класса происходил бурными темпами. С 1920 г. по 1925/26 г. число рабочих в крупной промышленности СССР увеличилось на 1125,1 тыс.

Изменение численности рабочих в важнейших отраслях крупной промышленности видно из следующих данных[67]:

Отрасль	На 1 января 1914 г. (в тыс.)	1921 г.	1922 г.	1924/25 г.
Вся цензовая промышленность	2 700 000	1 185 500	1 096 200	1 852 500
Топливная промышленность	266 800	201 198	189 298	222 829
Горная и металлургическая промышленность	413 800	74 595	84 537	189 391
Обработка металла и машиностроение	340 700	254 109	175 001	262 111
Химическая промышленность	66 400	38 720	36 472	61 246
Пищевая промышленность	318 300	107 563	82 099	157 044
Текстильная и швейная промышленность	712 200*	282 020	326 256	586 262
Стекольная и цементная промышленность	—	27 302	22 373	56 398

* Без швейников.

В 1922 г. численность советского рабочего класса достигла своей низшей точки. Сокращение числа рабочих в этом году имело место во всех ведущих отраслях промышленности, кроме текстильной, горной и металлургической. Убыль рабочих особенно была заметна в обработке металла и машиностроении. Последующие годы (1923—1925) ознаменовались быстрым пополнением рядов промышленных рабочих. В абсолютном выражении в восстановительный период больше всего выросла численность текстильщиков — на 304 тыс., т. е. в два раза, а также рабочих горной промышленности и металлургии — на 114 797, т. е. в 2,5 раза.

Сравним численность рабочих в 1922 г. с уровнем 1921 и 1924/25 гг. в % (см. табл. на стр. 210).

Ряды рабочего класса в восстановительный период увеличивались очень быстро. Но его численность в эти годы еще не была восстановлена до уровня 1913 г. Этот процесс завершился в

[67] Там же, стр. 230, 236—243; «Наемный труд в России и на Западе. 1913—1925 гг.», ч. I, стр. 101.

Отрасль	1922 г. в % к 1921 г.	1924/25 г. в % к 1922 г.
Вся цензовая промышленность	92,4	168,9
Топливная промышленность	94,0	117,7
Горная и металлургическая промышленность	113,3	224,0
Обработка металла и машиностроение	68,8	149,7
Химическая промышленность	95,7	167,9
Пищевая промышленность	76,3	191,2
Текстильная и швейная промышленность	115,6	179,6
Стекольная и цементная промышленность	81,9	252,0

реконструктивный период. По имеющимся данным, общее количество рабочих цензовой промышленности в 1924/25 г. составляло к уровню на 1 января 1914 г. 68,6% [68], в том числе:

Химическая промышленность	92,9
Топливная промышленность	83,5
Текстильная промышленность	82,3
Обработка металла и машиностроение	76,4
Пищевая промышленность	49,3
Горная промышленность и металлургия	45,7

Тем не менее благодаря новому курсу экономической политики и постоянному вниманию к нуждам промышленности партия и правительство добились резкого увеличения численности фабрично-заводских рабочих, что означало большой хозяйственный и политический успех, несомненную победу в строительстве социализма.

Количественный рост рабочих в различных отраслях промышленности происходил в соответствии с наличием материальных ресурсов и политикой партии. На всем протяжении изучаемого периода на первом месте по численности стояли текстильщики. Это объяснялось тем, что Коммунистическая партия и правительство начали восстановление машинной индустрии с легкой и мелкой промышленности, не требовавшей больших материальных затрат, к тому же она должна была в кратчайшие сроки улучшить материальное положение трудящихся, удовлетворить потребность крестьянства в товарах широкого потребления. В 1920 г. первое место по численности занимали металлисты, за ними шли текстильщики, затем — рабочие топливной индустрии. В 1921 г. на первое место передвинулись текстильщики, металлисты отошли на второе, далее следовали рабочие топливной промышленности и пищевики. В 1922—1924 гг. это соотношение вновь изменилось: текстильщики, потом шахтеры и нефтяники, а за ними металлисты. Последнее изменение объяснялось трудностями в развитии

[68] «Итоги десятилетия Советской власти в цифрах. 1917—1927 гг.», стр. 230; «Наемный труд в России и на Западе. 1913—1925 гг.», стр. 101.

металлопромышленности. Топливная индустрия в это время преуспевала. В 1924—1925 гг. произошла новая передвижка: металлисты снова оказались на втором месте, после текстильщиков, рабочие топливной промышленности — на третьем. В конце восстановительного периода по мере развития тяжелой индустрии росло число рабочих в металлообрабатывающей промышленности и машиностроении (в 1924/25 г. на 63 тыс.), в горной промышленности и металлургии (на 59 530 чел.).

Данные о распределении рабочих по социальным секторам свидетельствуют о безраздельном господстве социализма в цензовой промышленности. Социалистическая промышленность была представлена главным образом крупными и крупнейшими фабриками и заводами, на которых трудилась подавляющая масса рабочих. По переписи 1920 г., в государственной промышленности было занято 93,4%, а по переписи 1923 г.— 93,1% общего числа рабочих действовавших в стране предприятий. На кооперативную промышленность соответственно приходилось 2,5% и 2,6%. В капиталистической промышленности, представленной преимущественно мелкими заведениями, было занято соответственно 4,1% и 4,3% рабочих [69]. Удельный вес социалистического сектора в отношении рабочей силы в связи с переходом Советского государства к новой экономической политике несколько уменьшился. Но это уменьшение было ничтожно, оно не могло повлиять на исход борьбы социализма и капитализма. В абсолютном выражении численность рабочих социалистического сектора за указанное время поднялась в действовавших государственных и кооперативных предприятиях с 1 183431 до 1 234 355, т. е. на 50 924, а капиталистического — с 49 503 до 53 325 [70].

В 1925/26 г. на долю крупной социалистической промышленности приходилось уже 97,5%, а на долю частной — 2,5% занятых рабочих [71]. Таким образом, по числу рабочих социалистический сектор в промышленности занимал командное положение. Удельный вес рабочих, занятых в капиталистических предприятиях, быстро уменьшался, что являлось важнейшим признаком экономической консолидации советского рабочего класса.

Возвращение квалифицированных рабочих кадров в промышленность

Первоначально рост рабочего класса происходил в результате собирания старых пролетариев, которое началось в 1920 г., когда Советское государство выдвинуло задачу вернуть в крупную промышленность квалифицированных рабочих. Однако возвра-

[69] «Труды ЦСУ», т. XXVII. Всероссийская городская перепись 1923 г., вып. 1. Итоги промышленности переписи, стр. 3, 5; см. также М. Н. Черноморский. Распределение промышленных заведений по социальным секторам в первые годы нэпа.— «История СССР», 1958, № 6, стр. 97.

[70] Там же.

[71] «Труд в СССР», стат. сб. М., 1936, стр. 24.

щение рабочих велось еще методами военного коммунизма и не приняло широких размеров. В полную силу процесс собирания рабочего класса развернулся лишь после перехода к новой экономической политике. Как только обозначился поворот от разрухи к восстановлению хозяйства, начался прилив в ряды индустриальной армии. Происходил он в основном стихийно. Подъем промышленности, транспорта, коммунального хозяйства городов, строительного дела и в связи с этим улучшение материального положения горожан привлекали в город многих рабочих, которые в годы войны занимались неиндустриальным трудом или находились на службе в Красной Армии, а когда кончилась война спешили принять участие в восстановлении и развитии социалистической промышленности.

Многие текстильщики, отмечалось в отчете треста хлопчатобумажных фабрик Тверского района, в годы войны стали заниматься земледелием. После начала восстановления промышленности такие рабочие-крестьяне, не имея возможности жить в деревне без дополнительного заработка, вернулись на фабрики [72]. Примерно то же мы читаем в докладе Орехово-Зуевского треста. Как только улучшилось продовольственное положение, говорилось там, «обнаружился большой наплыв прежних рабочих», до того уклонявшихся от работы в промышленности [73].

25 октября 1922 г. в газете «Всероссийская кочегарка» сообщалось о возвращении из Смоленской губернии на Мушкетовский куст (Юзовский район Донбасса) группы шахтеров в 90 человек. Прибывшим была организована торжественная встреча [74].

Однако не всегда рабочие возвращались на заводы и фабрики самотеком. Часто приходилось их вызывать, а иногда и уговаривать. Здесь сыграла свою роль деятельность ячеек РКП(б), заводоуправлений и фабрично-заводских комитетов. При недостатке квалифицированной рабочей силы им приходилось вести упорную борьбу за каждого опытного работника. Многие производственные партийные ячейки и профсоюзные комитеты рассылали письма с предложением вернуться на прежнюю работу тем рабочим, адреса которых были им известны. Так, на Сормовском заводе необходимо было наладить стан «Тома». На заводе был только один рабочий, знавший это дело, некто Белов. Но он был из тех, кто делал зажигалки, сковородки и прочие предметы для обмена. Больше того, Белов нанялся караульщиком при хлебном местечке, и его долго пришлось уговаривать вернуться на завод. Все же уговорили. Он снова пришел в цех. Тогда на выучку к Белову поставили двух толковых рабочих, которые и научились от него работать на этом стане [75]. Другой пример. 25 февраля 1921 г. правление профсоюза горнорабочих Кизеловского райо-

[72] ЦГАОР и СС, ф. 5457, оп. 6, д. 75, л. 55.
[73] Там же, д. 74, л. 51.
[74] «Всероссийская кочегарка», 25 октября 1922 г.
[75] А. Магид. Три поколения с улицы Баррикад. М., 1948, стр. 163.

на (Урал) направило Пермскому губраббюро при губпродкоме отношение с просьбой откомандировать на угольные копи токаря И. Н. Коняева, который шесть месяцев был занят на продовольственной работе. Райком просил также вернуть на копи забойщика А. И. Бабакина, с 1919 г. находившегося в продовольственном отряде[76].

21 сентября 1921 г. объединенное заседание президиумов Тульского губкома, губисполкома и губернского экономического совещания обсуждало вопрос об укреплении военной промышленности. Было принято постановление «о снятии к станку рабочих, занятых в советских учреждениях»[77]. Этот же вопрос обсуждался на заседаниях президиумов губкома и губисполкома 18 ноября. В первом пункте принятого постановления было записано: «Широко поставить дело привлечения квалифицированной рабочей силы на заводы, для чего провести в декабре по всей губернии партийно-профессиональную кампанию, во время которой популяризировать новую тарифную политику, провести мобилизацию из советских, профессиональных и партийных органов высококвалифицированной рабочей силы на заводы»[78].

Сотни и тысячи горняков Донецкого и других бассейнов вернулись на свои шахты при содействии специальных вербовщиков.

Так начался процесс собирания рабочего класса. Этот термин вполне отражает одну из основных характерных черт в развитии рабочего класса тех лет. Впервые он был употреблен в «Тезисах ЦК РКП о мобилизации индустриального пролетариата...», утвержденных IX съездом партии[79]. В дальнейшем он встречается в решениях Коммунистической партии и прочно завоевывает себе права гражданства.

Конечно, рабочие вернулись на свои рабочие места не сразу, а постепенно, по мере пуска стоявших фабрик и заводов, по мере расширения промышленного производства. Возвращение основной массы рабочих в промышленность растянулось по крайней мере на пять лет. По данным ЦСУ, особенно много промышленных предприятий было пущено в ход в 1924/25 г. Тогда же очень быстро увеличивалась нагрузка действовавших фабрик и заводов. Соответственно на этот год приходилась и наибольшая масса возвратившихся в промышленность рабочих, однако часть их оставалась в деревне вплоть до начала первой пятилетки.

Следует отметить приход на фабрики и заводы демобилизованных красноармейцев. С окончанием войны Советское правительство стремилось к всемерному «облегчению для Рабоче-Крестьянской республики военной ноши путем всевозможного сокращения численности армии и возвращения к хозяйству

[76] ЦГАОР и СС, ф. 5459, оп. 2, д. 74, л. 25.
[77] ЦПА ИМЛ, ф. 17, оп. 3, д. 1096, л. 133.
[78] Там же, л. 155.
[79] «IX съезд РКП(б). Март-апрель 1920 г.», протоколы. М., 1960, стр. 554.

наибольшего количества рабочих сил и средств»[80]. Уже 11 декабря 1920 г. Революционный военный совет отдал приказ об увольнении в бессрочный отпуск красноармейцев и матросов из армии и флота, родившихся в 1885 г. и раньше, и о выделении из армии в особые трудовые части с последующей демобилизацией лиц, родившихся в 1886, 1887 и 1888 гг. VIII Всероссийский съезд Советов запланировал уволить из вооруженных сил семь следующих возрастов[81].

Упрочившееся международное положение Советской республики позволяло провести дальнейшее сокращение численности вооруженных сил. 13 апреля 1921 г. Совет Труда и Обороны постановил сократить к 1 сентября численность армии до 1530 тыс. человек[82]. В тот же день СТО принял постановление об увольнении из состава вооруженных сил военнослужащих, родившихся в 1892—1896 гг. Трудармейцы и бойцы частей, переведенных на трудовой фронт, считались уволенными в бессрочный отпуск из армии, но должны были оставаться на работах впредь до особого распоряжения[83].

Последовательно проследить процесс демобилизации фабрично-заводских рабочих из Красной Армии не представляется возможным. Здесь использованы лишь некоторые сведения, имеющиеся в материалах Мобилизационного отдела Наркомтруда. В отчетах этого отдела указывается, что с 25 апреля по 24 июня 1921 г. было демобилизовано 4405 рабочих, в том числе 636 металлистов, 560 строителей, 345 слесарей[84]; в июле — 18 866 рабочих и служащих, в том числе 1228 металлистов и 992 строителя[85]; в сентябре — 3127 металлистов, 2410 строителей, 2754 служащих, 11 625 лиц разных профессий, 114 520 неквалифицированных, а всего 134 436 человек[86].

Демобилизация армии протекала сравнительно медленно, так как транспорт находился в состоянии разрухи и не мог обеспечить быструю перевозку отпущенных домой красноармейцев. Поэтому для ускорения прибытия на предприятия особенно квалифицированных рабочих их отзывали из армии вне всякой очереди. Еще 18 октября 1920 г. на основании приказа Реввоенсовета из VII армии было откомандировано 600 квалифицированных рабочих, в том числе 203 слесаря, 103 токаря, 14 шлифовщиков, 29 фрезеровщиков, 6 сверловщиков, 7 строгальщиков, 4 долбежника, 4 зубореза, 35 котельщиков, 6 водопроводчиков, 38 кузнецов, 29 прокатчиков, 17 литейщиков по чугуну, 14 литейщиков по стали, 8 медников и паяльщиков, 5 автогенных сварщиков, 11 кро-

[80] «Съезды Советов РСФСР в постановлениях и резолюциях», стр. 190.
[81] Там же, стр. 191.
[82] ЦГАОР и СС, ф. 130, оп. 5, д. 388, л. 19.
[83] Там же, л. 21а.
[84] ЦГАОР и СС, ф. 382, оп. 4, д. 104, л. 4.
[85] Там же, л. 25.
[86] Там же, л. 33.

вельщиков, 4 кочегара и т. д. Все эти рабочие были направлены на военные заводы [87].

6 апреля 1921 г. председатель Совета Труда и Обороны В. И. Ленин подписал следующее постановление: «Ввиду острой нужды в чернорабочей силе, ощущаемой Сормовским, Брянским, Коломенским заводами и заводами Приокского горного округа Гомзы для выполнения ими транспортных и военных заданий республики, Совет Труда и Обороны постановил: откомандировать из Красной Армии 1500 человек Сормовскому заводу, 700 — Брянскому, 500 — Коломенскому, 300 — заводам Приокского горного округа из числа красноармейцев не моложе родившихся в 1894 г.» [88].

25 апреля СТО предложил Реввоенсовету выделить из войсковых частей для работы на рыбных промыслах до 18 тыс. рабочих и, кроме того, 3,5 тыс. бондарей [89].

1 мая для военной промышленности из Красной Армии было откомандировано 4187 рабочих, в том числе 3625 квалифицированных и 562 неквалифицированных. Тульские оружейный и патронный заводы из этого числа получили 776 человек, Ижевский оружейный — 209, Петроградский авторемонтный — 133, завод «Динамо» (Москва) — 59, Луганский патронный завод — 58 рабочих [90].

11 мая состоялось постановление СТО «О возвращение из рядов в Красной Армии рабочих водотранспорта». Вследствие острого недостатка в рабочих и служащих на водном транспорте и судостроительных работах Совет Труда и Обороны дал директиву возвратить из Красной Армии всех рабочих и служащих, ранее работавших на водном транспорте [91].

Рабочие из демобилизованных красноармейцев на некоторых предприятиях составляли значительную часть коллектива. Так, на Ярославской мануфактуре в начале 1921 г. их числилось 200 человек [92]. На заводы Гомзы с 1 июля по 1 октября 1921 г. из Красной Армии был откомандирован 541 квалифицированный рабочий [93].

Приведенные данные нельзя расценивать как исчерпывающие. Они лишь свидетельствуют, что с наступлением мирной полосы в развитии Советской республики Красная Армия явилась одним из источников пополнения рабочих кадров. Трудно, даже пока невозможно, привести точные данные о количестве рабочих, вернувшихся на фабрики и заводы из Красной Армии.

Из 4110 тыс. человек, числившихся в Красной Армии на

---

[87] Там же, д. 585, лл. 56—57.
[88] ЦГАОР и СС, ф. 130, оп. 5, д. 386, л. 30.
[89] ЦГАОР и СС, ф. 5451, оп. 5, д. 393, л. 47.
[90] ЦГАОР и СС, ф. 382, оп. 4, д. 714, л. 8.
[91] «Бюллетень трудового фронта», 1921, № 12, стр. 4.
[92] ЦГАОР и СС, ф. 5457, оп. 5, д. 8, л. 21.
[93] «Русская промышленность в 1921 г. и ее перспективы», стр. 77.

1 января 1921 г., к 1924 г. осталось 562 тыс.[94] Остальные были демобилизованы и вернулись к трудовой жизни. Таким образом, все отрасли народного хозяйства получили 3548 тыс. работников. Исходя из того, что по переписи 1920 г. рабочих в Красной Армии было 14,8%[95], П. И. Щелкунов в своей кандидатской диссертации определил численность демобилизованных из Красной Армии промышленных рабочих в 500 тыс. человек, в том числе 250 тыс. квалифицированных[96]. Однако он упустил из виду, что эти 14,8% (по другим источникам 14,9%)[97] включали не только фабрично-заводских рабочих, но и рабочих других отраслей народного хозяйства. Поэтому общая численность промышленных рабочих, демобилизованных в 1921—1923 гг., была, вероятно, на много меньше 500 тыс., так как в эту цифру должны быть включены рабочие транспорта, строительства, коммунального хозяйства и т. д. Тем не менее подсчеты П. И. Щелкунова нужно признать весьма полезными. Он сделал нужное дело, обратив внимание на количественную сторону процесса собирания рабочего класса. Рабочие, вернувшиеся на заводы и фабрики из рядов вооруженных сил, сыграли большую роль в восстановлении крупной промышленности и других отраслей народного хозяйства, в укреплении диктатуры пролетариата.

Значительный удельный вес в общей массе пополнения рабочего класса представляла группа рабочих, возвратившихся из деревни. По вычислениям П. И. Щелкунова, в этой группе насчитывалось примерно 200—250 тыс. человек[98]. Цифру эту нужно считать лишь приблизительной. В действительности количество рабочих, вернувшихся в восстановительный период на фабрики и заводы из сельских местностей, было, вероятно, выше. Свои подсчеты П. И. Щелкунов производил на основании данных выборочной профсоюзной переписи 1929 г. Но ведь к 1929 г. состав рабочего класса изменился. В его ряды влилось много молодых рабочих, что не могло не снизить удельный вес группы рабочих, в годы гражданской войны уходивших с производства в деревню, а затем вернувшихся в промышленность.

Факт возвращения рабочих из деревни говорит о том, что в восстановительный период деревня являлась одним из важнейших источников снабжения промышленности квалифицированной рабочей силой.

---

[94] «Итоги десятилетия Советской власти в цифрах, 1917—1927 гг.», стр. 74.

[95] «Народное хозяйство Союза ССР в цифрах», стат. справочник. М., 1925, стр. 110. Фактическое число демобилизованных было меньше, так как в течение 1921 и 1922 гг. Красная Армия имела значительные потери в личном составе (см. там же).

[96] П. И. Щелкунов. Рабочий класс СССР в восстановительный период. М., 1951, стр. 246.

[97] Показатель 14,9 приводится в «Бюллетене ЦСУ», № 59, 1922, стр. 5, а также в «Трудах ЦСУ», т. XVIII. Сб. стат. сведений по Союзу ССР. 1918—1923 гг. М., 1924, стр. 94.

[98] П. И. Щелкунов. Указ. соч., стр. 249.

Следует заметить, что в своих подсчетах П. И. Щелкунов учел не все источники возвращения старых рабочих. Он не принял во внимание то обстоятельство, что часть рабочих, отрывавшихся во время войны от промышленного производства, была занята не в промышленности или земледелии, а на транспорте, в государственных, профсоюзных, партийных и других учреждениях, на продовольственной работе. Как только обозначился подъем промышленности, эти рабочие стали возвращаться на работу по своей специальности. Партия вернула на заводы и фабрики также часть рабочих-коммунистов, выдвинутых ранее на руководящую партийную и советскую работу.

Общий прирост промышленных рабочих в восстановительный период П. И. Щелкунов определил примерно в 1400 тыс.[99] (500 тыс. демобилизованных из рядов Красной Армии, 200—250 тыс. вернувшихся из деревни и 600 тыс. новых рабочих). Цифра эта явно преувеличена. По данным ЦУНХУ Госплана СССР, среднегодовая численность рабочих крупной промышленности в 1922 г. составляла 1199 тыс., а в 1925 г.—2119 тыс.[100] Получается, таким образом, что за восстановительный период общее количество рабочих, занятых в этой области народного хозяйства, увеличилось на 920 тыс.

Возвращение квалифицированных рабочих в промышленное производство свидетельствовало об оздоровлении народного хозяйства, об укреплении ведущей роли социалистической промышленности в экономике страны, упрочении диктатуры пролетариата. Широкие народные массы видели в этом подтверждение правильности экономической политики Коммунистической партии и Советской власти.

Исключительно ценный материал по вопросу о собирании рабочего класса дала выборочная профсоюзная перепись, проведенная ВЦСПС в 1929 г. Указанная перепись, охватившая профсоюзы металлистов, горнорабочих и текстильщиков, установила в составе переписанных членов профсоюзов группу рабочих, порвавших связь с промышленностью не менее чем на два года. В количественном отношении эта группа в учтенных предприятиях составляла 17—18% общего числа занятых в 1929 г. рабочих[101].

Поскольку эти данные представляют большой интерес, приведем их в виде таблицы, которая поможет читателю самому проследить интересующий нас процесс (табл. 5).

Как видно из таблицы 5, подавляющая часть рабочих, уходивших с фабрик и заводов на длительное время, вернулась на производство в 1922—1925 гг. Возвращение рабочих быстрее всего шло в легкой промышленности, так как она восстанавливалась

---

[99] Там же, стр. 250.

[100] «Социалистическое строительство СССР», стат. ежегодник. М., 1936, стр. 3.

[101] А. Г. Рашин. Состав фабрично-заводского пролетариата СССР. М., 1930, стр. 9.

более высокими темпами, чем тяжелая. Так, в производстве по обработке хлопка почти 90% возвратившихся приступили к работе в промышленности в восстановительный период [102]. Среди металлистов этот показатель составлял немногим более 81% [103].

Некоторая часть рабочих вернулась в промышленность лишь после начала социалистической индустриализации. Их удельный вес в отраслях тяжелой индустрии был более значительным, чем в легкой промышленности.

Таблица 5

Удельный вес рабочих, оторвавшихся в годы гражданской войны от промышленности, и время их возвращения на свое производство*

Вид производства, район	Всего учтено рабочих	Из них возобновили работу после длительного перерыва		Возобновили работу	
		всего	% к общему числу	в 1922—1925 гг., %	в 1926—1929 гг., %
Хлопчатобумажная промышленность					
Ленинград	10 296	2 835	27,5	83,6	16,4
Москва	5 440	1 056	19,4	89,2	10,8
Московская обл.	48 320	8 311	17,2	91,8	8,2
Ивановская »	54 930	13 817	25,2	90,9	9,1
Металлообработка и машиностроение					
Ленинград	22 220	3 854	17,3	82,8	17,2
Московская губ.	18 653	2 735	14,6	80,4	19,6
УССР	16 570	2 645	16,0	83,1	16,9
Металлургия					
УССР	21 392	2 790	13,0	78,3	21,7
Урал	12 238	919	7,5	86,0	14,0
Каменноугольная промышленность					
Донбасс	45 214	2 714	6,0	75,0	25,0
Урал и Сибирь	7 305	412	5,6	74,0	26,0
Нефтяная промышленность	6 730	753	11,2	87,3	12,7

* А. Г. Рашин. Указ. соч., стр. 10.

Следует отметить одно очень важное обстоятельство. Среди возвращавшихся после длительного перерыва рабочих было около 80% кадровых пролетариев с дореволюционным производственным стажем [104].

Факт собирания кадровых пролетариев в восстановительный период нашел яркое отражение в партийных документах.

[102] А. Г. Рашин. Указ. соч., стр. 10.

[103] «Перепись рабочих и служащих в 1929 г.», т. I. Металлисты СССР. М., 1930, стр. 12.

[104] А. Г. Рашин. Указ. соч., стр. 11.

В организационном отчете ЦК на XII съезде РКП(б) констатировалось, что «старые рабочие, вынужденные раньше разбрасываться по деревням, вновь притекают к фабрикам и заводам» [105]. Через год XIII съезд партии в резолюции «Об очередных задачах партийного строительства» отметил как важнейшее положительное явление прекращение деклассирования, рост и восстановление пролетариата в основных отраслях промышленности. «На фабрики и заводы,— указывал съезд,— возвращаются лучшие пролетарские кадры, недавно еще уходившие из рабочих районов в деревню» [106]. В резолюции XIV съезда ВКП(б) «О работе профсоюзов» записано: «Тяжелый процесс деклассирования пролетариата остался позади» [107].

Окончательные результаты собирания кадров рабочих партия подвела в 1926 г. В резолюции XV конференции РКП(б) «О хозяйственном положении страны и задачах партии» говорится: «Под руководством РКП(б) завершена в общем и целом огромная работа по восстановлению народного хозяйства. Восстановительный период может считаться в общих чертах законченным. Теперь народное хозяйство входит в новый период своего развития — период перестройки хозяйства на основе новой, более высокой техники. К этому периоду закончилось собирание распыленного во время гражданской войны и интервенции пролетариата, произошло укрепление его организаций и достигнуто значительное улучшение материального положения рабочего класса» [108].

Прилив новых рабочих. Значение отходничества

Процесс собирания кадровых рабочих — одна из особенностей роста рабочего класса в восстановительный период. Однако пополнение рядов фабрично-заводского пролетариата в те годы происходило и за счет новых рабочих. Об этом неопровержимо свидетельствуют источники. На 1 января 1925 г. среди рабочих — членов Союза горнорабочих лица со стажем работы по найму до пяти лет составляли 22,8% [109]. На февраль 1926 г. среди постоянных рабочих-сахарников лиц, имевших пятилетний стаж работы в сахарной промышленности, насчитывалось 32,2% [110].

В материалах профсоюзной переписи 1929 г. старые и новые рабочие кадры подразделены на следующие группы: 1) поступившие на фабрики и заводы до Октябрьской революции (50,7%), в том числе и те, кто во время гражданской войны отрывался от производства, а затем вновь вернулся в промышленность, 2) впер-

[105] «XII съезд РКП(б). Стеногр. отчет». М., 1923, стр. 39.
[106] «КПСС в резолюциях...», ч. II, стр. 15.
[107] Там же, стр. 212.
[108] Там же, стр. 294.
[109] «Союз горнорабочих СССР в цифрах», вып. III. Итоги переучета членов союза на 1 января 1925 г. М., 1926, стр. 232—233.
[110] «Профсоюз сахарников в цифрах», стат. сб., вып. I. М., 1927, стр. 81.

вые пришедшие на производство в 1918—1921 гг. (9%) и в восстановительный период (20,3%), 3) начавшие работу в промышленности с 1926 г. (20%).

Соотношение этих групп в различных отраслях промышленности было таково [111]:

Отрасль	I	II	III
Обработка металлов	50,8	30,7	18,5
В том числе в Ленинграде	51,5	29,6	18,9
Хлопчатобумажная промышленность	59,3	25,5	15,2
В том числе в Ивановской обл.	61,6	23,1	15,3
Каменноугольная промышленность Донбасса	33,2	32,5	34,3

Приведенные относительные величины дают возможность сделать очень важные выводы. Старые кадры пролетариата составляли мощную и ведущую силу индустриальной армии СССР. Но постепенно в ее рядах росло количество новых рабочих. В годы гражданской войны и иностранной интервенции свежие пополнения были незначительны. Восстановительный период дал заметное увеличение доли рабочих в составе пролетариата. Это относится в бóльшей степени к металлообрабатывающей и каменноугольной промышленности, чем к текстильной. Дело в том, что металлисты и шахтеры понесли в годы войны бóльшие потери и нуждались в бóльших пополнениях, чем другие группы пролетариата.

XIV съезд партии в резолюции «О работе профсоюзов» записал: «В предприятия возвращаются старые рабочие, которых хозяйственная разруха периода гражданской войны на ряд лет оторвала от крупных промышленных центров, фабрик и заводов. В то же время вливаются новые слои, еще не прошедшие производственной и организационной рабочей школы. Меньшая часть этих новых пролетарских кадров — дети рабочих (подростки и переростки) — в большинстве комсомольцы, дети революции, но совершенно не знакомые с укладом и бытом дореволюционной фабрики. Большая часть — молодые крестьяне прямо из деревни, совершенно не знакомые с фабрикой, борьбой рабочего класса, его задачами и организациями. Эта часть новых рабочих, еще больше связанная с землей, чем с фабрикой, целиком проникнутая крестьянскими интересами, полуграмотная или совсем неграмотная, в своем большинстве склонна держаться в стороне от основной пролетарской массы, ее интересов и общественности и рассматривать себя как случайных, временных гостей фабрики, завода, города» [112].

[111] «Труд в СССР» справочник 1926—1930 гг., под ред. Бинемана. М., 1930, стр. XII.

[112] «КПСС в резолюциях...», ч. II, стр. 214.

В определенной степени пролетариат был сам источником пополнения своих рядов. Профсоюзная статистика установила, что в некоторых отраслях промышленности, особенно в хлопчатобумажной, на протяжении длительного времени наблюдалось увеличение удельного веса группы рабочих, отцы которых были такими же рабочими [113]. По данным профсоюзной переписи 1929 г., среди рабочих хлопчатобумажной промышленности Ленинграда, начавших свою работу в промышленном производстве в 1922—1925 гг., дети рабочих составляли 65,4%, в Москве — 58,4%, в Ивановской области —61,6% [114].

В пополнениях металлообрабатывающей индустрии и машиностроения Ленинграда периода 1922—1925 гг. детей рабочих было 55,1%, на Украине — 61,51%. В металлургии Урала этот показатель равнялся 58,1% [115]. Гораздо меньше детей рабочих в пополнениях тех лет было в металлургии УССР (39,1%), а также в каменноугольной (Донбасс — 33%, Урал и Сибирь — 34,7%) и нефтяной (30,6%) промышленности [116].

Среди новых рабочих, начавших работу в промышленности в восстановительный период, немалую часть составляли выходцы из деревни.

Советский Союз некоторое время оставался аграрной, отсталой в технико-экономическом отношении страной. Подавляющая часть населения, как и до Октябрьской революции, была занята в земледелии, где еще в дореволюционный период накопились огромные резервы избыточной рабочей силы. Вполне естественно и закономерно поэтому, что при осуществлении намеченной партией программы превращения России из аграрной в индустриальную земледельческое население должно было представлять собой основной источник пополнения рядов промышленного пролетариата. Закон численного роста индустриального населения за счет земледельческого оставался в силе и в советском обществе того времени. Этот закон, вытекающий из общественного разделения труда, присущ всякому товарному хозяйству [117]. «Как в капиталистических странах, так и в СССР,— говорится в первом пятилетнем плане развития народного хозяйства СССР,— бурный рост городов связан с развитием индустрии, отвлекающей избыточное сельскохозяйственное население в город» [118].

Однако в советском обществе действие закона роста индустриального населения за счет земледельческого определялось новыми историческими условиями. Если при капитализме промышленность, торговля и кредитная система разоряют трудящиеся мас-

---

[113] А. Г. Рашин. Указ. соч., стр. 17.
[114] Там же, стр. 19.
[115] Там же, стр. 21.
[116] Там же, стр. 22.
[117] См. В. И. Ленин. Соч., т. 3, стр. 45.
[118] «Пятилетний план народнохозяйственного строительства», т. II, ч. 2. М., 1930, стр. 161.

сы крестьянства и ряды пролетариата пополняются пауперизованными земледельцами, то при советском строе в восстановительный период рост городского промышленного населения в основном происходил не за счет разорения трудового крестьянства, а за счет резервов труда, накопившихся еще в дореволюционное время, за счет естественного прироста населения и более экономного распределения трудовых ресурсов.

Установление Советской власти и победа социализма в городе и деревне неизбежно должны были привести к устранению перенаселения в стране. Капиталистический закон народонаселения должен был уступить место социалистическому закону народонаселения, означающему всеобщую занятость трудящихся. Еще в 1918 г., в первом Кодексе законов о труде правительство провозгласило право на труд для всех трудоспособных граждан. Нападение империалистов и белогвардейцев, хозяйственная разруха, голод и блокада помешали Советскому государству сразу после свержения буржуазии перейти к решению этой гигантски трудной задачи, связанной с переворотом во всем общественном производстве.

К осуществлению всеобщей занятости населения партия и правительство в полной мере смогли перейти лишь после окончания гражданской войны и ликвидации разрухи, т. е. в реконструктивный период. Однако попутно с другими важнейшими экономическими мероприятиями эта задача решалась уже в годы восстановления народного хозяйства.

В результате Великой Октябрьской социалистической революции и целой системы социальных мероприятий радикальнейшим образом изменилось положение трудового крестьянства. «Диктатура пролетариата в СССР,— говорится в резолюции XV съезда ВКП(б),— меняет коренным образом условия, а следовательно, и ход развития сельского хозяйства, создавая принципиально иной тип развития аграрных отношений, иной тип классовых перегруппировок в деревне и иное направление в развитии хозяйственных форм. Диктатура пролетариата, национализация земли, крупной промышленности и банков не только дают возможность вести сельское хозяйство за собой, но и создают совершенно иное, чем в капиталистическом обществе, *соотношение между городом и деревней*» [119].

Всей своей политикой пролетарское государство стремилось укрепить союз рабочего класса с крестьянством, наладить экономическую смычку города с деревней. Впервые в истории правительство прилагало усилия, чтобы поднять благосостояние сельского населения. Впервые в истории город стал оказывать деревне хозяйственную и культурную помощь. В 1923 г. в статье «Странички из дневника» В. И. Ленин писал: «Город давал деревне при капитализме то, что ее развращало политически,

[119] «КПСС в резолюциях...», ч. II, стр. 470.

экономически, нравственно, физически и т. п. Город у нас само собой начинает давать деревне прямо обратное» [120].

Более того, в ряде своих трудов (в статье «Экономика и политика в эпоху диктатуры пролетариата», в выступлениях на IX съезде и X Всероссийской конференции партии) Ленин отмечал тот факт, что на первых порах социалистическая революция дала крестьянам больше экономических выгод, чем рабочим.

Октябрьская революция уничтожила помещичье землевладение и национализировала всю земельную собственность в стране. Крестьяне России получили в свое пользование более 150 млн. десятин земли и освободились от необходимости арендовать ее у помещика, они имели теперь, таким образом, возможность использовать все имеющиеся средства для подъема своего хозяйства. Партия и правительство прилагали огромные усилия к тому, чтобы обеспечить хозяйственный и культурный подъем деревни, кооперировать трудящихся крестьян. Маломощные хозяйства получили от Советской власти дешевый кредит, семена, сельскохозяйственные орудия. Продразверстка, применявшаяся в годы гражданской войны, была заменена продовольственным, а затем единым сельскохозяйственным налогом, составлявшим в 1924/25 г. 44% налогов, которые взимались с крестьян в 1912 г.[121]

Как сказочная живая вода воскресила русского богатыря, так новая экономическая политика в короткое время подняла на ноги трудовое советское крестьянство. Коммунистическая партия, правительство, рабочий класс делали все, что было в их силах, для того чтобы оживить земледелие, поддержать всеми возможными мерами бедняка и середняка. Одновременно Советская власть путем прогрессивного обложения ограничивала эксплуататоров-кулаков. Такая политика по отношению к крестьянству обеспечивала экономический подъем основных слоев земледельческого населения.

«В итоге восстановительного периода *бедняцкое и середняцкое крестьянство освоило не только свои надельные земли, но и основную часть земель бывших помещичьих, переданных ему казенных и тех кулацких земель, которые были отняты у кулаков.* Середняк, несмотря на развивающееся расслоение деревни, укрепился в качестве центральной фигуры земледелия» [122]. К концу восстановительного периода середняков в деревне было 61,1%, бедноты — 25,9%, кулаков — 3,3% и 9,7% сельскохозяйственного пролетариата [123].

Однако трудностей в развитии советского земледелия было еще много. В деревне преобладало мелкое единоличное технически отсталое крестьянское хозяйство, а социалистические эле-

[120] В. И. Ленин. Соч., т. 33, стр. 426.

[121] «XIV конференция Российской Коммунистической партии (б)», стеногр. отчет. М.—Л., 1925, стр. 60.

[122] «КПСС в резолюциях...», ч. II, стр. 575.

[123] «Тяжесть обложения в СССР». М., 1929, стр. 74—75.

менты имели незначительный вес. Бедность и нищета не были пока ликвидированы. Часть маломощных крестьян не имела лошадей и коров, вынуждена была сдавать свою землю в аренду и работать на кулаков и зажиточных крестьян. Тяжелое наследие капиталистического прошлого — аграрное перенаселение хотя и уменьшилось за время аграрной революции, но продолжало существовать. Беднота частично пролетаризировалась. «Преобладание отсталых форм хозяйства,— говорилось в решении XV конференции ВКП(б),— порождает в ряде районов СССР перенаселение деревни и усиленный отход рабочей силы в города»[124]. Излишек рабочих рук в деревне в 20-х годах исчислялся огромными цифрами. Председатель ВСНХ СССР В. В. Куйбышев определял его в 7 млн.[125] Первый пятилетний план развития народного хозяйства называл 8—9 млн.[126]

Во время гражданской войны избытка рабочих рук в деревне не было, но с 1922 г., когда начали возвращаться демобилизованные воины, остро почувствовалась скрытая безработица. В городе же в это время восстанавливалась промышленность, постепенно улучшалось материальное положение рабочих и служащих. Естественно, что именно тогда возобновился отход сельского населения на заработки. В 1923 г. цены на сельскохозяйственные продукты упали, а на промышленные товары повысились. Это создало лишний стимул для стихийного движения рабочей силы из сельского хозяйства в промышленность Правда, довоенных размеров отход так и не достиг и составлял в 1924 г. в Центрально-промышленном районе лишь 25—30% уровня 1913 г., а в других районах и того меньше[127]. Но все же отходники представляли собой многочисленную армию: в 1923/24 г.— 1672,5 тыс., в 1924/25 г.— 2867,8 тыс.[128]

Максимальный отход давал Центрально-промышленный район. В 1923/24 г. отсюда вышло 32,4%, а в 1924/25 г.— 32,8% общего числа отходников[129]. Огромные массы отходников выделяли Рязанская, Владимирская, Тверская, Московская, Нижегородская, Калужская, Иваново-Вознесенская, Тульская, Костромская губернии. Большую роль в отходничестве играли Центрально-земледельческий район и Украина. В Белоруссии, Сибири и на Дальнем Востоке, в Средней Азии и Закавказье оно было развито меньше.

Армия отходников была неоднородна. Одни искали постоянной работы в промышленности. В этой группе преобладали мо-

[124] «КПСС в резолюциях...», ч. II, стр. 299.
[125] «Торгово-промышленная газета», 18 октября 1927 г.
[126] «Пятилетний план народнохозяйственного строительства СССР», т. II, ч. 2, стр. 8.
[127] ЦГАОР и СС, ф. 5466, оп. 1, д. 1329, л. 38.
[128] «Отход сельского населения на заработки в СССР в 1926/27 г.» М., 1929, стр. 9. Без ЗСФСР, Узбекистана и Туркменистана.
[129] Л. Е. Минц. Аграрное перенаселение и рынок труда в СССР. М.— Л., 1929, стр. 292—295.

лодежь и маломощные крестьяне, полупролетарии, решительно рвавшие связи с землей. Другие покидали деревню временно. В эту группу входили не только маломощные крестьяне, но и середняки и зажиточные, стремившиеся получить добавочные доходы к своему деревенскому хозяйству.

Среди отходников были люди разнообразных профессий. Значительную их часть составляли сельскохозяйственные рабочие, которых в 1923/24 г. насчитывалось 215,4 тыс., а в 1924/25 г.— 615 тыс. [130],— пастухи, рабочие свеклосахарных плантаций и т. д. Но преобладающая часть отходников (1457,1 тыс.), по данным обследования на время с 1 марта 1923 г. по 1 марта 1924 г., была занята в неземледельческих отраслях народного хозяйства. В их числе чернорабочие составляли в 1923 г. 30,69% неземледельческого отхода, строители — 14,17%, рабочие по сплаву и заготовке леса — 11,7%, фабрично-заводские и ремесленные рабочие — 6,28%, торфяники — 4,89%, рабочие извозного промысла, водного транспорта, горнорабочие и т. д. [131]

Каждая из этих основных групп отходников состояла из множества подгрупп. Так, в группу строителей входили плотники, каменщики, кровельщики, маляры, штукатуры, печники, землекопы, конопатчики, стекольщики, мостовщики, водопроводчики и т. д. К группе фабрично-заводских и ремесленных рабочих относились металлисты, деревообделочники, текстильщики, кожевники, швейники, пищевики и т. д. Металлисты в свою очередь делились на слесарей, котельщиков, жестянщиков, кузнецов, медников, токарей, литейщиков и т. д.; деревообделочники — на столяров, бондарей, колесников и др.; текстильщики — на ткачей, прядильщиков, красильщиков; кожевники — на овчинников, скорняков, подбойщиков; пищевики — на пекарей, мельников, кондитеров, колбасников. Среди горнорабочих были шахтеры, забойщики и каменотесы.

Прогрессивность отходничества В. И. Ленин отметил еще в условиях царской капиталистической России. Неземледельческий отход «вырывает население,— писал он,— из заброшенных, отсталых, забытых историей захолустий и втягивает его в водоворот современной общественной жизни» [132]. Прогрессивность отхода Ленин видел также в том, что он ослаблял старую патриархальную семью, ставил женщину в более самостоятельное, равноправное с мужчиной положение [133].

В общем отходе женщин в 1924/25 г. было 20,6%, среди чернорабочих — 20—22%, фабрично-заводских рабочих — 16—17%.

---

[130] «Снабжение народного хозяйства рабочей силой и помощь безработным», сб. статей. М., 1928, стр. 38.

[131] Л. Е. Минц. Отход крестьянского населения на заработки в СССР. М., 1925, стр. 62, 63.

[132] В. И. Ленин. Соч., т. 3, стр. 505.

[133] См. там же, стр. 506.

Особенно много женщин было среди отходников-торфяников (1/3) и текстильщиков (45—50%) [134].

Отходники, в том числе женщины и молодые крестьяне, знакомились с бытом советского города, новым законодательством по труду, многие становились членами профессиональных союзов, приобщались к общественной жизни. Политически и культурно отходники были более развиты, чем остальные крестьяне. Они являлись, как сказано в отчете ЦКК РКП(б) XIV съезду партии, «непосредственным связующим звеном между городом и деревней» [135], многочисленным резервом индустриальной армии Советского Союза.

Более половины (59,2%) отходников, по обследованию 1923 г., работало в городе, у чернорабочих этот показатель поднимался до 74,3%, у фабрично-заводских рабочих — до 81,2%, у строителей — до 89% [136]. В крупных промышленных городах отходники скоплялись в большом количестве. Так, в 1924/25 г. в Москву и Московскую губернию прибыло 92 285 строителей и 138 469 чернорабочих [137].

Немало строителей-отходников участвовало в сооружении Каширской, Шатурской, Кизеловской, Волховской и других электростанций. Отходничество, как правило, служило переходной ступенью для постепенного превращения крестьянина в промышленного пролетария. Из года в год еще в дореволюционное время значительная часть разорявшихся крестьян уходила на заработки, приучалась к наемному труду, накопляла производственные навыки, укрепляла связь с промышленными центрами, одновременно утрачивая связь с земледелием.

В процессе длительного исторического развития определялась специализация губерний с большим количеством отходников. Так, строителей давала Владимирская губерния, чернорабочие и торфяники выходили преимущественно из Рязанской, а фабрично-заводские рабочие — из Московской губернии.

Большую часть года отходники жили и работали вне деревни. Они уходили на заработки весной, работали все лето, а осенью в большинстве своем возвращалась домой. Некоторые бывали в деревне только во время отпуска. Такие отходники фактически переставали быть крестьянами, превращались в рабочих. Часть из них была занята в крупной промышленности, в строительном деле, на транспорте, в коммунальном хозяйстве, многие пополняли армию безработных. Среди городских безработных выходцы из сельских местностей, по минимальным подсчетам, составляли в январе — марте 1923 г. 19,4%, в апре-

---

[134] Л. Е. Минц. Аграрное перенаселение..., стр. 306.
[135] «Отчет ЦКК РКП(б) XIV съезду партии». М., 1925, стр. 17.
[136] Л. Е. Минц. Аграрное перенаселение..., стр. 324.
[137] Там же, стр. 328, 331.

ле — июне 1924 г.—21,1% [138]. В крупных промышленных центрах этот показатель был еще выше.

В периодической печати того времени сообщалось о переполнении рынка труда отходниками. Так, журнал «Вопросы труда» за июль—август 1925 г. писал, что рынок труда Тамбовской, Брянской, Воронежской и других губерний наводнен рабочей силой из деревни [139]. В том же номере говорилось, что в Донбасс в январе—феврале 1925 г. прибыло до 20 тыс., а в марте до 18 тыс. безработных из Гомельской, Смоленской, Орловской, Иваново-Вознесенской, Курской, Рязанской, Воронежской губерний [140].

За время между городской переписью 1923 г. и переписью населения СССР 1926 г. городское население увеличилось на 5 млн., в том числе на 1,5 млн. за счет естественного прироста и на 3,5 млн. выходцев из деревни [141]. По мнению комиссии СНК СССР по изучению тяжести обложения, причиной этого явления являлся недород 1924 г. и бурный рост промышленности, вызвавший отход от сельского хозяйства не только избыточной рабочей силы [142].

Рост отходничества и увеличение в связи с этим безработицы в городе вызвали необходимость усиления борьбы с аграрным перенаселением и регулирования крестьянского отхода. XIV партийная конференция в резолюции «О кооперации» дала указание «найти производительное применение для значительных масс рабочих рук, имеющихся в деревне. Это может быть достигнуто,— указывала конференция,— интенсификацией сельского хозяйства, дальнейшим ростом промышленности, развитием кустарных и отхожих промыслов, облегчением условий применения наемного труда в сельском хозяйстве и краткосрочной арендой земли, а также организацией переселения и широкой производственной помощью маломощным крестьянским хозяйствам» [143].

В связи с этим решением Народный комиссариат рабоче-крестьянской инспекции СССР по указанию Совета Труда и Обороны разработал программу регулирования отхода.

Было решено организовать переселение части крестьян из малоземельных и перенаселенных районов в многоземельные и малонаселенные. Для регулирования отхода Наркомтруду СССР было предложено открыть в соответствующих районах сеть корреспондентских пунктов. НК РКИ рекомендовал срочно оказать содействие кустарям, в частности металлическому, тек-

---

[138] «Вопросы труда», 1925, № 10, стр. 12.
[139] «Вопросы труда», 1925, № 7-8, стр. 256, 266, 269.
[140] Там же, стр. 268.
[141] «Снабжение народного хозяйства рабочей силой и помощь безработным», стр. 5.
[142] «Тяжесть обложения в СССР», стр. 64.
[143] «КПСС в резолюциях...», ч. II, стр. 146—147.

стильному, кожевенно-обувному, лесозаготовительному и деревообделочному промыслам Северо-Западного, Вятско-Ветлужского, Центрально-промышленного и Центрально-черноземного районов [144].

По мере улучшения экономического положения Советской республики все большая часть населения втягивалась в производство. Новые и новые тысячи рабочих, в том числе отходники, находили работу в промышленности, на транспорте, в строительном деле, городском хозяйстве и т. д.

«В числе принятых на работу в промышленность,— писал статистик Л. Е. Минц,— прибывшие из сельских местностей составляют: в губернских городах — 15%, в столицах — до 10% (в Москве в сезон строительных работ процент их повышается до 25), в уездах 40—50%, в общем же найме пришлые рабочие дают примерно $^1/_3$» [145].

В сборнике «Статистические материалы по труду и социальному страхованию за 1926/27 г.» приводятся данные за четвертый квартал 1925/26 г. о принятии на работу по основным категориям труда и группам профессий по 40 округам Украины. Всего по индустриальной группе было принято 7558 квалифицированных рабочих, полуквалифицированных — 5280 и неквалифицированных — 25 831, среди них прибыло из сельских местностей 6,1% квалифицированных, 10,7% полуквалифицированных, 22,2% неквалифицированных. Из принятых на работу металлистов выходцев из деревни было среди квалифицированных 8%, полуквалифицированных 12%, неквалифицированных 27,2%. У текстильщиков дело обстояло иначе: из вновь принятых прибывшие из деревни составляли 71,8% квалифицированных рабочих, 32,2% полуквалифицированных, 0,3% неквалифицированных. Из принятых в металлургию УССР на группу прибывших из деревни приходилось 27,4%, в металлообрабатывающую промышленность и машиностроение — 19,5%.

В этом же сборнике опубликованы цифры о найме рабочей силы в фабрично-заводскую промышленность в местностях, расположенных вне губернских и окружных городов РСФСР и УССР в октябре—декабре 1926 г. Среди принятых на работу по всей фабрично-заводской промышленности РСФСР группа рабочих из сельских местностей составляла 40,1%, в каменноугольной промышленности — 68,2%, в металлургии — 32,4%, в металлообрабатывающей промышленности и машиностроении — 35,1%, в текстильном производстве — 33,6% [146].

Крестьяне, прибывшие в город в поисках работы, работали не только на государственных, но и на частных предприятиях.

---

[144] ЦГАОР и СС, ф. 4085, оп. 9, д. 12, лл. 2, 3, 4, 7.

[145] Л. Е. Минц. Рынок труда за 1925/26 г.— «Экономическое обозрение», 1927, февраль, стр. 187.

[146] «Стат. материалы по труду и социальному страхованию за 1926/27 г.», вып. 1. М., 1927, стр. 25, 27.

Частный капитал широко эксплуатировал сезонных рабочих. В 1925/26 г. на капиталистов работало примерно 15—20% всех строительных рабочих-отходников [147].

Весьма значительный приток новых рабочих в промышленность из деревни в изучаемый период подтверждается и профсоюзной переписью 1929 г. Так, среди пополнений 1922—1925 гг. в хлопчатобумажной промышленности дети крестьян составляли в Ленинграде 25,2%, в Москве — 35%, в Ивановской области — 33,2% [148]. Среди металлистов Ленинграда их было 31,3%, в Московской губернии — 37,5%, на Украине — 25,1%, в металлургии Урала — 37,2%, Украины — 55,2% [149]. Еще больший удельный вес крестьянские элементы имели в горной промышленности, где они являлись основным источником комплектования рабочих кадров. В каменноугольной промышленности Донбасса пришельцев из деревни было 63,9%, Урала и Сибири — 60,1%, в нефтяной промышленности — 65,5% [150]. Крестьяне преобладали также среди пополнений рудной промышленности и строительства.

Таким образом, к концу восстановительного периода значительный удельный вес среди рабочих, впервые поступивших в промышленность, имели бывшие крестьяне, в некоторых отраслях промышленного производства они составляли абсолютное большинство новых рабочих.

Фабрично-заводская промышленность пополнялась также кустарями.

В дореволюционной России кустарная промышленность была очень развита. По подсчетам А. А. Рыбникова, в 1913 г. в кустарном и ремесленном производстве было занято почти в два раза больше рабочих, чем в крупной индустрии [151]. В результате войны оно сильно сократилось. Если, по приблизительным подсчетам А. А. Рыбникова, в 1913 г. в нем было занято 5200 тыс. человек [152], а по данным ЦСУ — 3706 тыс. [153], то в 1920 г. кустарей, по данным ЦСУ, числилось всего 158,5 тыс. человек [154].

С переходом Советской страны к мирному социалистическому строительству кустарная и вообще мелкая промышленность начала быстро оживать. Рядом законодательных актов правительство РСФСР развязало хозяйственную инициативу мелких товаропроизводителей, в том числе кустарей и ремесленни-

---

147 «Развитие советской экономики», стр. 218.
148 А. Г. Рашин. Указ. соч., стр. 19.
149 Там же, стр. 21.
150 Там же, стр. 22.
151 А. А. Рыбников. Мелкая промышленность и ее роль в восстановлении русского народного хозяйства. М., 1922, стр. 4.
152 Там же, стр. 4.
153 «Труды ЦСУ», т. XVIII. Сб. стат. сведений по Союзу ССР. 1918—1923 гг. М., 1924, стр. 213.
154 Там же, стр. 212.

ков. Однако недостаток сырьевых, продовольственных и финансовых ресурсов тормозил восстановление кустарного производства в прежних размерах. Поэтому часть кустарей (особенно их дети), шла работать в крупную промышленность. Так, среди рабочих, вновь поступивших на хлопчатобумажные предприятия в восстановительный период, 1,8% по социальному происхождению были кустарями, торговцами и прочими (в Москве — 1,1%, в Ивановской области — 1,7%) [155]. В металлообрабатывающей промышленности и машиностроении Ленинграда доля кустарей среди рабочих, начавших работать в промышленности в 1922—1925 гг., достигала 3,2% [156].

Новые рабочие приходили в промышленность и из среды городских служащих.

В хлопчатобумажной промышленности Москвы среди рабочих, поступивших на производство в 1922—1925 гг., последние составляли 5,5%. В новых пополнениях металлообрабатывающей промышленности и машиностроения Ленинграда выходцев из среды служащих было 10,4% [157].

Повышение культурно-технического уровня фабрично-заводских рабочих

Наряду с большим приливом рабочей силы и наличием безработицы промышленность СССР в восстановительный период испытывала нехватку рабочих кадров высокой квалификации. Коммунистическая партия, правительство и профсоюзы должны были принять действенные меры по воспроизводству квалифицированных кадров [158].

В дореволюционной России не было государственной системы подготовки квалифицированных рабочих. Молодые пролетарии должны были сами, на свой страх и риск, приобретать производственные навыки. Подросток, если он хотел стать рабочим, должен был пройти через все муки и ужасы «обучения». Сначала он находился на «посылках» у мастера, на второстепенных работах и лишь через много лет, если не погибал от нужды и лише-

[155] А. Г. Рашин. Указ. соч., стр. 19.
[156] Там же, стр. 21.
[157] Там же, стр. 19, 21.
[158] При анализе состава рабочих по их технической подготовке следует помнить, что понятие квалификации не неизменно, оно меняется в зависимости от прогресса техники и культурно-технического уровня рабочего класса. Квалификация рабочего определялась продолжительностью обучения, производственным стажем, сложностью выполняемой им работы, ее вредностью и опасностью для жизни и здоровья. В группу квалифицированных попадали, таким образом, и специальности, не требовавшие обучения (например, саночники в горном деле, крючники в прокатном цехе и т. д.). Для определения степени квалификации существовала 17-разрядная тарифная сетка (в том числе руководящие и инженерно-технические должности). Рабочие высокой квалификации относились к разрядам не ниже 6-го, неквалифицированные — не выше 4-го, полуквалифицированные — к 4—6-му разрядам.

ний, пробивался в ряды кадровых рабочих. Старый шахтер П. И. Игнатьев вспоминал: «Никто не занимался обучением рабочих горняцкому ремеслу. Приняв человека на работу, его сразу же, без какого-либо инструктажа, посылали в шахту, по этой причине неопытные рабочие часто погибали или становились калеками» [159].

Вполне естественно поэтому, что в царской России всегда недоставало квалифицированных рабочих. Еще меньше их стало в результате империалистической и гражданской войн. К моменту освобождения Донбасса от белогвардейцев забойщиков (основная горняцкая специальность) было только 16%, а на 1 августа 1921 г.— 10% от общего числа шахтеров вместо 20—22% в довоенное время [160]. На уральских каменноугольных копях удельный вес квалифицированных рабочих уменьшился с 35,6% в 1916 г. до 12,3% в августе 1922 г. [161] В нефтяной промышленности Баку квалифицированные рабочие в 1909 г. составляли 21,2%, а в 1921 г.— лишь 14,7% [162]. На предприятиях Государственного объединения машиностроительных заводов общее количество рабочих сократилось по сравнению с 1913 г. на 20%, а квалифицированных — в три раза [163]. В электротехнической промышленности доля квалифицированных рабочих с 55% в 1914 г. снизилась к 1921 г. до 36% [164].

В СССР подготовка квалифицированных кадров не отделена от общего процесса воспроизводства, а составляет его органическую часть. Рост социалистической промышленности означает в то же время увеличение численности рабочего класса, повышение его жизненного и культурно-технического уровня. Вместе с развитием промышленности рабочие накопляют практические знания и производственный опыт, совершенствуют свои навыки к труду, умение пользоваться орудиями труда. Все это совершается не стихийно, а направляется Коммунистической партией и Советским правительством.

С первых дней своего существования диктатура пролетариата открыла для трудящихся нашей страны, для рабочих и работниц, для взрослых и подростков возможность повышать свою грамотность, получать знания, повышать производственную квалификацию. Готовить квалифицированных рабочих нужно было прежде всего из подростков — главного резерва квалифицированной рабочей силы.

Уже в первом Кодексе законов о труде 1918 г. правительство РСФСР установило такие условия труда рабочих-подростков,

---

[159] «Безопасность труда в промышленности», 1957, № 11, стр. 36.
[160] «Русская промышленность в 1921 г. и ее перспективы», стр. 99.
[161] «Горнорабочий», 1922, № 20, стр. 78.
[162] А. Степани. Бакинский нефтепромышленный рабочий. Л.— М., 1924, стр. 125.
[163] «Экономическая жизнь», 6 декабря 1922 г.
[164] «Русская промышленность в 1921 г. и ее перспективы», стр. 94.

которые являлись основанием и предпосылкой правильного воспитания и обучения молодого поколения рабочего класса.

В суровые годы гражданской войны, когда решающие силы и средства пролетарского государства были отданы фронту, были приняты меры по подготовке квалифицированных рабочих. В январе 1920 г. Совнарком РСФСР за подписью В. И. Ленина принял постановление о создании в составе Наркомпроса РСФСР Главного комитета профессионально-технического образования (Главпрофобр), при котором были учреждены Отдел профессионального образования рабочих (ОПОР) и Отдел школ рабочих подростков. В апреле 1920 г. III Всероссийский съезд профсоюзов в обращении ко всем рабочим заявил о необходимости создать новые кадры квалифицированных рабочих путем правильно поставленного ученичества [165]. В том же году по инициативе ЦК РКСМ были организованы первые школы фабрично-заводского ученичества [166], соединявшие общее образование с практикой работы на заводе. Школы ФЗУ давали подросткам общеобразовательные и специальные знания, трудовые навыки и навыки сознательного участия в общественной жизни страны. Эти школы получали постоянную поддержку ЦК партии, ЦК комсомола, ВЦСПС и ВСНХ. В восстановительный период состоялось пять съездов Коммунистической партии (X—XIV) и четыре из них (XI—XIV) дали свои указания об укреплении и всемерном развитии школ фабрично-заводского ученичества. XII съезд РКП(б) подчеркнул, что школы фабзавуча, неразрывно связанные с производством, должны готовить квалифицированных и классово сознательных рабочих, «...они,— говорилось в резолюции съезда,— выполняют важнейшую роль в деле восполнения передового промышленного пролетариата» [167].

Подготовка квалифицированных рабочих в Советской стране получила широкое развитие. Ведущую роль в этом играли школы фабрично-заводского ученичества. Несмотря на большие материальные трудности, которые в то время переживало Советское государство, новые школы быстро распространились по стране. Особенно много их было открыто в первые два года восстановительного периода, когда заводоуправления и фабрично-заводские комитеты стремились как можно скорее пополнить поредевшие ряды квалифицированных рабочих.

В мае 1920 г. при Лысьвенском государственном механическом заводе была открыта профтехническая школа, которая в январе 1922 г. была реорганизована в школу ФЗУ. Для поступления требовалась подготовка в объеме шести классов. Школа готовила слесарей, токарей, кузнецов, столяров. Срок обучения

---

[165] «Красный архив», 1939, № 5, стр. 86.

[166] До этого существовали так называемые школы-клубы рабочей молодежи.

[167] «КПСС в резолюциях...», ч. I, стр. 757.

был четыре года. Имелись подготовительные классы. В школе училось одновременно 107 человек[168]. В ноябре 1921 г. профтехническая школа открылась на Сысертском чугуноплавильном заводе[169]. В эти годы школы ФЗУ были организованы и на других уральских заводах: на Саткинском и Катав-Ивановском (Челябинская губерния), на Баранчинском электромеханическом (Екатеринбургская губерния), на Юго-Камском (Пермская губерния) и т. д. В 1921 г. вступили в строй школы фабзавуча в Туле при Оружейном и Патронном заводах; в первой училось 489, во второй — 171 человек[170]. 15 января 1922 г. начала работать школа ФЗУ Воткинского завода, в которой первое время обучалось 52 подростка[171]. В том же месяце открылась школа Кольчугинского завода (Владимирская губерния), в ней числилось 58 учеников[172]. В феврале распахнулись двери школы ФЗУ при Воронежском механическом заводе[173]. В апреле 1922 г. начали действовать школа ФЗУ им. В. И. Ленина на нижегородском заводе «Красный славянин» и школа при Симбирском патронном заводе[174]. В Иваново-Вознесенске школа ФЗУ на 53 человека была открыта 14 августа 1922 г., ей было присвоено имя Н. К. Крупской[175]. В 1922 г. начали работать школы ФЗУ на Песоченском чугунолитейном заводе (Брянская губерния) и металлообрабатывающем заводе «Донсельмаш» в Нахичевани[176].

В октябре 1922 г. в Петрограде была 21 школа ФЗУ металлистов, где учился 3101 человек, в том числе на Обуховском заводе — 327, на Путиловском — 573, на Невском судостроительном — 219, на Ижорском — 126[177].

Заводы Гомзы в 1922 г. имели 10 школ фабзавуча, в которых училось 1294 человека. На Коломенском заводе в школе ФЗУ было 305 учеников, на Брянском — 206. На Сормовском заводе в так называемой учебно-практической школе было 82 ученика и в школе рабочих подростков — 214[178].

В Донбассе возникли школы горнопромышленного ученичества (горпромуч).

Много школ фабрично-заводского ученичества в 1922 г. существовало также в текстильной, полиграфической, химической и других отраслях промышленности.

---

[168] ЦГАОР и СС, ф. 5469, оп. 6, д. 150, л. 55.
[169] Там же, л. 37.
[170] Там же, лл. 102, 103.
[171] Там же, л. 59.
[172] Там же, л. 14.
[173] Там же, л. 19.
[174] Там же, лл. 46, 87.
[175] Там же, л. 44.
[176] Там же, лл. 1, 31.
[177] Там же, л. 68а.
[178] Там же, д. 171, л. 199.

Ниже приведены данные о динамике фабрично-заводского ученичества по РСФСР за восстановительный период[179]:

	Число школ	Число учащихся
1/II 1921 г.	43	2 000
1/X 1921 г.	249	29 424
1/II 1922 г.	440	44 133
1/VIII 1922 г.	657	44 933
1/I 1923 г.	748	50 207
1/I 1924 г.	942	68 819

На Украине школы фабрично-заводского ученичества возникли позднее, чем в России. Однако уже на 1 сентября 1921 г. на предприятиях республики работало 32 школы с 2 тыс. учащихся, на 1 октября 1922 г.— 149 школ с 9 тыс. учашихся[180]. В 1924/25 г. на территории Советской Украины имелось 286 школ, в которых училось 22 880 человек[181].

Школы ФЗУ были основной, но не единственной формой подготовки рабочих кадров из подростков. В восстановительный период существовали и профессионально-технические школы. Практиковалось бригадное и индивидуальное ученичество, ибо стационарные формы обучения не могли охватить всех подростков. В цехах крупных фабрик и заводов создавались бригады подростков под руководством опытных рабочих. Ученики в бригадах находились в зависимости от избранной специальности от шести месяцев до полутора лет. Там, где не было возможности организовать ученические бригады, ученики прикреплялись для обучения к взрослым рабочим. Эти формы подготовки рабочей силы на ряде производств охватывали 50—60% брони подростков[182].

Для повышения квалификации взрослых рабочих в стране была создана широкая сеть краткосрочных и профтехнических курсов. В 1921 г. в РСФСР их было около 3 тыс. с общим числом слушателей 156 тыс. В последующие годы количество курсов уменьшилось. В 1923/24 г. было 178 курсов, где числилось 29 099 человек[183].

---

[179] Г. Шварц и В. Зайцев. Молодежь СССР в цифрах. М., 1924, стр. 42. Эти цифры почти не расходятся с данными, опубликованными в кн. А. Г. Рашин. Заработная плата за восстановительный период. М., 1927, стр. 101.

[180] «Труд», 31 декабря 1922 г.

[181] К. Шиян. Боротьба робітничого класу України за відбудову промисловості. 1921—1925 рр. Київ, 1959, стр. 250.

[182] «Борьба за рабочие кадры». М.— Л., 1928, стр. 8.

[183] А. Н. Веселов. Профессионально-техническое образование в СССР. М., 1961, стр. 186.

На 1 июня 1921 г. в 49 губерниях существовало 169 курсов металлистов, на которых обучалось 13 935 человек, в том числе в Московской губернии — 2280, в Пермской — 859, в Петрограде — 690, в Екатеринбургской губернии — 1840, в Нижегородской — 1739 [184].

Широкая сеть курсов была в горной промышленности, о чем убедительно говорят следующие данные за 1922 г. [185]:

Курсы	Всего
Горных десятников	18
Бурового дела	4
Маркшейдеров	4
Квалифицированных рабочих	81

Во втором полугодии 1921 г. Союз текстильщиков имел 60 курсов с 3108 учащимися. Курсы готовили специалистов по прядению, ткачеству, крашению [186]. Весной 1922 г. состоялось 12 курсантских выпусков. Из 334 выпускников некоторые были переведены на высшие тарифные разряды: с 3 на 7-й, с 7 на 8-й, с 8 на 10-й [187].

В мае 1922 г. производились выпускные испытания на краткосрочных курсах при Городищенской фабрике (б. Четверикова). Испытаниям подверглись 77 человек по четырем специальностям: конторская, техническая, ткацкая, красильно-аппретурная. В результате 15 человек (в том числе две женщины) получили оценку «весьма удовлетворительно», 35 — «удовлетворительно». Часть курсантов была оставлена на повторный курс. Окончившие курсы были повышены в тарифных разрядах: 35 человек на один разряд, пятеро — на два, двое — на четыре. Рабочий Чеченков, имевший ранее 3-й разряд, был переведен в подмастерья, ему был присвоен 7-й разряд. И. Фотиев, имевший 8-й разряд, был назначен помощником красильного мастера и тарифицирован по 12-му разряду. 10 человек было решено откомандировать на учебу на рабочие факультеты [188].

На заводе «Серп и молот» три раза в неделю работали вечерние курсы, где изучались не только специальные, но и общеобразовательные предметы (родной язык, арифметика, геометрия, алгебра, экономическая география и др.) [189]. На вечерних курсах

[184] ЦГАОР и СС, ф. 5469, оп. 5, д. 4, л. 7.
[185] «Горнорабочий», 1922, № 13, стр. 14.
[186] «Текстильщик», 1921, № 7-8, стр. 31.
[187] ЦГАОР и СС, ф. 5457, оп. 6, д. 117, л. 2.
[188] Там же, лл. 24, 25.
[189] ГАОРСС МО, ф. 186, оп. 1, д. 783, л. 17.

Сормовского завода училось 168 человек. На Коломенском заводе вечерние технические курсы посещали 412 человек, общеобразовательные — 107, заводской техникум — 67 человек [190]. На вечерних профтехнических курсах завода «Динамо» (Москва) числилось 46 рабочих [191]. При некоторых рудоуправлениях Донбасса (Власовское и др.) были организованы курсы машинистов врубовых машин.

В связи с необходимостью ускоренной подготовки квалифицированной рабочей силы большое значение в восстановительный период приобрел вопрос о способах обучения рабочих приемам и навыкам квалифицированного труда. В царской России в условиях каторжной фабричной системы основная масса рабочих относилась резко отрицательно к рационализации производства, вызывавшей лишь усиление капиталистической эксплуатации. После Октябрьской революции рационализация и научная организация труда были выдвинуты партией в качестве важнейшего средства повышения производительности труда и улучшения благосостояния трудящихся.

В. И. Ленин требовал от коммунистов и беспартийных рабочих вдумчивого отношения к трудовому процессу, повышения культуры труда. В работе «Очередные задачи Советской власти» он призывал трудящихся «учиться работать», видя в лучшей организации труда одну из важных предпосылок подъема социалистического производства [192]. Задачу «научиться работать» Ленин считал главной, действительно общенародной задачей Советской республики [193].

В. И. Ленин советовал использовать для организации труда все лучшее, что было создано в этом отношении в буржуазном обществе. Последним словом капитализма здесь была система Тэйлора, которая, как писал Ленин, соединяла в себе «утонченное зверство буржуазной эксплуатации и ряд богатейших научных завоеваний в деле анализа механических движений при труде, изгнания лишних и неловких движений, выработки правильнейших приемов работы» [194]. Это указание В. И. Ленина стало основополагающим в начавшемся на фабриках и заводах движении за налаживание научной организации труда.

24 августа 1920 г. Президиум ВЦСПС принял постановление об организации Института труда, названного впоследствии Центральным (ЦИТ). Через год, в августе 1921 г., это постановление было одобрено Советом Труда и Обороны, который предоставил ЦИТ право созывать по мере надобности всероссийские съезды и областные конференции для обмена опытом и выработки согласованной программы работ по научной организации

---

[190] ЦГАОР и СС, ф. 5469, оп. 6, д. 171, л. 199.
[191] ЦГАОР и СС, ф. 374, оп. 8, д. 1826, л. 85.
[192] В. И. Ленин. Соч., т. 27, стр. 229.
[193] В. И. Ленин. Соч., т. 33, стр. 331.
[194] В. И. Ленин. Соч., т. 27, стр. 229.

труда в общегосударственном масштабе, а также право выбирать опорные опытно-показательные предприятия для ведения там наблюдений и обследований [195].

Были созданы и другие аналогичные научные учреждения: в Казани — Институт научной организации труда, такой же институт — в Донбассе, в Петрограде — лаборатория труда под руководством профессора Бехтерева. В декабре 1925 г. Царицынский губпрофсовет вынес постановление об организации в городе отделения ЦИТ.

На крупных заводах и фабриках были организованы кружки и ячейки научной организации труда (НОТ). Большую работу по улучшению организации труда в промышленности проводила секция труда и производства Наркомата РКИ СССР под председательством В. А. Радус-Зеньковича.

Центральный институт труда во главе с его директором А. К. Гастевым разработал особую методику обучения приемам индустриального труда, преимущественно в обработке металлов. Сущность этой методики сводилась к научному определению наиболее правильных способов владения инструментами при нажимных и ударных процессах в слесарном деле [196]. Эта работа института в условиях недостатка квалифицированных рабочих и необходимости подготовить их в короткие сроки была весьма полезна для промышленности. VI Всероссийский съезд Союза металлистов (июнь 1923 г.), заслушав выступление Гастева, признал деятельность ЦИТ «полезной и необходимой с точки зрения интересов рабочего класса» и предложил ЦК союза оказывать ЦИТ всемерную поддержку в его исследовательской и практической деятельности [197]. Позднее, в ноябре 1923 г., ЦК Союза металлистов принял постановление о необходимости применения методов ЦИТ во всех школах ФЗУ металлопромышленности [198]. В июне 1925 г. деятельность ЦИТ была одобрена Президиумом ВЦСПС, который дал указание всем профорганам «оказывать самое активное содействие ЦИТовской работе...» [199]

Однако система подготовки кадров в этом институте страдала однобокостью, исключительным практицизмом. Его руководители во главе с А. К. Гастевым не поняли установки партии о подготовке всесторонне развитых, квалифицированных и классово сознательных рабочих. Разрабатывая свою методику подготовки квалифицированной рабочей силы, они исходили из условий буржуазного общества, когда рабочий является не хозяином производства, а придатком машин.

Позиция Центрального института труда в области подготовки рабочей силы не являлась случайной. А. К. Гастев, некоторое

[195] ЦГАОР и СС, ф. 130, оп. 5, д. 429, л. 63.
[196] ЦГАОР и СС, ф. 5469, оп. 7, д. 102а, л. 7.
[197] Там же, д. 1, л. 26.
[198] Там же, д. 25, л. 403.
[199] ЦГАОР и СС ф. 5451, оп. 9, д. 370, л. 8.

время являвшийся большевиком, после поражения революции 1905—1907 гг. увлекся изучением синдикалистского движения и вопросов организации производства. Свое мировоззрение он называл «индустриальным». В годы первой мировой войны, находясь в ссылке, Гастев написал реферат «Индустриальный мир», который впоследствии лег в основу деятельности ЦИТ [200].

Недостатки методов ЦИТ учитывались Наркомпросом и профсоюзами. Поэтому гастевская методика использовалась лишь как подсобное средство для быстрой выработки у рабочих технических навыков.

В сентябре 1923 г. руководители ЦИТ выдвинули проект организации в СССР акционерного общества по подготовке рабочей силы на коммерческих началах. Задача общества заключалась в том, чтобы, используя методику Центрального института труда, содействовать распространению рациональных способов подготовки рабочей силы [201]. В объяснительной записке, приложенной к проекту устава общества, говорилось: «Для развития современной промышленности крайне характерно обладать квалифицированной рабочей силой. Массы безработных, а также работающих в СССР в своем значительном большинстве обладают слабой квалификацией. Растущее и крепнущее производство и госторговля могли бы дать место еще многим квалифицированным рабочим. И если бы они нашлись, то это в свою очередь послужило бы мощным импульсом к дальнейшему развитию производства и госторговли. Таким образом, задача быстрого поднятия квалификации рабочих масс в СССР становится очередной задачей дня» [202].

25 и 30 сентября того же года проект ЦИТ обсуждался в ЦК Союза металлистов. Он был одобрен с небольшими изменениями. Окончательное решение по этому вопросу было принято на совещании в Наркомтруде, в результате которого было создано общество по подготовке рабочей силы под названием «Установка». В бюро этого общества вошли представители ВЦСПС, Наркомтруда, ЦК Союза металлистов и ЦИТ [203].

Мероприятия Советского государства, направленные на собирание старых пролетарских кадров и развитие системы профтехнического образования, способствовали постепенному повышению удельного веса квалифицированных рабочих.

Это подтверждается многими (правда, не всегда сопоставимыми) цифровыми данными. В марте 1923 г. из учтенных 1 326 446 рабочих в группу квалифицированных входило 44,8%, полуквалифицированных — 17,7%, неквалифицированных —

---

[200] ЦГАОР и СС, ф. 5451, оп. 9, д. 345, лл. 93—95. Автобиографическая справка А. К. Гастева.

[201] ЦГАОР и СС, ф. 5469, оп. 7, д. 25, лл. 319, 322.

[202] Там же, л. 338.

[203] Там же.

37,5% [204]. По материалам Всесоюзной переписи населения 1926 г., квалифицированных рабочих было 53,4%, полуквалифицированных — 26,3%, неквалифицированных — 20,3% [205].

Приведенные данные свидетельствуют об увеличении в восстановительный период удельного веса квалифицированных рабочих. Но все же опытных рабочих на фабриках и заводах не хватало. С каждым годом производству нужно было все больше обученных рабочих. Главметалл на 1925/26 г. затребовал 54 700 квалифицированных и 47 163 неквалифицированных рабочих [206]. Текстильная промышленность нуждалась в 72 тыс. квалифицированных рабочих [207]. В отчете Отдела рынка труда НКТ РСФСР за 1924 г. констатировалась нужда в квалифицированных металлистах, текстильщиках, бумажниках, печатниках и деревообделочниках [208]. По данным периодической печати, в Москве недоставало котельщиков, строгальщиков, фрезеровщиков, кузнецов, автогенных сварщиков, в Гомеле — токарей-арматурщиков, в Перми — кузнецов, чеканщиков и клепальщиков, в Царицыне — слесарей, литейщиков, модельщиков, в Самаре — токарей, лекальщиков, в Ленинграде — слесарей, лекальщиков, электросварщиков; квалифицированные металлисты требовались также в Брянске, Тагиле, Ярославле и других городах [209]. Из квалифицированных текстильщиков в Москве нужны были банкаброшницы, ватерщицы, ткачи по ворсу, ткачи шерстяных изделий, ленточницы, в Тверской губернии — банкаброшницы, и т. д. [210] Московскому заводу «Серп и молот» в 1923/24 г. недоставало 39 квалифицированных рабочих (вальцовщиков, тянульщиков, гвоздильщиков, машинистов и др.), которых он в тот год так и не получил [211].

В политическом отчете ЦК партии XIV съезду ВКП(б) высказывалась тревога по поводу несоответствия баланса квалифицированной рабочей силы балансу промышленности. Потребность в дополнительной квалифицированной рабочей силе в промышленности на 1925/26 г. определена была в докладе в 433 тыс. человек [212].

Школы ФЗУ в 1923/24 г. выпустили 8 тыс. квалифицированных рабочих (это был первый нормальный выпуск), а в 1924/25 г.— 12 тыс. [213], что не покрывало даже естественной убыли в рядах рабочего класса. XIV съезд ВКП(б) постановил «принять все меры к дальнейшему расширению и улучшению

---

[204] «Вопросы труда», 1925, № 3, стр. 50.
[205] «Всесоюзная перепись населения 1926 г.», т. 34. М., 1930, стр. 18—36.
[206] «Вопросы труда», 1925, № 9, стр. 121.
[207] Там же, стр. 123.
[208] ЦГАОР и СС, ф. 5515, оп. 24, д. 21, л. 26.
[209] «Вопросы труда», 1925, № 7-8, стр. 46.
[210] Там же.
[211] ЦГАОР и СС, ф. 374, оп. 8, д. 1840, л. 16.
[212] «XIV съезд ВКП(б)», стеногр. отчет. М., 1926, стр. 38.
[213] Ф. Э. Дзержинский. Избр. произв., т. II. М., 1957, стр. 213.

постановки работы школ фабзавуча и всякого рода массовых школ и курсов, дающих молодежи техническое знание» [214].

По заданию Госплана биржи труда должны были в 1925/26 г. дать народному хозяйству 80 тыс. рабочих, различные курсы — 58 тыс., бригадное и индивидуальное ученичество — 89 тыс. рабочих. Запланирована была передвижка части рабочих с низших на более высокие разряды [215]. По деревням разъехались уполномоченные для привлечения в промышленность живших там рабочих. Все эти меры в ближайшее время должны были привести к ускоренному росту числа квалифицированных рабочих.

Коммунистическая партия и правительство стремились поднять не только производственную квалификацию, но и общий культурно-технический уровень трудящихся. По мнению В. И. Ленина, рабочий, кем бы он ни был по специальности — столяром, слесарем или плотником,— должен иметь широкое общее образование, политехнический кругозор и основы политехнического образования, коммунистическое мировоззрение [216]. Для осуществления этого указания Ленина Советское государство использовало все доступные и возможные тогда средства.

Значительная часть фабрично-заводских рабочих была безграмотна. По данным профессиональной переписи 1918 г., из общего числа 1 142 268 рабочих грамотные составляли 63,9%. Грамотных рабочих-мужчин было 79%, женщин — 44,1%. Больше всего грамотных было среди печатников (94,8%). За ними следовали рабочие машиностроительной промышленности. Самый низкий уровень грамотности имели текстильщики. Наибольший удельный вес грамотных был среди рабочих подростков 12—14 лет (80,6%) и молодых рабочих 15—19 лет (77%). В группе 40—49-летних рабочих грамотных было 55,4%, 50—59-летних — 44,1%. Среди женщин последнего возраста удельный вес грамотных равнялся лишь 9,9% [217]. Некультурность рабочих отрицательно сказывалась на ходе социалистического строительства. Безграмотный рабочий стоял вне политики. Он не мог сознательно участвовать в строительстве нового общества. «...В стране безграмотной построить коммунистическое общество нельзя»,— говорил В. И. Ленин [218]. Именно поэтому он требовал начать культурное строительство прежде всего с ликвидации безграмотности.

Коммунистическая партия, органы Советской власти, профсоюзы, комсомол и учительство прилагали огромные усилия для осуществления этого ленинского указания. Несмотря на хозяйственную разруху, голод, недостаток учебных пособий и финан-

---

[214] «КПСС в резолюциях...», ч. II, стр. 119.
[215] ЦГАОР и СС, ф. 374, оп. 8, д. 1856, лл. 67—68, 388.
[216] См. В. И. Ленин. Соч., т. 36, стр. 492.
[217] «Труды ЦСУ», т. XVIII. Сб. стат. сведений по Союзу ССР. 1918—1923 гг,. стр. 53.
[218] В. И. Ленин. Соч., т. 31, стр. 272.

совых средств, работа по ликвидации безграмотности не приостанавливалась ни на один день. И эта работа не пропала даром.

По данным переписи 1926 г., доля грамотных фабрично-заводских рабочих увеличилась до 84,1%. У мужчин этот показатель достигал 88,1%, у женщин — 79,1%. Удельный вес грамотных поднялся среди всех отраслевых и возрастных групп рабочего класса [219].

По переписи населения СССР 1926 г., удельный вес грамотных среди рабочих подростков в возрасте 16—17 лет составлял 93,5%, среди молодых рабочих 18—24 лет — 92,2% и т. д. Чем старше возраст рабочих, тем ниже среди них процент грамотных. Однако среди всех возрастных групп удельный вес грамотных был выше, чем в 1918 г. Даже среди рабочих 55 лет и старше грамотные составляли 60,9% [220].

Грамотный рабочий всегда выше по своей квалификации, чем неграмотный. По вычислениям С. Г. Струмилина, простая грамотность рабочего повышает его квалификацию на 7,1%. Каждый год школьного обучения дает в среднем прибавку квалификации на 2,6% [221]. Вполне понятно поэтому, что непосредственные жизненные интересы заставляли рабочие массы повышать свою грамотность и общеобразовательную подготовку.

Борьба за грамотность рабочего населения была неразрывно связана с подъемом народного просвещения, строительством начальных и средних школ, организацией коммунистических университетов, большой и многообразной работой по выдвижению рабочих к управлению страной, по подготовке кадров рабоче-крестьянской интеллигенции.

Огромную роль в повышении культурного уровня рабочих играли клубы, театры, литература, периодическая печать и т. д. Только при Советской власти массы фабричных и заводских пролетариев по-настоящему стали интересоваться газетой и книгой. «Для нас газета становится такой же насущной потребностью, как хлеб и вода»,— писал рабкор завода «Дукс» (Москва) [222]. «Революция приобщила меня к печатному слову»,— сообщал токарь железнодорожных мастерских Свердловска [223].

Сам й популярной была в те годы «Рабочая газета». Тираж ее с 16 тыс. в марте 1922 г. увеличился до 270 тыс. в апреле 1925 г. [224] Большим авторитетом пользовалась «Правда», читателями которой были квалифицированные, политически зрелые рабочие. Большую роль в культурном и политическом развитии пролетарских масс играли местные печатные органы. Рабочие

---

[219] «Всесоюзная перепись населения 1926 г.», т. 34, стр. 8—36.
[220] Там же, стр. 16.
[221] С. Г. Струмилин. Проблемы экономики труда. М., 1957, стр. 89.
[222] «Правда», 17 января 1923 г.
[223] «Уральский рабочий», 7 июня 1925 г.
[224] «Рабочая газета», 5 мая 1925 г.

Урала выписывали и читали свою краевую газету «Уральский рабочий», горняки Донбасса — «Всероссийскую кочегарку», ленинградцы — «Ленинградскую правду», иваново-вознесенские ткачи — «Рабочий край», бакинские нефтяники — «Бакинский рабочий» и т. д.

Рабочие не только читали газеты, но и сотрудничали в них, что являлось одним из ярких показателей их культурного подъема. В мае 1925 г. «Рабочая газета» имела 10 500 рабочих корреспондентов, среди которых были металлисты, текстильщики, горняки и т. д.[225] У «Правды» в 1924 г. было 50 тыс. рабкоров и селькоров[226].

Центрами культурно-массовой и пропагандистской работы являлись клубы. В 1925 г. их насчитывалось в СССР 3148[227]. По данным ВЦСПС, клубы ежегодно посещало 120 млн. человек[228]. Каждый крупный завод имел свой клуб, где проводилась разнообразная политико-просветительная работа.

На заводе «Серп и молот» (Москва) в октябре 1924 г. имелись общеобразовательные и профтехнические курсы, школа ликбеза, школа политграмоты, общеобразовательные воскресные курсы. В клубе завода работали кружки драматический, красных агитаторов, музыкальный, хоровой, шахматный, физической культуры, радиолюбителей, научной организации труда, политкружок РКСМ, кружок по изучению марксизма, кружки рабкоров, безбожников и некоторые другие. Во всех этих кружках и на курсах занималось 1179 человек[229].

На Тульском патронном заводе существовало профтехническое училище, в котором обучалось 218 человек, в том числе 144 — из детей рабочих завода. Заводским ученичеством было охвачено 225 человек. В школе ликвидации неграмотности училось 92 человека. Имелись свой клуб, библиотека, музыкальная и художественная студии. 80 рабочих занимались в научно-технических кружках. Коллектив выписывал 5373 экземпляра газет и 60 журналов[230].

Разнообразная и содержательная культурно-просветительная работа велась на Краснопресненской Трехгорной мануфактуре. К ней было прикреплено три начальных школы, в которых училось 2200 детей рабочих и служащих. Мануфактура имела свою школу ФЗУ на 180 человек. Ее клуб вмещал 800 человек. При нем имелись библиотека, читальня, фотостудия, школа кройки и шитья, два оркестра. Часто давались спектакли, читались лек-

---

[225] «Рабочая газета», 5 мая 1925 г.

[226] «Правда», 11 декабря 1924 г.

[227] Г. М. Кржижановский. Десять лет хозяйственного строительства СССР. М., 1927, стр. 65.

[228] «Политико-просветительная работа в городе и деревне». М., 1925, стр. 3—4.

[229] ЦГАОР и СС, ф. 374, оп. 8, д. 1840, л. 251.

[230] ЦГАОР и СС, ф. 5469, оп. 6, д. 76, лл. 18, 19, 20, 21.

ции на естественнонаучные, исторические, социально-экономические и производственные темы. Работало более 20 кружков: по изучению ленинизма, профдвижения, рабкоров, радиолюбителей и др.[231]

Духовный облик советских рабочих постепенно менялся. Новое проникало в их быт. По данным бюджетного обследования, в конце 1923 г. 32% рабочих семей имели книги. В Москве и Ленинграде этот показатель поднимался до 40%. 28% столичных и 20% провинциальных рабочих не имели в доме икон[232]. Токарь железнодорожных мастерских Иванов писал в июне 1925 г.: «Мне сейчас 38 лет. Революция застала меня вполне взрослым и сформировавшимся человеком. Но однако восемь лет жизни в послереволюционный период сказались на мне». Тов. Иванов, как он сам отмечал, избавился от религиозных пут. Чтение «Правды», «Гудка» и «Бедноты» стало для него жизненной потребностью. Он охотно выполнял общественные поручения. Социалистическая революция, писал Иванов, вызвала революцию в его душе[233]. Этот документ — заметка в газете — свидетельство того, что к середине 20-х годов советский рабочий значительно вырос в культурном и политическом отношении. Он сознавал себя не только работником физического труда, но и общественным деятелем, участником управления Советской страной.

Изменения в составе фабрично-заводских рабочих

Развитие рабочего класса есть объективный, естественноисторический процесс, определяющийся в конечном счете способом производства, состоянием промышленности и других отраслей народного хозяйства, экономическим положением страны.

В годы гражданской войны и в восстановительный период, когда наша страна делала первые шаги от капитализма к социализму, советская экономика состояла из пяти общественно-экономических укладов, наиболее развитыми из которых были социалистический, мелкотоварный и капиталистический. Все эти уклады, хотя и в разной степени, оказывали определенное влияние на состав рабочего класса. Ведущим укладом являлся социалистический. Его влияние на рост и консолидацию рабочего класса было определяющим.

В те годы рабочий класс был социально неоднородным. Его неоднородность — продукт капитализма. Капиталистическое общество с его классовой структурой, наличием неравенства и эксплуатации, разорением мелких производителей неизбежно вызывает появление в рядах пролетариата различных социальных слоев. Социальная неоднородность рабочего класса не исчезает

[231] ГАОРСС МО, ф. 627, оп. 3, д. 41, л. 48.
[232] С. Г. Струмилин. Рабочий быт в цифрах. М., 1926, стр. 101, 104.
[233] «Уральский рабочий», 7 июня 1925 г.

сразу после свержения и экспроприации буржуазии. Она существует длительное время и при диктатуре пролетариата.

В восстановительный период в составе рабочего класса существовали два основных социальных слоя: 1) кадровые пролетарии, являвшиеся основным ядром рабочего класса, и 2) недавние выходцы из непролетарской среды, в той или иной форме и степени связанные с мелкой буржуазией.

В свою очередь каждый из этих слоев подразделялся на группы, имевшие свои особенности. В состав кадровых рабочих входили потомственные пролетарии и постоянные рабочие с большим производственным стажем, отцы которых не были рабочими.

В рядах второго основного слоя рабочего класса также имелись различные группы. Наиболее многочисленной из них были выходцы из деревни, еще не порвавшие связи с землей. В политическом отношении эта группа была носительницей крестьянских настроений в рабочем классе. Имелись рабочие, вышедшие из кустарей, городских служащих, мелких торговцев и т. д.

Основное ядро рабочего класса, состоявшее из закаленных в революционной борьбе и наиболее сознательных пролетариев, за годы войны уменьшилось. Из него партия и государство взяли все, что можно, для создания и роста Красной Армии, упрочения советской государственной власти, налаживания работы профессиональных союзов и самой партии. Из этого слоя прежде всего выходили боевые, смелые, беззаветные солдаты революции, новые советские администраторы, хозяйственники, руководители профсоюзов, кооператоры и партийные работники.

Значительная часть кадровых рабочих распылилась по другим отраслям народного хозяйства, а на их место пришли новые рабочие, среди которых было немало выходцев из мелкобуржуазных слоев города и деревни.

С наступлением восстановительного периода, когда в промышленности начался неуклонный подъем, распыление основного ядра рабочего класса прекратилось. Рабочие, оторвавшиеся было от производства, потянулись на восстанавливавшиеся фабрики и заводы, на транспорт и строительные работы. Начались рост и укрепление того слоя рабочего класса, который был живой основой его консолидации, основой сплочения всего советского общества. Этот процесс происходил также за счет поступления на фабрики и заводы молодежи пролетарского происхождения.

Улучшение социального состава рабочего класса в первые годы восстановительного периода достигалось и путем сокращения штатов и исключения из профсоюзов кустарей, принятых туда в годы гражданской войны.

В Союзе текстильщиков, например, кустари составляли до 25% всех членов. Значительные их группы входили в профсоюзные организации Новгородской, Ярославской, Вятской, Челя-

бинской, Смоленской, Иваново-Вознесенской губерний, Поволжья, Азербайджана, Туркестана. Много кустарей числилось в рядах профессиональных союзов швейников, кожевников, металлистов, транспортников. Такое положение в период гражданской войны было закономерно, так как кустари работали по государственным заказам, сдавали свою продукцию государственным органам и фактически превратились в рабочих на дому. С переходом к нэпу мелкое производство стало работать непосредственно на рынок. Необходимо было поэтому очистить ряды рабочего класса от мелких товаропроизводителей. В августе 1921 г. Орготдел ВЦСПС принял постановление «О кустарях», в котором рекомендовал исключить их из числа членов профессиональных союзов.

Освобождение союзов от кустарей затянулось на несколько лет. ЦК металлистов лишь 23 марта 1922 г. разослал на места циркуляр с требованием провести в жизнь постановление V Всероссийского съезда металлистов об исключении из союза всех кустарей [234]. Очищение профсоюзов Туркестана от непролетарских элементов закончилось в 1923 г. [235]

Таким образом, объективный ход экономического развития и организационные мероприятия Советского государства и профсоюзов способствовали увеличению удельного веса кадровых и в частности потомственных рабочих.

К сожалению, социальное происхождение рабочих, трудившихся на фабриках и заводах в 1921—1925 гг., не было отражено в статистике. В программы промышленных переписей 1920 и 1923 гг., а также Всесоюзной переписи населения 1926 г. не входило получение такого рода сведений. Нельзя поэтому точно установить удельный вес потомственных рабочих в тот период. Тем не менее на основании разнообразного фактического материала можно с уверенностью говорить о возрастании в первой половине 20-х годов их доли в составе советского рабочего класса.

В 20-е годы на крупных предприятиях (таких, как Сормовский завод, Коломенский, Брянский, Путиловский и др.) трудилось немало людей, отцы и деды которых были рабочими. На Сормовском заводе, например, славилась фамилия потомственных рабочих Третьяковых [236], на Коломенском заводе — Борисовых, Жаровых, Юсовых и др.

В 1929 г. уже более половины рабочего класса составляли потомственные пролетарии. Этот факт был установлен и засвидетельствован профсоюзной переписью. В хлопчатобумажной промышленности Москвы было учтено 49,4% потомственных рабо-

---

[234] ЦГАОР и СС, ф. 5469, оп. 6, д. 54, л. 5.

[235] См. «Резолюции и постановления съездов Коммунистической партии Туркестана. 1918—1924 гг.» Ташкент, 1958, стр. 161.

[236] «Правда», 28 июня 1957 г.

чих[237], среди металлистов — 56,8% [238], в уральской металлургии до 70%, среди горняков Донбасса — 33,8% [239], у шахтеров Урала и Сибири — 37,6% и в нефтяной промышленности — 33,5% [240].

Потомственные кадры крупной промышленности являлись основным ядром советского рабочего класса. Именно благодаря наличию такого сплоченного и передового слоя пролетариата Коммунистическая партия смогла объединить трудящиеся массы и направить их на выполнение великих преобразовательных планов.

Однако группа кадровых пролетариев состояла, как уже говорилось выше, не из одних потомственных рабочих. Подростки из непролетарской среды, влившиеся в производство во время первой мировой войны или в первый год революции, к концу восстановительного периода, т. е. примерно через 10 лет фабричной выучки, становились вполне сложившимися рабочими.

Степень производственной квалификации и классовой зрелости рабочих определяется прежде всего производственным стажем. Для того чтобы стать постоянным, кадровым рабочим, нужно не год и не два поработать в фабрично-заводской промышленности, пожить в пролетарской среде. Ленин указывал: «Сплошь и рядом в категорию рабочих попадают самые настоящие мелкие буржуа, которые случайно и на самый короткий срок превратились в рабочих» [241]. Он рекомендовал «определить понятие „рабочий" таким образом, чтобы под это понятие подходили только те, кто на самом деле по своему жизненному положению должен был усвоить пролетарскую психологию. А это невозможно,— указывал Владимир Ильич,—без многих лет пребывания на фабрике без всяких посторонних целей, а по общим условиям экономического и социального быта» [242].

К началу 1925 г. среди работающих членов Союза горнорабочих лиц со стажем работы по найму свыше 10 лет насчитывалось 54% [243], среди текстильщиков — 57,2% [244], среди постоянных рабочих сахарной промышленности — 68,2% [245], среди химиков — 65,6 [246], среди кожевников — 86,4% [247]. Надо полагать, что в их среде были как дети рабочих, так и крестьян, кустарей и т. д.

В составе рабочего класса увеличился слой не только потом-

[237] А. Г. Рашин. Указ. соч., стр. 17.
[238] «Металлисты СССР», М., 1930, стр. 16.
[239] А. Г. Рашин. Указ. соч., стр. 17.
[240] Там же.
[241] В. И. Ленин. Соч., т. 33, стр. 226.
[242] Там же, стр. 229.
[243] «Союз горнорабочих СССР в цифрах», вып. III, стр. 232—233.
[244] А. П. Финаров. О составе фабрично-заводских рабочих СССР к началу реконструктивного периода.— Тр. Сибирского лесотех. ин-та, сб. 28. Работы кафедр общ. наук. Красноярск, 1958, стр. 160.
[245] «Профсоюз сахарников в цифрах», вып. 1, стр. 74.
[246] А. П. Финаров. Указ. соч., стр. 160.
[247] Там же, стр. 161.

ственных рабочих, но и выходцев из непролетарских, мелкобуржуазных групп населения. К сожалению, статистика не располагает данными по этому вопросу. Косвенным показателем величины крестьянской прослойки могут служить материалы о связи рабочих с землей. По данным профсоюзной переписи 1929 г., среди вновь вступивших в производство удельный вес рабочих, имевших землю, с течением времени уменьшался. Однако это уменьшение проходило неравномерно.

До революции рабочих, имевших землю, было 31,3% [248], к августу 1918 г.— 27,7% [249], в годы гражданской войны их стало, по-видимому, еще меньше в результате отлива рабочих из городов в деревню. Во второй половине 1920 г. вследствие оживления промышленности число рабочих с землей вновь увеличилось. После перехода Советского государства к нэпу, когда проводилось сокращение штатов, число рабочих, связанных с деревней, должно было резко упасть, так как значительную группу сокращенных составляли именно они. В 1923—1925 гг. на высокой волне прилива новых пополнений на фабрики и заводы поднялось и количество выходцев из деревни, не порвавших связей с сельским хозяйством.

Наиболее прочные связи с землей были у текстильщиков. «Значительное количество текстильщиков,— говорил М. И. Калинин,— крестьяне» [250]. Это обстоятельство объяснялось историческими условиями развития текстильных предприятий в России. Многие хлопчатобумажные, льняные и прочие текстильные фабрики были основаны вне городов и в качестве рабочей силы на них использовались местные крестьяне. С течением времени вокруг фабрик возникли поселения городского типа и связь текстильных рабочих с землей ослабевала. Но все же после Октябрьской революции она была еще прочной. По данным ЦК Союза текстильщиков, в конце восстановительного периода 21,3% текстильных рабочих имели в деревне пахотную землю и дом и 2,3% — землю [251]. Среди 70 тыс. текстильных рабочих Владимирской губернии 27,7% владели пахотной землей и домом [252]. В льняной промышленности той же губернии этот показатель поднимался до 36,6%, а в местной — еще выше: до 63,85% [253].

Тесную связь с землей сохранили горнорабочие. Около половины всех шахтеров Донбасса в 1923/24 г. имели хозяйство в деревне [254]. В некоторых районах Подмосковного бассейна —

[248] «История пролетариата СССР», сб. 3. М., 1934, стр. 220

[249] «Труды ЦСУ», т. XXVI, вып. 2. М., 1926, стр. 118—119. Процент вычислен нами.— *А. М.*

[250] «Правда», 2 февраля 1926 г.

[251] А. П. Финаров. Указ. соч., стр. 172.

[252] «Наше хозяйство», орган Владимирского губплана, 1926, № 5, стр. 46.

[253] Там же.

[254] Г. Д. Бакулев. Развитие угольной промышленности Донецкого бассейна. М., 1955, стр. 524.

Побединском, Бобрик-Донском и Оболенском — основной контингент рабочих составляли «окрестные крестьяне, которые вследствие малоземелья и бедности» приближались к промышленному пролетариату [255].

Металлисты были связаны с землей меньше. В кратком обзоре организационной работы Донецкого райкома Союза металлистов за вторую четверть 1921 г. была приведена следующая сводка [256]:

Завод	Число рабочих и служащих	В т. ч. с землей	% имеющих землю
Гартмана	3028	245	8,0
Котельный	1834	41	2,2
«Металлист»	2457	247	9,7
Механический	2271	127	5,5
Металлург А и Б*	3418	38	0,8
Дебальцевский механический	799	61	7,6
Краматорский	2289	258	11,2
Ферросплавов	105	16	15,2
Авиационный	208	—	—
Объединение мелкой промышленности Мариуполя (8 предприятий)	362	18	4,4
Итого	16 771	1051	6,2

* Так в источнике.

Как видим, у металлистов Донбасса связь с землей была очень незначительной. В то же время на ряде предприятий очень многие рабочие имели свое сельское хозяйство.

На конференции завкомов Московского райкома Союза металлистов 5 июля 1922 г. обсуждался доклад председателя завкома завода «Серп и молот» т. Гуськова, который сообщил, что из 2169 рабочих завода «50% чисто пролетарского элемента и столько же, тяготеющих к деревне», причем он отмечал, что месяцев семь назад тяготеющих к деревне было еще больше [257].

На Тульском патронном заводе в сентябре 1922 г. 35% рабочих (из 6628 человек) были связаны с деревней, а на оружейном — 15,3% (из 16,3 тыс.). Связь с деревней имели 2,5 тыс., и 3,3 тыс. были уроженцами деревни [258].

Бежецкий райком Всероссийского союза рабочих-металлистов в докладной записке в ЦК ВСРМ от 19 марта 1921 г. сообщил,

[255] «Горнорабочий», 1922, № 1-2, стр. 21.

[256] ЦГАОР и СС, ф. 5469, оп. 5, д. 73, л. 88. Проценты подсчитаны нами.— *А. М.*

[257] Там же, оп. 6, д. 81, л. 4.

[258] К. Князева. Борьба тульской партийной организации за сплочение рабочего класса в первые годы нэпа. Тула, 1957, стр. 13.

что на заводах района рабочих, связанных с землей (полупролетарские элементы), насчитывалось от 15% до 30%, они на протяжении многих лет во время полевых работ стихийно уходили с заводов [259].

На Паратовском судоремонтном и механическом заводе Главметалла ВСНХ (Казань) в 1921/22 г. было 1525 рабочих и служащих, из них 60% — крестьяне окрестных деревень и только 40% — кадровые рабочие, в большинстве своем переведенные с петроградских и московских заводов. «С началом весенних полевых работ, сенокоса и уборки урожая осенью,— говорится в отчете этого завода за 1921/22 г., рабочие-крестьяне покидают работы, иногда самовольно, оставляя завод без рабсилы... Рабочие же пролетарии, в большинстве высококвалифицированные, не заинтересованные в полевых работах, всю тяжесть работ несут на своих плечах, выполняя иногда боевые задания сверх программы» [260].

Заводоуправление Кольчугинского медеобрабатывающего завода в своем отношении в Совет военной промышленности от 6 апреля 1921 г. просило разрешения остановить производство на полтора месяца, мотивируя это, в частности, тем, что 75% рабочих составляют крестьяне, которые стихийно уходят для засева своих полей [261]. 8 апреля на заводе состоялось внеочередное расширенное собрание делегатов и уполномоченных от цехов. Обсуждался вопрос об отпусках на полевые работы. Было принято характерное постановление: «Открытое собрание делегатов и уполномоченных, заслушав заведующего заводом о разрешении использовать рабочими двухнедельных отпусков для запашки полей, находит целесообразным применение отпусков с 18 апреля 1921 года, считая, что этим самым устраивается крестьянский вопрос в округе завода, и тем самым не нарушая планомерного выполнения производственных заданий, необходимых в смысле обороны республики и также в смысле улучшения экономического положения рабочего-крестьянина» [262].

Много рабочих с наделом земли было на Урале. Там они имели землю недалеко от завода и выполняли сельскохозяйственные работы, не отрываясь от производства.

Степень социальной неоднородности рабочего класса, в частности удельный вес рабочих, имевших земельные наделы, была различна в разных районах СССР.

Мало были связаны с землей рабочие Ленинграда. По данным ЦСУ, относящимся к 1926 г., среди ленинградских текстильщиков землей владели 9,6%, среди металлистов — 7,8%. В среднем же земельный надел имели 8,8% рабочих этого города [263].

---

[259] ЦГАОР и СС, ф. 5469, оп. 5, д. 228, л. 3.
[260] Там же, оп. 6, д. 149, л. 24.
[261] Там же, оп. 5, д. 228, л. 41.
[262] Там же, д. 54, л. 17.
[263] «Статистическое обозрение», ежемесячник ЦСУ, 1929, № 4, стр. 109.

В Москве удельный вес рабочих, имевших землю, составлял 12,5% [264]. По мере удаления от Петрограда и Москвы этот показатель становился выше. На Украине и в Сибири мелкобуржуазная прослойка среди индустриальных рабочих была более многочисленна, чем в центральных губерниях. В. И. Ленин неоднократно отмечал тот факт, что в этих районах нет такого пролетариата, как в Москве, Петрограде, Иваново-Вознесенске [265]. Мелкобуржуазная прослойка была еще более значительна среди рабочих Закавказья, Казахстана и Туркестана.

Таким образом, повсюду, за исключением, пожалуй, Урала, чем дальше от центра страны, тем больше рабочий был связан с непролетарскими слоями населения. Это обстоятельство и определило передовую роль Центральной России в революции и социалистическом строительстве. Оно же привело к тому, что на окраинах страны в первые годы после установления Советской власти среди рабочих пользовались влиянием мелкобуржуазные партии меньшевиков и эсеров и различные буржуазные националистические организации.

Изучение связи рабочих с деревней представляет большие трудности, так как статистика не имеет по этому вопросу достаточных данных за восстановительный период. Выборочная профсоюзная перепись 1929 г., материалы которой помогли выяснить ряд особенностей социального состава индустриальных рабочих, по мнению некоторых историков и экономистов (А. М. Панкратова, К. Ф. Сидоров, Б. Л. Маркус), дала не совсем точные сведения о связи промышленных рабочих с землей. Эти сведения оказались преуменьшенными в отношении текстильщиков. Последнее объяснялось тем, что перепись проводилась в момент частичного сокращения в текстильной промышленности и многие рабочие, опасаясь увольнения, скрыли свою связь с землей. В результате, например, перепись ошибочно зафиксировала среди ленинградских рабочих хлопчатобумажной промышленности 4,4% имевших землю, а среди металлистов — 12,4% [266]. В среднем по всем учтенным переписью профсоюзам — металлисты, текстильщики и горнорабочие — доля рабочих, имевших связь с сельским хозяйством, достигала 22% [267]. А. Г. Рашин, подводивший предварительные итоги переписи, допускает, что «некоторая часть опрашиваемых скрывала свою связь с сельским хозяйством», и определяет удельный вес фабрично-заводских рабочих, связанных с землей, «примерно в 25% общего числа учтенных рабочих» [268].

Однако, несмотря на эту неточность, перепись дала в целом

---

[264] «Статистическое обозрение», 1929, № 4, стр. 109.
[265] См. В. И. Ленин. Соч., т. 30, стр. 446, 487.
[266] А. Г. Рашин. Указ. соч., стр. 25.
[267] Там же, стр. 24.
[268] Там же, стр. 25.

ценные сведения о социальном составе фабрично-заводских рабочих и их связи с землей. Она учла определенное количество рабочих, имевших землю, и указала время их прихода в промышленность. На основании полученных данных А. Г. Рашин распределил этих рабочих на семь групп: к первой были отнесены те, кто поступил на производство до 1905 г., к последней — начавшие работать в промышленности в 1928 г. и позже. В результате получилась очень любопытная таблица, из которой видно, что в большинстве районов, охваченных переписью, связь новых рабочих с землей с течением времени постепенно убывала, но в восстановительный период эта тенденция прерывается. Так, в металлообрабатывающем производстве и машиностроении Ленинграда и Украины, в металлургии УССР, а также в каменноугольной и нефтяной промышленности среди трудящихся, влившихся в промышленность в 1922—1925 гг., рабочие с землей имели бóльший удельный вес, чем среди тех, кто пришел туда в период гражданской войны. Это и понятно: с началом восстановления промышленности и улучшения материального положения городского населения из деревни стали переселяться рабочие, во время войны занявшиеся земледелием, и крестьяне-бедняки, не имевшие средств поднять свое крестьянское хозяйство.

Связь с деревней не всегда свидетельствует о социальном происхождении рабочих. Иногда землю имели кадровые и потомственные пролетарии. Последнее особенно характерно для уральских заводов, где рабочие с давних времен пользовались земельными наделами. Однако, как правило, связь рабочих с сельским хозяйством являлась признаком экономической отсталости данной отрасли промышленности, данного промышленного района или данной группы рабочих. Недаром В. И. Ленин основной причиной отставания забастовочного движения среди текстильщиков царской России считал их связь с деревней [269].

Связь рабочих с землей с точки зрения успешного социалистического строительства была отрицательнам явлением. Она задерживала рост их социалистической сознательности и культурно-технического уровня.

Советский строй впервые в истории облегчил тяжелую участь трудящейся женщины, освободил ее от невыносимой эксплуатации, создал политические и материальные условия ликвидации ее неравноправия, открыл перед ней дорогу не только на производство, но и к государственной и общественной деятельности. Однако в восстановительный период использование женского труда в промышленности встречало большие трудности.

Многие хозяйственники, исходя из соображений рентабельности, указывали на то, что женский труд менее квалифицирован и менее производителен, чем мужской. Поэтому удельный вес

[269] См. В. И. Ленин. Соч., т. 23, стр. 233—234.

женщин, занятых в крупной промышленности, сокращался. В 1920 г. во всей обрабатывающей промышленности они составляли 32,8% рабочих, в хлопчатобумажном производстве — 63,9%, в металлической промышленности — 15,1% [270]. На 1 января 1923 г. эти показатели снизились соответственно до 29,5%, 60% и 12,1% [271]. На 1 января 1924 г. в крупной промышленности было 27,5% работниц [272]. Удельный вес женщин уменьшился во всех без исключения производствах.

Партия и правительство приняли срочные меры по сохранению работниц на производстве. Применение женского труда начало расширяться. В течение 1924 г. число работниц на фабриках и заводах увеличилось с 404,9 тыс. до 488,2 тыс. [273], и на 1 января 1925 г. в общей массе фабрично-заводских рабочих они составляли 28,8% [274]. В течение 1925 г. рост численности работниц продолжался, однако численность мужчин увеличивалась быстрее, поэтому к началу 1926 г. удельный вес женщин в рядах рабочего класса вновь сократился до 28,4% [275].

Возможность повысить свою квалификацию была для работниц в царской России еще более ограниченной, чем для рабочих-мужчин. В первые годы Советской власти, пока шла война, проблема повышения квалификации женского труда не могла быть разрешена. «Как общее правило,— отмечалось в отчете ВЦСПС,— женщины в производстве являются неквалифицированной рабочей силой, выполняющей подсобные работы в предприятии. Даже в таких специфических женских союзах, как текстильщики, швейники и табачники, квалификация женского труда по сравнению с мужским очень низка» [276].

В марте 1923 г. среди квалифицированных рабочих женщин было только 16,6%, среди полуквалифицированных — 36,9%, а среди неквалифицированных — 42,6%. Из общего числа учтенных работниц более половины (53,3%) относилось к необученным, а из общего числа мужчин — только 30,7% [277].

В 1923 г. ЦК Всероссийского союза рабочих-металлистов

---

[270] «Динамика российской и советской промышленности в связи с развитием народного хозяйства за 40 лет (1887—1926 гг.)», под редакцией В. Е. Варзара, т. I, ч. III. М.— Л., 1930, стр. 192—193. Цифры о половом составе рабочих за 1920 г. весьма противоречивы. Можно было бы воспользоваться данными переписи 1920 г., но она охватила не всю территорию Советской страны, поэтому опубликованные в т. XVIII «Трудов ЦСУ» сведения о количестве работниц в 1920 г. весьма неполны.

[271] «Труды ЦСУ», т. XVIII. Сб. стат. сведений по Союзу ССР. 1918—1923 гг., стр. 232—336.

[272] А. Рашин. Женский труд в СССР. М., 1928, стр. 7.

[273] «Женщина в СССР», стат. сб. Изд. 2, М., 1927, стр. 55.

[274] Там же.

[275] Там же.

[276] «Профессиональные союзы СССР. 1922—1924 гг.», отчет ВЦСПС к VI съезду профессиональных союзов. М., 1924, стр. 152.

[277] «Вопросы труда», 1925, № 3, стр. 50.

провел обследование профессионального состава членов союза. Выяснилось, что женщины среди рабочих по металлу на 1 апреля 1923 г. составляли 11,4%, а среди чернорабочих — 78,6% [278]. В составе группы рабочих по металлу наибольший удельный вес женщины имели в более легких специальностях: 24.6% прессовщиков, 18,7% рабочих при машинах и станках, 15,5% электромонтеров [279]. Но встречались они и среди шлифовщиков, фрезеровщиков, сварщиков, сверлильщиков, кочегаров и даже на горячих работах.

За годы Советской власти женский труд стал применяться гораздо шире, чем до революции. По данным городской переписи населения 1923 г., не было ни одной профессии, где женщины не имели хотя бы единичных представителей. Они встречались даже среди традиционно мужских специальностей: забойщиков, крепильщиков, камнеломов, кузнецов, литейщиков, механиков, монтеров, слесарей, токарей по металлу, клепальщиков, молотобойцев [280].

Во многих производствах женщины составляли большинство. Среди белошвеек и швей Европейской части РСФСР их было 99,6%. В текстильной промышленности работали преимущественно женщины. Среди занятых на банкаброшах они составляли 98,4%, среди рабочих на ватерных машинах — 96,5%. В ткацком производстве женщин насчитывалось 86,6%. На табачных фабриках их было 79,4% [281].

Партия и Советское правительство уделяли много внимания повышению квалификации женщин, занятых в промышленности. XIII съезд РКП(б) дал следующее указание: «В связи с продолжающимся вытеснением работниц из производства съезд подчеркивает, что сохранение женской рабочей силы в производстве имеет политическое значение и ставит перед партией задачу усилить поднятие квалификации женского труда и вовлечь женщин, где возможно, в те отрасли производства, в которых женский труд не применялся вовсе или применялся в недостаточной мере» [282]. В соответствии с этим указанием при Наркомтруде СССР, наркоматах труда УССР, Белоруссии, а также среднеазиатских и закавказских республик и некоторых местных отделах труда были образованы комиссии по изучению и улучшению положения женского труда в производстве. Была усилена борьба с безработицей женщин. Увеличен прием девушек в школы ФЗУ. В составе учеников фабзавуча они составляли в 1923/24 г. 16,5%, в 1924/25 г. 22%, в 1925/26 г. 37% [283].

---

[278] И. Гохман. Профессиональный состав ВСРМ в 1923 г. М., 1924, стр. 16.
[279] Там же.
[280] «Бюллетень ЦСУ», № 86, 1924, стр. 28—29.
[281] Там же, стр. 13.
[282] «КПСС в резолюциях...», ч. II, стр. 89.
[283] «Вопросы труда», 1927, № 2, стр. 41.

Местные партийные и профсоюзные организации стали настойчиво добиваться выдвижения передовых женщин, занятых в промышленности, на более квалифицированные работы. Так, в апреле — июне 1925 г. на Тверской Пролетарской и Ватжановской мануфактурах на квалифицированную работу было переведено 409 работниц[284]. 21 декабря 1925 г. Центральная комиссия по женскому труду на Украине заслушала доклад о работе Луганской комиссии, докладчик сообщил о переводе на квалифицированную работу 153 работниц[285]. В пищевой промышленности женщины осваивали мужские профессии[286]. ЦК профсоюза транспортных рабочих высказался за назначение женщин на работу в качестве летчиков, бортмехаников, шоферов, кондукторов автобусов и т. д.[287]

В 1924/25 г. все больше женщин выдвигается на руководящую работу. Как явствует из доклада о работе Юзовской комиссии по женскому труду от 8 декабря 1925 г., на административно-хозяйственную работу в этом районе направлено около 250 работниц[288].

Исключительное значение имела подготовка работниц в республиках Средней Азии. 13 октября 1925 г. на заседании комиссии по изучению и улучшению женского труда в Узбекистане был заслушан доклад о положении женщин в текстильной промышленности. Были выработаны практические предложения о привлечении узбечек в хлопковое производство, прикреплении их к опытным рабочим и посылке на курсы хлопковых работников[289].

Значительные изменения за годы восстановления народного хозяйства произошли в возрастном составе рабочих. Во время войны бóльшая часть трудоспособных работников находилась в армии. Установлено, что среди рабочих — участников гражданской войны преобладали лица в возрасте до 39 лет. К концу войны среди работавших на фабриках и заводах большой удельный вес имели престарелые. Так, среди петроградских рабочих-мужчин люди 18—39 лет в 1918 г. составляли 51,1%, в 1920 г.— 47%, а 40—49 лет — соответственно 26,1% и 28,7%, старше 50 лет — 13,5% и 15,2%[290]. В Петрограде, как отмечалось на III сессии ВЦИК в мае 1921 г., «самый большой процент рабочих» составляли старики, старухи и подростки[291]. Аналогичное положение было в Москве и других промышленных центрах.

После перехода страны к мирному социалистическому стро-

[284] ЦГАОР и СС, ф. 5515, оп. 13, д. 3, л. 204.
[285] Там же, л. 8.
[286] Там же, л. 10.
[287] Там же, л. 11.
[288] Там же, л. 6.
[289] Там же, л. 25.
[290] «Труды комиссии экономических исследований», вып. 1. М., 1923, стр. 79.
[291] «I—IV сессии ВЦИК VIII созыва», стеногр. отчет. М., 1922, стр. 158.

ительству в промышленность стали возвращаться рабочие средних возрастов. Количество подростков и рабочих старших возрастов уменьшилось, и вновь увеличилось количество рабочих в возрасте 18—39 лет.

По данным переписи населения 1926 г., среди фабрично-заводских рабочих СССР лиц в возрасте 20—39 лет было 62,4% (1 430 066 человек), 40—59 лет — 21,7%, 60 лет и старше — 1,2% [292]. Для восстановления промышленности и роста производительности труда такие изменения в возрастном составе рабочих имели положительное значение.

Вместе с улучшением состава рабочего класса росла его профессиональная организованность. В 1922 г. на основе решений XI съезда партии работа профессиональных союзов была перестроена, вместо обязательного членства, существовавшего во время войны, было введено добровольное.

В связи с организационной перестройкой и исключением кустарей численность членов профсоюзов сократилась и составляла в 1923 г. по индустриальной группе 1804,5 тыс., но затем вновь стала увеличиваться: в 1925 г.— 2531,5 тыс. [293] В это время советские профсоюзы объединяли в своих рядах более 90% [294] рабочих и служащих и представляли собой самую массовую пролетарскую организацию, самую мощную опору Коммунистической партии в рабочем классе.

В первый послевоенный год вследствие экономических и иных трудностей, а также мобилизаций на фронт, на советскую и хозяйственную работу партийные организации фабрик и заводов были ослаблены. К началу 1922 г. в среднем на каждую сотню рабочих у станка приходилось 3,3 коммуниста [295]. Необходимо было время для того, чтобы возобновился приток рабочих в партию. И это время наступило. Восстановление народного хозяйства и улучшение материального положения трудящихся, всестороннее укрепление советского строя и развитие культурного строительства вызвали подъем политической сознательности и активности рабочих и всех трудящихся. Прошло немного лет, и количество коммунистов среди фабрично-заводских рабочих увеличилось в несколько раз. На 1 января 1924 г. количество коммунистов, работавших у станка, равнялось 5%, а на 1 июня того же года — 15% всех рабочих крупной промышленности [296].

Следует отметить, что значительную часть коммунистов составляли потомственные пролетарии. В Москве, например, в середине 1923 г. среди коммунистов-рабочих их было 37,3%.

[292] «Всесоюзная перепись населения 1926 г.», т. 34. стр. 16. Процент высчитан нами.— *А. М.*

[293] «Итоги десятилетия Советской власти в цифрах. 1917—1927 гг.», стр. 344.

[294] Л. Магазинер. Численность и состав профессиональных союзов СССР. М., 1926, стр. 45.

[295] «Известия ЦК РКП(б)», 1922, № 6, стр. 25.

[296] «XIV съезд ВКП(б)», стеногр. отчет, стр. 52.

в Петрограде — 38,1% в городах 12 промышленных губерний (без Москвы и Петрограда) — 41,2% [297].

Все это говорит об укреплении рядов рабочего класса, улучшении его состава, росте влияния Коммунистической партии на массы.

Развитие рабочего класса на территории Советской страны — единый процесс, подчиняющийся общим историческим закономерностям. Рабочие СССР — многонациональный класс, в состав которого входят русские, украинцы, белорусы, казахи, узбеки, туркмены, киргизы, таджики, грузины, армяне, азербайджанцы, татары, башкиры и рабочие многих других национальностей. Поэтому нельзя забывать особенностей развития рабочего класса в разных национальных районах.

На территории Советской России имелись исторически сложившиеся промышленные центры с большим количеством квалифицированных кадровых рабочих русской национальности. Больше всего их было сосредоточено в Центрально-промышленном районе: в 1922 г. 37,4% численности рабочих СССР. Здесь вырабатывалось 38% валовой промышленности продукции страны [298]. Главной отраслью промышленности в этом районе с давних пор было текстильное призводство, дававшее более 80% текстильных изделий страны [299]. Большую роль в промышленном развитии СССР играли Северо-Западный район во главе с Петроградом, Урал и т. д. В целом на территории РСФСР к началу 1923 г. было занято 76,5% промышленных рабочих Союза [300].

В промышленности Российской федерации рядом с русскими рабочими, которые составляли абсолютное большинство, трудились башкиры, татары, мари, удмурты, якуты, буряты и т. д.

На Советской Украине были расположены крупнейший в то время угольный бассейн Донбасс, железорудный и металлургический районы, а также многочисленные предприятия металлообрабатывающий, сахарной и других отраслей индустрии. В 1925 г. Украина давала 78% всесоюзной добычи угля, 68% выплавки чугуна, 40% обработки металла и 86% производства сахара [301].

По переписи 1923 г., в цензовой промышленности Украины насчитывалось более 241 тыс. рабочих, в том числе 222,2 тыс. на государственных предприятиях. Преобладающая часть украинских рабочих была занята в горной и горнозаводской промышленности (116,6 тыс.), в металлообработке (8,7 тыс.), машиностро-

---

[297] «Известия ЦК РКП(б)», 1923, № 5, стр. 38

[298] «Народное хозяйство Центрально-промышленной области в 1923/24 г.» М., 1925, стр. 5.

[299] Там же, стр. 7.

[300] Процент высчитан на основании данных переписи 1923 г. («Труды ЦСУ», т. XXVII, вып. 1, стр. 298, 346).

[301] «Хозяйство Украины». М., 1926, стр. 23.

ении (21 тыс.) и производстве пищевых продуктов (41,5 тыс.) [302].

В национальном отношении рабочий класс Украины не был однородным, в его составе были украинцы, русские, евреи, поляки, молдаване и т. д. В 1926 г. в индустриальной группе профсоюзов УССР русских насчитывалось 44,3%, украинцев — 41,6%. Русские рабочие преобладали среди горнорабочих, украинцев было больше среди металлистов, химиков, сахарников, пищевиков, текстильщиков и т. д. [303] Украинские буржуазные националисты предлагали искусственным путем ускорить украинизацию рабочего класса УССР. Эта реакционная утопия была отвергнута Коммунистической партией. Национальный состав рабочих должен был меняться постепенно, с индустриализацией республики и втягиванием в промышленность новых кадров из украинского села.

Менее развитой в индустриальном отношении была Закавказская федерация. Здесь имелись преимущественно мелкие промышленные заведения.

Количество рабочих в ЗСФСР в 1923—1925 гг. изменялось следующим образом [304]:

	1/X 1923 г.	1/I 1926 г.
Азербайджан	62 057	87 191
Армения	2 816	10 104
Грузия	18 082	35 437
Итого по ЗСФСР . . .	82 955	132 732

Исключением являлась столица Азербайджана — Баку с его нефтяными промыслами. В составе бакинского пролетариата преобладали горнорабочие-нефтяники, кроме того, имелись строители, пищевики и текстильщики.

Национальный состав рабочих Азербайджана был очень пестрым. Баку, в котором концентрировалась почти вся промышленность республики, получал трудовые ресурсы из Поволжья, Закавказья, Дагестана. Здесь находили работу и квалифицированные и неквалифицированные рабочие. Среди неквалифицированных преобладали иранцы, азербайджанцы, лезгины, татары, среди квалифицированных — русские и армяне. В конце восстановительного периода в составе рабочего класса Азербайджана

---

[302] «Труды ЦСУ», т. XXVII, вып. 1, стр. 31, 318—327, 334—335.

[303] «Труд и профсоюзы на Украине», стат. справочник за 1921—1928 гг. Харьков, 1928, стр. 110.

[304] «Труд в ЗСФСР», стат. справочник за 1922—1925 гг. Тифлис, 1926, стр. 202—203.

было больше всего русских рабочих, затем следовали азербайджанцы и армяне.

В Грузии и Армении рабочий класс был в основном однороден, в нем преобладали рабочие коренной национальности; лишь среди кожевников, пищевиков и швейников Грузии армяне имели большинство.

Малочисленный фабрично-заводской пролетариат к началу восстановительного периода был в Белоруссии. Здесь в действующих промышленных предприятиях переписью 1923 г. было зарегистрировано лишь 4455 рабочих[305].

Туркестан, Дагестан, Казахстан, области, населенные татарами, башкирами, осетинами, ингушами, черкесами, якутами, бурятами и т. д., не прошедшими стадию капиталистического развития, почти совсем не имели крупной промышленности и постоянных промышленных рабочих. Большую роль в них еще играли докапиталистические общественные отношения. Преобладали мелкие и кустарные заведения. Единственным современным отрядом рабочего класса здесь были железнодорожники. Коммунистическая партия и Советское правительство принимали все возможные в то время меры для создания в этих районах промышленных очагов и современного индустриального пролетариата.

К сожалению, исчерпывающих сопоставимых статистических данных о численном росте рабочего класса национальных республик за весь восстановительный период не имеется. Воспользуемся поэтому материалами ЦСУ, которые показывают увели-

	Численность рабочих и служащих, тыс.		Прирост	
	1/I 1925 г.	1/I 1926 г.	тыс.	%
РСФСР	1506,1	1958,4	457,3	30,0
УССР	380,8	581,0	200,2	52,7
БССР	13,8	19,2	5,2	39,2
ЗСФСР	65,3	73,9	8,6	13,2
УзССР	11,1	15,3	4,2	37,9
ТуркмССР	2,0	3,2	1,2	60,0
Всего по СССР	1979,1	2651,1	672,0	34,0

[305] «Труды ЦСУ», т. XXVII, вып. 1, стр. 316—317. Перепись зарегистрировала состояние предприятий в декабре 1922 г. Малочисленность пролетариата Белоруссии по этим данным отчасти объясняется тем, что перепись проводилась еще до укрупнения БССР.

чение численности фабрично-заводского персонала по союзным республикам в 1925 г.[306]:

Увеличение числа рабочих и служащих в промышленности происходило во всех республиках. Главная масса прироста приходилась на РСФСР. По темпам роста первое место заняла Туркмения.

Таким образом, в восстановительный период увеличение численности рабочего класса происходило прежде всего в старых промышленных центрах. Но уже тогда было положено начало формированию фабрично-заводского рабочего класса в отсталых национальных республик и районов.

---

[306] «Статистика труда», 1926, № 1, стр. 4.

Были созданы специальные учреждения по руководству движением изобретателей. При ВЦСПС существовало бюро изобретений. При ВСНХ РСФСР, УССР, БССР, Азербайджанской ССР, а также при крупных совнархозах (Московском, Сибирском, Северо-Кавказском и др.) были организованы бюро содействия рабочему изобретательству. Комиссии по изобретательству возникли в трестах и на крупных заводах (Сормовском, Коломенском, Тульском оружейном и др.).

Изобретения, внедренные в производство, способствовали повышению производительности труда, ускоряли восстановление промышленности. Так, применение прибора для заливки подшипников баббитом, изобретенного рабочим ленинградского завода «Большевик» Квартальновым, сократило брак с 30—40% до 3—4% при экономии баббита на 50% [230]. Станок для холодного гнутья отводов (труб) в нефтяной промышленности, предложенный заведующим Сабунчинской механической мастерской (Баку) А. В. Бариновым, увеличил дневную производительность по этой операции в 350 раз [231]. Приспособление слесаря В. А. Гаркина для разделки концов медных радиаторных трубочек в авиапроизводстве увеличило производительность труда в 70 раз [232]. На ленинградском Металлическом заводе заведующий котельной мастерской Тихонов ввел загибание угольников в холодном виде, что сократило стоимость работ с 24 до 7 руб. Он же заменил ручную шлифовку листов машинной, скорость работы от этого увеличилась в пять раз [233]. Машина для резки стекла слесаря 2-й Государственной фабрики электроламп (Москва) Шаманина увеличила производительность труда на 200% и уменьшила брак на 5% [234]. Станок мастера Зоммета с завода «Красный треугольник» (Ленинград) для изготовления амортизационных шнуров увеличил производительность труда на этой операции на 500% и снизил брак с 25% до 4—5% [235]. На Тульском оружейном заводе в 1922 г. было внесено пять изобретений и усовершенствований, в 1923 г.— 63, в 1924 г.— 83, в 1925 г.— 132; в результате их реализации завод сэкономил 367 579 руб. [236] На каждом крупном предприятии имелись свои изобретатели.

Тысячи рационализаторских предложений предлагались на производственных совещаниях. В Москве и Московской губернии с октября 1924 г. до конца 1925 г. производственные совещания дали 16 403 предложения, из них было принято 9213 (57%) [237].

---

[230] ЦГАОР и СС, ф. 374, оп. 15, д. 1192, л. 138.
[231] «Бакинский рабочий», 13 апреля 1925 г.
[232] «Металлист», 1925, № 6, стр. 19.
[233] «Металлист», 1925, № 24, стр. 13.
[234] «Правда», 16 мая 1925 г.
[235] «Рабочий химик», 29 мая 1925 г.
[236] ЦПА ИМЛ, ф. 17, оп. 2а, д. 474/3, л. 34.
[237] «Работа Московского губернского совета профсоюзов с октября 1924 г. по январь 1926 г.» М., 1926, стр. 110.

В Ленинграде со времени появления производственных совещаний по декабрь 1925 г. они внесли 10 тыс. предложений [238]. Рабочие-печатники «Мосполиграфа», «Транспечати», Госиздата с зимы 1924 г. по сентябрь 1925 г. внесли 1243 предложения, из которых было выполнено 959 (72,2%) [239].

Не все предложения производственных совещаний внедрялись (это видно и из приведенных данных). Недостаточно учитывалась эффективность принятых предложений. Поэтому невозможно привести обобщающие цифры об экономическом эффекте производственных совещаний. Ясно одно, эффект был, и не малый. Кроме того, никакими цифрами не измерить рост активности рабочих масс, их стремление участвовать в управлении промышленностью. Именно производственные совещания давали возможность профсоюзам «перейти к упорной, деловой, рассчитанной на долгий ряд лет работе практического обучения рабочих и всех трудящихся управлять народным хозяйством целой страны, неуклонно повышая дисциплину труда и культурные формы борьбы за нее и за повышение производительности» [240].

Усилия Коммунистической партии, Советской власти и профсоюзов, направленные на улучшение производства и организацию трудового подъема рабочих, увенчались большим успехом. Приведем некоторые цифры, характеризующие рост производительности труда рабочих (данные в % к предыдущему году) [241]:

	1921 г.	1922 г.	1922/23 г.	1923/24 г.	1924/25 г.
Число рабочих	96,9	92,5	118,7	115,7	123,2
Валовая промышленная продукция	142,7	130,5	139,5	121,9	153,2
Валовая промышленная продукция на одного рабочего	147,2	141,1	117,7	105,1	124,3

Приведенные относительные величины свидетельствуют о том, что в 1921 г. численность рабочих по сравнению с 1920 г. сократилась на 3,1%, а валовая продукция цензовой промышленности увеличилась на 42,7%, а в среднем на одного рабочего увеличение промышленной продукции составило 47,2%. В 1922 г. число рабочих сократилось уже на 7,5%, валовая продукция увеличилась на 30,5%, на одного рабочего продукция увеличилась на 41,5%. Рост промышленной продукции при

[238] ЦПА ИМЛ, ф. 17, оп. 2а, д. 472/1, л. 67.
[239] «Печатник», 1925, № 19, стр. 5.
[240] «КПСС в резолюциях...», ч. I, стр. 608—609.
[241] «Итоги десятилетия Советской власти в цифрах. 1917—1927 гг.», стр. 230.

одновременном уменьшении числа рабочих — явление чрезвычайно характерное для первых лет восстановительного периода. Главной причиной этого было улучшение организации, более рациональное использование оборудования и рабочей силы, стремление рабочих во что бы то ни стало увеличить выработку промышленных изделий.

В 1922/23 г. началось увеличение численности рабочих. Выработка промышленной продукции продолжала расти. 1924/25 год дал наибольший прирост количества занятых рабочих и наивысший прирост валовой продукции.

За пять лет производительность труда в промышленности увеличилась в 3,5 раза (с 26% в 1920 г. до 92,3% в 1925 г. по сравнению с 1913 г.) [242]. Особенно быстро росла она в 1924—1925 гг., т. е. как раз в то время, когда развертывалась деятельность производственных совещаний: с сентября 1924 г. по сентябрь 1925 г. на 33% [243]. Среднемесячная производительность труда донецких шахтеров в 1921/22 г. равнялась 29% уровня 1913 г., а в 1924/25 г.— уже 75,2% [244]. У рабочих трестированной промышленности Урала этот показатель поднялся с 18,3% в 1920/21 г. до 93,9% в первом квартале 1924/25 г. [245] Выработка одного рабочего на Украине по сравнению с 1912 г. в 1921/22 г. составляла 28,9%, а в 1924/25 г.— 69,9% [246]. На строительстве электрических станций производительность труда к концу ноября 1924 г. равнялась в среднем 69% довоенного уровня, у землекопов — 75%, у каменщиков — 77% [247]. На строительстве Нижегородской электростанции выработка достигала 83% довоенной [248].

Рост производительности труда рабочих — самое яркое и неопровержимое свидетельство прочности и жизненности советского общественного и государственного строя, созданного творчеством передового класса, самый верный показатель достижений народных масс в строительстве социализма и коммунизма.

Приведенные выше факты о трудовом героизме рабочих масс в 1921—1925 гг. дают основание сделать выводы о том, что в то время происходил непрерывный процесс изменения и совершенствования форм сознательной трудовой активности рабочего класса. Общественная собственность на основные орудия и сред-

---

[242] Б. Маркус. Труд в социалистическом обществе. М., 1939, стр. 116.
[243] «Промышленность СССР в 1925/26 г. Ежегодник ВСНХ». М.— Л., 1927, стр. 45.
[244] Г. Д. Бакулев. Развитие угольной промышленности Донецкого бассейна. М., 1955, стр. 571.
[245] «Труд на Урале в 1924 г.», стат. сб. Свердловск, 1925, стр. 294.
[246] «Динамика народного хозяйства Украины 1921/22—1924/25 гг.» Харьков, 1926, стр. 16—17.
[247] ЦГАОР и СС, ф. 374, оп. 8, д. 1822, л. 158. При расчете условно принят 11-часовой рабочий день.
[248] Там же.

ства производства породила социалистическое отношение к труду. «Социализм,— говорил В. И. Ленин,— предполагает работу без помощи капиталистов, общественный труд при строжайшем учете, контроле и надзоре со стороны организованного авангарда, передовой части трудящихся; причем должны определяться и мера труда, и его вознаграждение» [249]. Во время гражданской войны и в восстановительный период появились социалистические формы труда. Одновременно возникли такие проявления трудового героизма рабочих, которые В. И. Ленин назвал ростками коммунизма, великим почином в выработке форм коммунистического труда. Это были прежде всего субботники и воскресники.

С переходом страны к мирному хозяйственному строительству на рельсах нэпа субботники и воскресники как наиболее яркое выражение трудового подъема периода гражданской войны постепенно утрачивали свое исключительное значение, хотя и не исчезли полностью.

В восстановительный период творчество рабочего класса поднялось на более высокую ступень по сравнению с годами военного коммунизма. Под влиянием целой системы экономических и культурно-политических мероприятий, проведенных партией и государством в первой половине 20-х годов, появились новые формы производственной активности, тесно связанные с задачей управления народным хозяйством. Ударные группы, производственные ячейки и кружки, производственные совещания и конференции — это новые методы организации труда и участия рабочих в руководстве производством. Правда, в 1921—1923 гг. эти новые формы охватывали только передовые слои рабочего класса. Основная толща рабочих не была еще вовлечена в сознательную борьбу за улучшение производства.

К концу восстановительного периода, когда отчетливо обозначились успехи в восстановлении народного хозяйства и подъем жизненного уровня трудящихся, Коммунистическая партия призвала рабочий класс усилить борьбу за повышение производительности труда. Среди рабочих крупной промышленности начался трудовой подъем. Производственные совещания приобрели общенародное значение. В них стали участвовать десятки и сотни тысяч рабочих и служащих. На крупнейших передовых предприятиях рабочие по собственной инициативе стали повышать свои производственные нормы и вызывать на соревнование рабочих других предприятий страны. Это были новые всходы социалистической организации труда, новые ростки коммунизма.

---

[249] В. И. Ленин. Соч., т. 30, стр. 260.

Глава VII

НОВЫЙ ПЕРИОД В ПОЛИТИЧЕСКОМ РАЗВИТИИ РАБОЧЕГО КЛАССА

Сплочение рабочего класса вокруг Коммунистической партии

Беспримерный героизм рабочего класса, его передовая творческая роль проявлялись не только в производстве, но и в разнообразной работе по укреплению советского строя. Свое руководство Советской страной рабочий класс осуществлял прежде всего через Коммунистическую партию, которая объединяла все лучшее, что было в его рядах, в рядах трудящегося крестьянства и трудовой интеллигенции.

Как и вся страна, РКП(б) в первые послевоенные годы переживала большие трудности. Десятки тысяч стойких рабочих-партийцев погибли на полях сражений. А в ряды РКП(б) в связи с тем, что она стала правящей партией, «устремились, ища приложения своих сил, такие группы и слои, которые при иных условиях находились бы не в рядах Коммунистической партии, а в рядах социал-демократии или другой разновидности мелкобуржуазного социализма»[1]. Эти элементы несли в нашу партию свою мелкобуржуазную психологию, мелкобуржуазные настроения и привычки. На составе партии отрицательно сказался также процесс распыления и деклассирования рабочего класса. XI съезд РКП(б) вынужден был констатировать: «...состав партии за последние годы становится менее однородным»[2]. В 1917 г. в рядах РКП(б) рабочие составляли 60,2%, крестьяне — 7,6%, служащие и прочие — 32,2%, в 1921 г. соответственно — 41%, 28,2%, 30,8%[3].

Новая экономическая политика в первое время усложнила деятельность партии. Некоторая часть ее членов крестьянского

[1] «КПСС в резолюциях...», ч. I, стр. 620.
[2] Там же.
[3] «Известия ЦИК», 24 сентября 1924 г.

происхождения, оказавшись в плену мелкобуржуазной идеологии, начала отходить от партии. Эта мелкобуржуазная волна потянула за собой и неустойчивых рабочих. По 15 губерниям, давшим сведения, число вышедших из партии среди рабочих составило 5%, среди крестьян — 17,6% [4]. Необходимо было укрепить ряды РКП(б). Именно с этой целью в 1921 г. на основании постановления X съезда была проведена чистка ее состава. Главной задачей чистки было усиление рабочего ядра в партии, освобождение ее от нетвердых, шкурнических, мещанских, бюрократических элементов.

В чистке принимали активное участие и беспартийные рабочие, которые проверяли, обсуждали поведение коммунистов и во многих случаях решали вопрос о дальнейшем пребывании их в РКП(б). Так, 25 октября состоялось общее собрание работников Московской государственной электрической станции. На собрании был заслушан доклад о чистке партии, после чего собрание обсудило поведение каждого коммуниста и вынесло решение о пребывании его в партии. Большинство членов ячейки получило положительную оценку и было оставлено в партии [5]. На чистке коммунистов объединенной ячейки двух кинешемских химических заводов присутствовало 50 беспартийных рабочих. Из 10 присутствовавших на собрании партийцев особо резкой критике подверглись двое. Один из них обвинялся в воровстве, грубости и заносчивости по отношению к беспартийным рабочим. Другой, бывший приказчик, был разоблачен рабочими как «старорежимник», мечтавший о возврате буржуазного строя. Выступавшие на собрании беспартийные рабочие требовали от коммунистов моральной чистоты, примерного поведения в работе и быту [6]. В чистке партийной организации Петроградской губернии участвовало 20 тыс. беспартийных рабочих [7].

В результате чистки из рядов РКП(б) были исключены все те, кто ослаблял моральную силу партии, тормозил ее организаторскую деятельность, подрывал связь с рабочим классом. Ко времени чистки в партии насчитывалось 658 839 членов. В результате чистки из ее рядов было исключено 141 559 человек. Вышло добровольно 17 796. Всего выбыло 159 355 человек (без Брянской и Астраханской губерний и Туркестана). Среди них было 20,4% рабочих, 44% крестьян, 23,8% служащих и лиц «свободных профессий», прочих и не указавших свое социальное положение — 11% [8].

В партии осталось 499 484 коммуниста. Прием новых членов временно был сокращен. Партия не гналась за количеством. При деклассировании пролетариата, при разбухании штатов

---

[4] «Известия ЦК РКП(б)», 1922, № 11-12, стр. 30.
[5] ГАОРСС МО, ф. 186, оп. 1, д. 554, л. 42.
[6] «Правда», 25 сентября 1921 г.
[7] ЦПА ИМЛ, ф. 17, оп. 4, д. 686, л. 27.
[8] «Известия ЦК РКП(б)», 1922, № 4, стр. 12, 21.

советских учреждений быстрый рост рядов РКП(б) означал бы засорение ее непролетарскими элементами. Накануне XI съезда встал вопрос о необходимости удлинить кандидатский стаж для вступления в партию.

По уставу, принятому в декабре 1919 г. на VIII Всероссийской конференции, рабочие и крестьяне при вступлении в РКП(б) проходили двухмесячный, а все остальные — шестимесячный кандидатский стаж [9]. 26 марта 1922 г. В. И. Ленин предложил увеличить кандидатский стаж для рабочих до шести месяцев, причем он настаивал на том, чтобы «определить понятие «рабочий» таким образом, чтобы под это понятие подходили только те, кто на самом деле по своему жизненному положению должен был усвоить пролетарскую психологию. А это невозможно,— писал он,— без многих лет пребывания на фабрике без всяких посторонних целей, а по общим условиям экономического и социального быта» [10].

XI съездом партии были приняты новые уставные положения, затруднявшие вступление в ее ряды для непролетарских элементов. Съезд установил кандидатский стаж для рабочих и красноармейцев из рабочих и крестьян не менее шести месяцев, для крестьян и кустарей один год и для прочих два [11].

Чистка рядов и новые правила приема не были единственным средством укрепления РКП(б). Улучшению работы партии и росту ее влияния среди трудящихся способствовало налаживание работы партийных ячеек на фабриках и заводах.

Партийные ячейки в промышленности в то время были еще малочисленны, лучшие силы из них во время гражданской войны были посланы на другие участки. 4 мая 1921 г. в «Правде» было опубликовано письмо группы коммунистов, работавших в промышленности. Они сообщали: «Благодаря постоянному выкачиванию партийных работников с фабрик и заводов на фронт и на советскую работу ячейки предприятий чрезвычайно слабы и не в состоянии проводить какую бы то ни было самостоятельную партийную работу» [12]. В 1921 г. в Курске был проведен точный учет коммунистов, порвавших связь с производством. Выяснилось, что из 280 металлистов только 28 работали по своей специальности [13].

По данным Орготдела ЦК РКП(б), коммунисты составляли 3,5% всех рабочих, занятых на предприятиях, и 6,1% служащих, работавших в советских учреждениях [14]. Необходимо было во что бы то ни стало изменить это соотношение.

---

[9] «КПСС в резолюциях...», ч. I, стр. 462.
[10] В. И. Ленин. Соч., т. 33, стр. 229.
[11] «КПСС в резолюциях...», ч. I, стр. 624.
[12] «Правда», 4 мая 1921 г.
[13] ЦПА ИМЛ, ф. 17, оп. 4, д. 461, л. 10.
[14] «Известия ЦК РКП(б)», 1922, № 8, стр. 28.

X съезд РКП(б) в резолюции «По вопросам партийного строительства» в специальном разделе «Ячейки и их работа»[15] дал подробные указания о том, как укрепить ячейки в промышленности, улучшить их работу и расширить связь с рабочими массами. Предлагалось произвести переброску максимального числа коммунистов из советских учреждений на заводы и фабрики и с менее важных предприятий на крупные, использовать коммунистов непосредственно на производстве, у станка, с тем чтобы они личным примером показывали трудящимся, как надо повышать производительность труда. В целях пропаганды идей Коммунистической партии съезд рекомендовал устраивать на фабриках и заводах открытые собрания ячеек для обсуждения вопросов советского и профессионального строительства, положения предприятия, быта рабочих и служащих, а также постановлений и декретов Советской власти.

7 мая 1921 г. ЦК РКП(б) опубликовал письмо «Об отношении к беспартийным рабочим», в котором предписал всем партийным организациям во что бы то ни стало усилить связь коммунистов с беспартийными. «Тот не коммунист,— говорилось в письме,— кто не сумел сгруппировать вокруг себя несколько честных беспартийных рабочих, войти с ними повседневно в сношения, бывать у них дома, помогать им в повседневном быту, снабжать их газетой, выдвигать из их среды работников в профсоюзы и советские органы»[16].

Рабочий класс — основной источник жизненной силы Коммунистической партии. Именно из этого источника она черпала новые силы, получала пополнения, выдвигала преданных великим идеям коммунизма организаторов трудящихся масс. Поэтому укрепление связи с рабочими массами ЦК считал основным средством оживления работы ячеек РКП(б).

Выполняя решение X съезда и директиву ЦК, партийные организации промышленных центров произвели переброску коммунистов из советских учреждений на фабрики и заводы. Московский комитет РКП(б), например, перевел из учреждений на промышленные предприятия 1337 человек. В Туле на военный завод за 15 месяцев был возвращен 21 коммунист. В Гомеле на производство было послано 60, в Одессе — 15 партийцев[17]. В Петрограде в июле 1922 г. по решению губкома из советских и хозяйственных учреждений на заводы было переведено свыше 50 человек и намечено к переводу еще около 100[18]. В Иваново-Вознесенске за сентябрь 1921 г.— январь 1922 г. на фабрики и заводы перешло 50 коммунистов, в Тейкове — 40[19]. Как видно из отчета Екатеринославского губкома от 27 сентяб-

[15] «КПСС в резолюциях...», ч. I, стр. 523—525.
[16] «Правда», 7 мая 1921 г.
[17] «Известия ЦК РКП(б)», 1922, № 8, стр. 29.
[18] ЦПА ИМЛ, ф. 17, оп. 4, д. 685, лл. 88, 89.
[19] Там же, д. 331, л. 2.

ря 1922 г., в городе Екатеринославе к станку встали 74 партийца [20].

Приведенные цифры никоим образом не являются исчерпывающими. Это лишь отдельные примеры, характеризующие заботу партии об оживлении партийной работы в промышленности.

Переброска коммунистов из учреждений на предприятия активизировала фабрично-заводские организации, способствовала росту их авторитета среди беспартийных рабочих.

В соответствии с указаниями X съезда РКП(б) ячейки отчитывались на открытых партийных собраниях. По сведениям из 17 губерний, в мае 1922 г. состоялось 2273 открытых партийных собрания, на которых присутствовало 127 242 человека [21]. В Туле на Оружейном заводе за полтора месяца открытые партийные собрания, кружки и т. п. посетило 10 836 беспартийных рабочих. На собраниях ячейки завода б. «Дюмо» (Царицын) в октябре 1922 г. присутствовало в среднем 20, а в ноябре — 100 беспартийных. Открытые собрания ячейки Мотовилихинского завода в октябре 1922 г. посетили 100, а в декабре — 350 рабочих [22].

Укреплению влияния Коммунистической партии среди широких слоев трудящихся служили также беспартийные рабочие конференции. Они помогали партии следить за настроением масс, сближаться с ними, отвечать на их запросы, выдвигать из них лучших людей на организаторскую работу.

Центральный Комитет РКП(б) принял специальные меры по оживлению партийной работы на основных участках промышленности. В январе 1923 г. в важнейших индустриальных районах страны было выделено 18 парткомов и ячеек, за которыми было установлено непосредственное наблюдение ЦК. В их число входили Сормовский и Выксунский укомы, Фабрично-заводской, Балахано-Сабунчинский и Балиево — Биби-Эйбатский райкомы Баку, а также тверской Фабричный, тульский Зареченский, харьковский Петинский, Ижевский и другие городские райкомы, ячейки Брянского и Мотовилихинского заводов и Иваново-Вознесенской мануфактуры. Эти районы и ячейки систематически инструктировались ЦК, получали от него литературу, лекторов и т. д. ЦК заслушивал доклады секретарей выделенных райкомов [23].

Начавшийся подъем промышленности явился объективной основой сплочения рабочих масс под знаменем Коммунистической партии. ЦК РКП(б) в своем отчете за октябрь — ноябрь 1922 г. отметил рост авторитета РКП(б) и Советской власти в глазах беспартийных масс. Вокруг партии образовался новый

[20] ЦПА ИМЛ, ф. 17, оп. 4, д. 696, л. 127.
[21] «Известия ЦК РКП(б)», 1922, № 8, стр. 32.
[22] «Известия ЦК РКП(б)», 1923, № 3, стр. 122.
[23] «Известия ЦК РКП(б)», 1923, № 9-10, стр. 82—83.

актив, из которого в Москве, Гомеле, Баку и некоторых других городах складывались группы содействующих Коммунистической партии. Правда, ЦК высказался против создания таких групп, не связанных внутренней дисциплиной и недостаточно определенных в политическом отношении. Тем не менее их возникновение было показателем начавшегося прилива в партию новых свежих сил, что и отмечалось Центральным Комитетом [24]. Это содействовало улучшению социального состава РКП(б).

Сплочение рабочих масс вокруг партии большевиков заметно проявилось во время празднования 25-летия I съезда партии (14 марта 1923 г.). На заводах и фабриках состоялись юбилейные собрания и вечера, чествование ветеранов революции. Беспартийные рабочие преподносили ячейкам РКП(б) подарки, знамена, адреса, вступали в партию. В адрес партийных органов, газет и журналов поступали письма трудящихся, в которых они выражали глубокую любовь к своей славной партии и ее великому основателю, учителю и вождю В. И. Ленину.

В день рождения В. И. Ленина, 22 апреля, ему прислали приветствия не только редакции газет, центральные комитеты различных профессиональных союзов, партийные, профсоюзные и общественные организации, коллективы предприятий и учреждений, но и отдельные рядовые рабочие и группы рабочих.

Владимир Ильич в это время был тяжело болен. В своих письмах и приветствиях, в выступлениях на собраниях трудящиеся выражали тревогу за его здоровье и надежды на то, что он снова вернется к работе. По этим письмам и выступлениям можно судить, как дорог был В. И. Ленин рабочим, как прочно был он связан с народом.

С трибуны XII съезда РКП(б) представитель беспартийных рабочих трамвайной электрической станции (Москва) говорил: «Мы просили вас озаботиться, чтобы скорее восстановить здоровье нашего уважаемого вождя тов. Ленина и передать ему, что мы, беспартийные рабочие и работницы, металлисты трамвайной станции, идем под руководством Коммунистической партии по пути восстановления промышленности и электрификации» [25].

27 апреля на собрании работниц завода «Серп и молот» (Москва) обсуждался вопрос «О здоровье т. Ленина». Постановили: «К 1 Мая зачислить почетными работницами-металлистками завода «Серп и молот» Н. К. Крупскую и М. И. Ульянову как самоотверженных, неустанных друзей-сиделок, нежно оберегающих здоровье т. Ленина» [26].

Тревоги и надежды трудящихся СССР хорошо выразил поэт

---

[24] «Известия ЦК РКП(б)», 1922, № 11-12, стр. 4.
[25] «XII съезд РКП(б)», стеногр. отчет. М., 1923, стр. 486.
[26] ГАОРСС МО, ф. 186, оп. 1, д. 588, л. 14.

Демьян Бедный в стихотворении «Любимому», опубликованном «Правдой»:

Живые, думаем с волненьем о живом
И верим, хоть исход опасности неведом,
Что снова на посту ты станешь боевом,
Чтоб к новым нас вести победам.
В опасности, тесней смыкая фронт стальной,
Завещанное нам тобой храня упорство,
Мы возбужденно ждем победы основной,
Которой кончишь ты, любимый наш, родной,
С недугом злым единоборство [27].

Поток дружеских писем, телеграмм и резолюций от рабочих, работниц, рабочей молодежи В. И. Ленину продолжался весь 1923 г. Эти послания были переполнены искренней и трогательной любовью к своему вождю, учителю и другу. Смерть В. И. Ленина 21 января 1924 г. была тяжелым ударом для рабочего класса. Однако она не вызвала растерянности. Идеи великого Ленина сильнее смерти. Они бессмертны. Они звали рабочих к сплочению вокруг партии и Советской власти. «Эта незаменимая потеря,— говорилось в обращении пленума ЦК РКП(б),— всколыхнула, потрясла, пробудила к новым усилиям сотни тысяч рабочих, протянувших свои руки на помощь нашей партии» [28].

Могучий пролетарский призыв сплотиться вокруг партии звучал по всей стране. «Ты умер,— писали рабочие завода им. Петровского,— но твои заветы, Ильич, останутся вечно живыми, и под руководством нашего авангарда, Коммунистической партии большевиков, мы, сплотившись вокруг нее, будем продолжать великое дело коммунизма-ленинизма до окончательной победы рабочего класса во всем мире» [29]. Еще в дни траурных собраний и митингов на заводах и фабриках Советской страны началось массовое вступление рабочих в РКП(б).

31 января ЦК партии объявил ленинский призыв в партию рабочих от станка. В ее ряды вступило тогда более 200 тыс. человек [30]. Железнодорожники и водники дали своей партии 53 770 членов, металлисты — 38 760, шахтеры, нефтяники, рудокопы и другие горнорабочие — 24 130, текстильщики — 19 760, пищевики — 12 920 [31].

Среди рабочих, вступивших в партию во время ленинского призыва, преобладали кадровые, наиболее сознательные пролетарии. В среднем к моменту вступления в партию каждый из них проработал у станка около 10—11 лет. В шести организа-

[27] «Правда», 22 апреля 1923 г.
[28] «КПСС в резолюциях...», ч. I, стр. 808.
[29] «Пролетарий», 26 января 1924 г.
[30] «Ленинский призыв РКП(б)». М.— Л., 1925, стр. 13.
[31] Там же, стр. 19—20.

циях (Краснопресненской г. Москвы, Володарской г. Ленинграда, Юзовской в Донбассе, Нижегородской, Смоленской, Тульской) квалифицированных рабочих в составе призыва было 62%, полуквалифицированных — 18%, неквалифицированных — 20% [32].

В движении за поддержку ленинской партии, за вступление в ее ряды участвовал весь рабочий класс, все его многочисленные отряды. Каждый профсоюз, промышленный центр, город, фабрика, завод, мастерская стремились послать в партию Ленина лучших своих сынов и дочерей, стать примером верности ленинизму. Как и следовало ожидать, гранитной опорой Коммунистической партии и на этот раз оказались наиболее промышленные республики и области (центральные губернии РСФСР, Украина, Урал). Стремительный рост числа коммунистов наблюдался также в Закавказье, Сибири, Белоруссии, Средней Азии.

Прилив рабочих в ряды РКП(б) не прекратился и после ленинского призыва. В январе — феврале 1925 г., в первую годовщину со дня смерти В. И. Ленина, в ее состав было принято 60 335 человек, из них 63% рабочих [33].

В результате мощного притока рабочих ряды партии расширились к 1 января 1926 г. до 1 002 489 членов и кандидатов, из которых 58,1% были рабочими. В центральных промышленных губерниях удельный вес рабочих в партии в это время составлял 69,5%, в Московской губернии — 72%, в Ленинградской — 79,3% [34].

Росла сознательность рабочего класса, его верность марксизму-ленинизму, рабочие массы сплачивались вокруг своей партии и правительства, рабочий класс политически и идейно консолидировался.

Вследствие этого распадались и исчезали с политической арены мелкобуржуазные партии.

Враги диктатуры пролетариата возлагали надежды на то, что партия большевиков не сумеет вывести страну из разрухи, рабочий класс не осилит экономических и политических трудностей, не справится с руководством народным хозяйством. Стремление русских рабочих к социализму меньшевики считали утопическим и объясняли его «незрелостью русского капитализма», недостаточной дифференцированностью пролетариата от крестьянства. «Утопия пролетариата,— писал Мартов,— состоит в стремлении низвергнуть частную собственность на средства производства на такой стадии хозяйственного развития, когда для подобного преобразования нет в наличности ни технических, ни экономических, ни социальных предпосылок». Новая экономическая политика Советского правительства, по мнению меньшевиков, означала «социальное перерождение Советской власти»

[32] Там же, стр. 21.
[33] «Известия ЦК РКП(б)», 1925, № 19-20, стр. 14, 15.
[34] «ВКП(б) в цифрах», вып. 5. М.— Л., 1926, стр. 15.

и Коммунистической партии. С переходом к нэпу, заявляли они, большевики встали на путь ограждения и формирования новой буржуазии.

Исходя из такого антинаучного и контрреволюционного прогноза, меньшевики рекомендовали всем своим сторонникам препятствовать ограничительной политике Советской власти в отношении капиталистических элементов. Такова была экономическая платформа меньшевиков.

В качестве политической цели они выдвигали переход от диктатуры пролетариата к буржуазной республике, для чего считали необходимым свержение Советской власти при помощи иностранной военной интервенции. Эсеры, так же как и меньшевики, ставили своей задачей уничтожение Советской власти и установление буржуазных порядков.

Однако враги Советской власти просчитались. Коммунистическая партия установила прочный экономический союз между рабочим классом и крестьянством, укрепила диктатуру пролетариата, организовала подъем социалистической промышленности и всего народного хозяйства. Жизнь подтвердила правильность теории марксизма-ленинизма, политики РКП(б). Партия большевиков, вопреки утверждениям представителей мелкобуржуазных партий, оказалась способной не только организовать свержение буржуазии и помещиков, но и повести рабочий класс и всех трудящихся на борьбу с разрухой, за восстановление и перестройку народного хозяйства. Советская власть не только доказала свою жизнеспособность, но и утвердилась как единственно возможная, подлинно демократическая и справедливая революционная власть рабочих и крестьян, способная беспощадно раздавить своих врагов и построить новую, счастливую жизнь.

В июне 1922 г. в Москве состоялся судебный процесс над правыми эсерами, который дал возможность всенародно разоблачить их как врагов советского строя, которые не только предавали интересы трудящихся до октября 1917 г., но и с момента возникновения государства рабочих и крестьян вели против него кровавую борьбу.

Еще до начала процесса многие заводские коллективы выразили свое твердое пролетарское мнение об этих так называемых социалистах-революционерах. 26 мая делегатское собрание Сормовского завода заявило: «Судебный процесс над эсерами должен пригвоздить к позорному столбу в целом партию эсеров и заклеймить их презрением рабочего класса» [35].

Во время суда над эсерами на фабриках и заводах Советской страны состоялись многолюдные рабочие собрания. Их резолюции свидетельствовали о политической зрелости рабочего класса, о его справедливой классовой ненависти ко всем врагам Коммунистической партии и Советской власти. Рабочие едино-

[35] ЦГАОР и СС, ф. 5469, оп. 6, д. 53, л. 44.

душно требовали беспощадного возмездия врагам народа — правым эсерам. Прежде чем суд произнес свой приговор, его произнес народ. Суд над эсерами еще раз показал, что рабочий класс поддерживает свою славную Коммунистическую партию и родную Советскую власть.

Партии меньшевиков, эсеров, анархистов, бундовцев и прочие быстро разлагались, теряли под собой почву, последнюю опору, последние надежды на существование хотя бы в виде мелких, ничтожных групп. От лидеров этих партий отворачивались последние их сторонники из мелкой буржуазии, интеллигенции и отсталых слоев рабочих. В периодической печати того времени публиковались заявления бывших меньшевиков, эсеров, максималистов, анархистов, бундовцев и т. д. о присоединении к РКП(б).

Разложение мелкобуржуазных партий началось еще в годы гражданской войны. В 1920 г. на Украине прекратили свое существование различные националистические разновидности эсеров (боротьбисты и борьбисты) и меньшевиков (незалежники и др.).

В начале восстановительного периода исчез с политической сцены бунд. В марте 1921 г. на своей чрезвычайной конференции в Минске бундовцы приняли постановление о слиянии с РКП(б) [36].

В марте 1923 г. в Москве состоялся съезд бывших рядовых членов партии эсеров. Съезд признал банкротство партии и контрреволюционность ее руководящих органов. Делегаты постановили ликвидировать партию эсеров, заявили о своем присоединении к Программе РКП(б) и желании вступить в ее ряды. Участники съезда направили приветствие В. И. Ленину и Коминтерну. Началась самоликвидация губернских организаций социалистов-революционеров. ЦК РКП(б) постановил организовать на местах комиссии по приему в РКП(б) бывших эсеров, полностью порвавших со своей организацией [37].

Бесславно прекратила свое существование партия меньшевиков. Рабочие Москвы, Петрограда, Киева, Екатеринослава, Одессы, Донбасса, Урала, Закавказья вполне сознательно и активно освобождались от мелкобуржуазного влияния. Меньшевистские организации распадались и прекращали свое существование. Особенно характерен был процесс разложения меньшевизма в Грузии. Здесь, как об этом сообщил Г. К. Орджоникидзе на XII съезде партии, меньшевики уходили из своей партии десятками и сотнями. Только в марте 1923 г. из ее рядов вышло 456 человек.

Показателем сплоченности рабочего класса вокруг Коммунистической партии явились выступления беспартийных рабочих на

---

[36] «Известия ЦК РКП(б)», 1921, № 31, стр. 10.
[37] «Известия ЦК РКП(б)», 1923, № 5, стр. 12; «Правда», 22 марта 1923 г.

XII съезде РКП(б) в мае 1923 г. «Мы шли за вами,— говорил представитель Юзовки,— и верили вам как партии рабочих, как кости от кости рабочего класса, как своему детищу»[38]. Петроградские рабочие писали съезду: «Рабочие Питера теперь, как и всегда, громогласно заявляют: мы доверяем осуществление нашей рабочей диктатуры нашему верному испытанному вождю — Российской Коммунистической партии»[39].

Отвечая на приветствия, М. В. Фрунзе от имени съезда заверил всех трудящихся, что партия верна великому учению Ленина, что она крепка и едина, что съезд принял меры по дальнейшему укреплению диктатуры пролетариата и союза рабочих и крестьян. Фрунзе отметил факт искоренения меньшевизма в рядах рабочего класса: «Вы сказали нам, что было время, года 2—3 назад, когда вы шатались справа налево и слева направо. Но теперь от этого ничего не осталось. Лучшее подтверждение этому мы видим в выступлении здесь печатников и в частности бывших сытинцев, которые когда-то были твердыней меньшевизма, а теперь же с меньшевизмом там все покончено, как об этом нам сказали товарищи печатники. И это говорит также о том, что покончено с язвой меньшевизма во всей толще рабочего класса всех советских республик»[40].

Таким образом, к середине восстановительного периода рабочий класс навсегда освободился от влияния мелкобуржуазных политических партий. Остатки их ютились теперь за границей в качестве эмигрантских групп, переставших быть идейным течением внутри рабочего класса и поступивших в услужение к империалистам. Они продолжали издавать свои газеты, полные контрреволюционных выпадов против Советского государства и грязной клеветы на Коммунистическую партию и рабочий класс СССР. Бывшие лидеры меньшевиков и эсеров выступали поджигателями войны против страны, строившей социализм.

Передовая роль рабочего класса в хозяйственном и государственном строительстве

Такие важные исторические явления, как массовое вступление рядовых рабочих в РКП(б) и изгнание ими из своих организаций представителей мелкобуржуазных партий, свидетельствовали о том, что рабочие стремились принять еще более активное участие в политической жизни страны.

Основоположники марксизма-ленинизма учили, что государство пролетариата есть государство нового типа. Оно уже не является машиной для подавления большинства трудящихся меньшинством эксплуататоров. Отличительной особенностью нового государства стала демократия для абсолютного боль-

[38] «XII съезд РКП(б)», стр. 85.
[39] Там же, стр. 485.
[40] Там же, стр. 516.

шинства народа, руководство этого большинства всеми делами общества.

Однако при создании нового государственного аппарата Коммунистической партии пришлось использовать старое чиновничество. «Мы должны управлять,— говорил В. И. Ленин,— с помощью выходцев из того класса, который мы свергли»[41]. Вполне естественно, что представители буржуазной интеллигенции, воспитанные в условиях буржуазного строя, вносили в практику работы государственных учреждений бюрократизм и пренебрежительное отношение к нуждам и запросам трудящихся. Для борьбы с этим наследием прошлого нужно было систематически заменять старых чиновников администраторами из рабочей среды.

Диктатура пролетариата не имела бы под собой прочного фундамента, если бы в советских, промышленных, торговых, финансовых и прочих государственных учреждениях как в центре, так и на местах не было представителей рабочего класса, не было людей, способных отстоять линию Коммунистической партии, интересы трудящихся. Поэтому по мере развития советской государственности к управлению страной привлекались все более широкие слои рабочих и крестьян. Еще до Великой Октябрьской социалистической революции рабочий класс России выдвинул из своей среды, а также из среды близкой ему по духу части интеллигенции плеяду блестящих организаторов, которые после создания рабоче-крестьянского государства стали выдающимися деятелями Советской страны. В годы гражданской войны выросли новые политические, военные и хозяйственные руководители. В условиях восстановительного периода тысячи представителей рабочего класса и других слоев трудящихся пришли к управлению государственным аппаратом, промышленностью, транспортом, кооперацией и т. д. В наказе СНК и СТО местным советским учреждениям, утвержденном ВЦИК 30 июня 1921 г., были даны директивы о всемерном и систематическом выдвижении рабочих и крестьян на руководящую работу. Наказ требовал, чтобы местные учреждения сообщали в своих отчетах Совету Труда и Обороны о беспартийных, доказавших свою честность на работе и пользовавшихся бесспорным уважением завода, села, волости и т. п.[42]

Необходимо достигнуть, говорилось в циркуляре РКП(б) «О привлечении беспартийных к советской работе», «не только укрепления в массе доверия к Советской власти, но и действительно увеличения способных практических работников — организаторов в советском аппарате, непосредственно знакомых с условиями жизни и нуждами рабочих и крестьян». «Основным источником,— указывал ЦК партии,— из которого следует

---

[41] В. И. Ленин. Соч., т. 30, стр. 428.
[42] СУ, 1921 г., № 44, ст. 223.

Бывшие фабричные и заводские рабочие, бывшие батраки под руководством партии ломали вековые предрассудки о неспособности трудящихся управлять страной и строили новую, советскую государственность. К концу восстановительного периода не было ни одного советского учреждения, куда партия не направила бы рабочих-выдвиженцев. Приведем несколько примеров.

В ноябре 1925 г. в Наркомтруде РСФСР работало 11 рабочих. Конфликтным подотделом заведовал токарь по металлу с фабрики «Освобожденный труд» И. Д. Солнцев. Рабочий завода «Богатырь» Ф. П. Бобрин являлся помощником заведующего подотделом правовой инспекции. Рабочий И. А. Горячев был назначен инструктором наркомата, а затем заведующим Сокольнической биржей труда (Москва) [54]. Рабочий типографии «Красный маяк» И. Н. Хромов стал следователем при прокуроре республики [55]. В Наркомземе в ноябре 1925 г. на различных должностях находилось 13 выдвиженцев [56]. В Наркомздрав было направлено семь рабочих: два столяра, наборщик, два вальцовщика, токарь по металлу, домашняя хозяйка. Они начали работать в административно-хозяйственном, лечебном и других отделах [57]. В Наркомате иностранных дел на различных участках работали восемь выдвиженцев: портной из «Москвошвея», слесарь, токарь, гравер, два наборщика, печатник, переплетчик. Один из них был послан секретарем генерального консульства в Риге, другой назначен референтом подотдела Центральной Европы [58]. В НКВД была направлена группа московских рабочих: чернорабочий, водопроводчик, литейщик, бондарь, механик и др. [59] Выдвиженцы были и в Наркомпросе. Сюда попала швея Кошелева, ее назначили методистом-организатором Главного управления социального воспитания. Слесарь завода АМО Степанов стал научным специалистом по школам ФЗУ, электромонтер А. Никитин — заведующим информационным подотделом [60].

Выдвижением организаторов из среды рабочих и служащих партия занималась с первых дней Октябрьской революции. Одним из краеугольных камней политического курса РКП(б), разработанного и обоснованного Лениным на XI съезде партии, являлся подбор кадров, воспитание из рабочих и крестьян хозяйственников и администраторов нового типа. В этом Коммунистическая партия видела одно из важнейших условий успешной деятельности Советской власти. «Гвоздь положения,— гово-

---

[54] ЦПА ИМЛ, ф. 17, оп. 6/№, д. 120, л. 72.
[55] Там же, л. 13.
[56] Там же, л. 14.
[57] Там же, л. 21.
[58] Там же, л. 28.
[59] Там же, л. 30.
[60] Там же, л. 19.

рил В. И. Ленин на XI съезде РКП(б),— в людях, в подборе людей» [61].

К началу 1924 г. более 51% председателей правлений трестов вышли из рабочих. В текстильных трестах этот показатель поднимался до 62%, в металлических — до 77% [62]. Среди 639 директоров предприятий рабочих было 35,7%, среди их заместителей — 25,2% [63]. В составе директоров металлических предприятий рабочие составляли 73%, электротехнических — 75%, текстильных — 54%, химических — 25% [64]. Директора из рабочих возглавляли главным образом крупные фабрики и заводы. И это было не единичным, а массовым явлением.

Образец высокой активности в формировании руководящих кадров показал Союз металлистов, являвшийся, по словам М. И. Калинина, наиболее яркой интеллектуальной силой из всех отрядов рабочего класса [65]. Металлисты выдвинули наибольшее число командиров промышленности. 55% рабочих, находившихся на ответственных постах в крупнейших трестах, вышло из их рядов. Металлисты дали руководителей не только для металлической, но и для текстильной, горной и химической отраслей индустрии. Из 228 директоров 137 (60%) до революции были металлистами, 52 (23%) — текстильщиками и 4 (2%) — химиками.

Выдвинулось немало талантливых, опытных красных, как их тогда называли, директоров промышленных предприятий: сновальщик Н. В. Корчагин на Введенской фабрике тонких сукон, ткач И. А. Антипов на Вознесенской ткацкой вязальной фабрике, ткач И. Н. Карасев на Голутвинской мануфактуре [66], М. Г. Филиппов на Мытищинском вагоностроительном заводе [67], слесарь Баргамов на табачной фабрике «Дукат». Путь Баргамова был типичным для того времени: в 1918 г. он был избран на общем собрании рабочих членом заводоуправления и избирался на эту должность три года подряд, в 1920 г. назначен управляющим, а 1 октября 1921 г.— директором фабрики [68]. На бывшей Старо-Горкинской мануфактуре директором стал в прошлом рабочий Я. А. Родионов [69]. Потомственный шахтер К. Н. Коробкин был выдвинут на пост управляющего Горловским рудником [70].

Назначение на руководящую хозяйственную работу было для простого рабочего ярким и волнующим событием. Оно

---

[61] В. И. Ленин. Соч., т. 33, стр. 271—272.
[62] «Комсостав крупной промышленности». М., 1924, стр. 13—14.
[63] Там же, стр. 37.
[64] Там же, стр. 38.
[65] Выступление М. И. Калинина на VI Всероссийском съезде металлистов 19 июня 1923 г. см. ЦГАОР и СС, ф. 5469, оп. 7, д. 6, л. 49.
[66] ГАОРСС МО, ф. 627, оп. 2, д. 351, лл. 53, 57, 76.
[67] «Правда», 18 ноября 1922 г.
[68] «Правда», 22 октября 1922 г.
[69] «Правда», 4 января 1923 г.
[70] «Правда», 4 марта 1923 г.

налагало на него большую ответственность. Директору требовались немалые знания в области техники и экономики. Этих знаний у рабочих не было. У них был богатый профессиональный и жизненный опыт, понимание классового пролетарского долга, но этого для руководства промышленным предприятием оказывалось недостаточно. Поэтому выдвиженцам приходилось одновременно работать и учиться. Учиться у тех специалистов, которые честно служили Советской власти, учиться даже у своих открытых врагов — промышленников, торговцев, арендаторов, допущенных новой экономической политикой к деятельности в сфере материального производства.

Рабочие, ставшие руководителями и организаторами трестов и промышленных предприятий, успешно преодолевали трудности, они справились с налаживанием производства и на деле доказали, что трудящиеся самостоятельно могут управлять народным хозяйством и не нуждаются в «услугах» капиталистов.

Одним из главных каналов притока новых сил к управлению государством являлась Рабоче-крестьянская инспекция. Именно РКИ в самый короткий срок должна была научить десятки тысяч рабочих и крестьян делу государственного управления. По мысли В. И. Ленина, через участие в инспекции необходимо было провести «*всю* трудящуюся массу»[71].

Распространенными формами этого участия в 1921 г. являлись ячейки содействия РКИ на предприятиях, а также секции РКИ при городских Советах. Кроме того, для работы в органах Рабоче-крестьянской инспекции фабрики и заводы посылали своих делегатов (временных членов РКИ), которые в течение четырех месяцев занимались исключительно инспектированием.

Количество рабочих, участвовавших в работе РКИ, заметно сократилось к концу восстановительного периода: в связи с переходом на хозяйственный расчет промышленные предприятия меньше стали посылать своих представителей в органы инспекции. Им это было невыгодно, так как делегаты, не участвуя в производстве, получали заработную плату. Ячейки содействия РКИ в новых условиях тоже оказались не совсем подходящей формой. В 1924—1925 гг. рабочие участвовали в Рабоче-крестьянской инспекции преимущественно через соответствующие секции городских Советов и фабрично-заводские комитеты[72].

Рабоче-крестьянская инспекция проводила массовые обследования и ревизии предприятий, советских учреждений, столовых, школ, складов и т. д. Активную роль в обследованиях и ревизиях играли фабрично-заводские рабочие, которые от имени своего класса и всех трудящихся осуществляли всенародный

[71] Ленинский сборник, VIII, стр. 25.

[72] 21 мая 1924 г. ВЦСПС и НК РКИ опубликовали циркуляр «О связи фабзавкомов с органами РКИ».— «Труд», 21 мая 1924 г.

контроль за работой государственного аппарата. В этой полезной и содержательной работе они приобретали знания, опыт и организаторские навыки. Многие рабочие переходили затем на постоянную работу в РКИ.

Исключительную роль в сплочении рабочего класса вокруг Коммунистической партии и Советского правительства, в выдвижении рабочих к руководству страной играли профсоюзы. Правда, в первый послевоенный год они переживали большие трудности. Во время гражданской войны немало руководящих работников и рядовых членов профессиональных союзов сложили свои головы за Советскую родину. Трудности, которые переживали профсоюзы в послевоенное время, определялись также неналаженностью их внутренней организационной структуры.

XI съезд партии осудил формальное зачисление в союз поголовно всех лиц наемного труда, что приводило к бюрократизму в деятельности профсоюзных органов и отрыву их от рабочих масс. Съезд указал на необходимость перехода к добровольному членству и подчеркнул, что «связь с массой, т. е. с громадным большинством рабочих (а затем и всех трудящихся), является самым важным, самым основным условием успеха какой бы то ни было деятельности профсоюза»[73].

Съезд рекомендовал подбирать для руководящей работы в профессиональных союзах таких людей, которые хорошо знают жизнь рабочих, умеют безошибочно определять их настроение и стремления, степень сознательности, силу влияния на них предрассудков и пережитков, умеют завоевать безграничное доверие массы товарищеским отношением к ней, заботливым удовлетворением ее нужд.

В соответствии с постановлением XI съезда РКП(б) было введено добровольное профсоюзное членство. Меньшевики и эсеры в связи с этим подняли злобный вой о кризисе и банкротстве Коммунистической партии, предсказывали гибель промышленности, уход рабочих из профсоюза и т. д., старались, воспользовавшись условиями нэпа, создать «независимые» от руководства Коммунистической партии профсоюзы. Однако враги Советской власти вновь просчитались. Рабочие и служащие на своих собраниях, проводившихся в первой половине 1922 г., выносили постановления о коллективном вступлении в союз. Из Бежицы местная организация Союза металлистов телеграфировала в ВЦСПС: «Всем металлистам России. Общее собрание рабочих и служащих государственных брянских заводов в количестве 6 тыс. человек, вступив 4 мая коллективно в союз, обращается ко всем металлистам России с горячим призывом входить коллективно во Всероссийский союз металлистов»[74].

---

[73] «КПСС в резолюциях...», ч. I, стр. 611.
[74] ЦГАОР и СС, ф. 5469, оп. 6, д. 66, л. 9.

Общее собрание рабочих и служащих 1-го Государственного сельскохозяйственного машиностроительного завода 22 мая отметило необходимость полной сплоченности и единства рядов рабочего класса и единогласно подтвердило свое членство в Союзе металлистов [75]. Общее собрание металлистов Твери 30 мая постановило: «Добровольно остаться членами профсоюза металлистов» [76]. Екатеринославский райком Союза металлистов сообщал: «Кампания по добровольному членству прошла блестяще», из союза вышло только двое рабочих [77]. В Донбассе в союзе осталось 90% рабочих, не подтвердили свое членство только лица, представлявшие собой «чисто крестьянский элемент» [78]. Тульский губпрофсовет писал, что рабочие повсеместно приняли коллективное членство, ряды пролетариата сомкнулись еще теснее, выросла его сознательность [79]. В Сибири 80% горняков вступили в союз [80], в Кизеловском бассейне Урала — 75% [81].

Таким образом, рабочий класс единодушно проголосовал за советские профсоюзы, идейным руководителем которых была и осталась Коммунистическая партия. Отказы войти в союз являлись исключением. Отдельные вылазки меньшевиков в Москве, Сормове и других городах встречали должный отпор рабочих и не имели существенного значения.

Перестройка профсоюзов (добровольное членство, усиление демократических методов) в сочетании с другими факторами вызвала подъем их деятельности, прилив новых сил в фабрично-заводские комитеты и прочие низовые органы союзов. В 1924 г. рабочие составляли 80% членов фабрично-заводских комитетов СССР, в том числе в текстильной промышленности — 85,3%, химической — 82%, металлической — 83%. Председатели фабзавкомов почти все были рабочими [82].

Участие рабочих в деятельности фабрично-заводских комитетов имело большое значение для воспитания будущих хозяйственных руководителей. Именно здесь, на низовой профсоюзной работе, в производственных совещаниях и комиссиях, они приобрели первые навыки управления социалистической промышленностью.

Затем они поднимались выше, становились руководителями уездных и губернских отделов, а затем и центральных комитетов профсоюзов. Ко времени XIII съезда партии среди председателей губернских советов профсоюзов рабочих был 61%, сре-

---

[75] ЦГАОР и СС, ф. 5469, оп. 6, д. 52, л. 17.
[76] Там же, д. 53, л. 73.
[77] Там же, д. 66, л. 19.
[78] «Горнорабочий», 1922, № 13, стр. 52.
[79] ЦПА ИМЛ, ф. 17, оп. 4, д. 1000, л. 13.
[80] ЦГАОР и СС, ф. 5459, оп. 3, д. 9, л. 18.
[81] Там же, д. 55, л. 25.
[82] «Руководящие кадры РКП(б) и их распределение», стр. 64.

ди председателей губернских отделов союзов — 70%. Значительная часть этих профработников состояла из коммунистов с дореволюционным партийным стажем [83]. Удельный вес рабочих в составе ЦК союзов виден из следующих данных (на 1 января 1924 г.) [84]:

	Всего	В т. ч. рабочих	
		абс.	%
Председатель ЦК союза	23	16	69,5
Заведующий отделом ЦК союза . . .	70	38	54,2
Член ЦК союза	389	278	71,4

Рабочие выдвинули талантливых руководителей профессионального движения. ЦК Союза металлистов в то время возглавлял рабочий-металлист И. И. Лепсе. Во главе ЦК союза текстильщиков стоял рабочий И. И. Кутузов. Талантливым организатором Союза горняков был Ф. А. Сергеев (Артем), безвременно погибший в июле 1921 г. Бывший токарь Самарского трубочного завода Н. М. Шверник руководил самым крупным в стране Донецким райкомом профсоюза металлистов.

Профсоюзы были школой хозяйствования и управления. Эта практическая школа готовила десятки тысяч руководителей и организаторов хозяйственного аппарата. Огромное количество работников, которые были назначены в совнархозы, тресты, заводоуправления, различные коллегии и прочие органы руководства хозяйством, почти целиком вышло из профсоюзов.

В 1923/24 и 1924/25 гг. профсоюзы выдвинули на различные административные и хозяйственные должности 1881 рабочего и служащего, в том числе [84а]:

металлистов	559
текстильщиков	181
пищевиков	189
кожевников	160
химиков	201
печатников	175

Среди выдвинутых были также швейники, горнорабочие, строители, деревообделочники, железнодорожники, советские служащие, медики, работники народной связи и т. д. Профессии их были разнообразны. Тут были токаря и слесаря, столяры и маляры, плотники, механики, портные, наборщики, вагоно-

[83] Там же, стр. 61.

[84] «Профессиональные союзы СССР, 1922—1924 гг. Отчет ВЦСПС к VI съезду профсоюзов». М., 1924, стр. 30, 31.

[84а] ЦГАОР и СС, ф. 5451, оп. 9, д. 329, лл. 56, 57.

вожатые, пожарники, сапожники, мукомолы, грузчики, прядильщики с солидным производственным стажем. В составе выдвиженцев было 259 женщин.

Рабочие назначались на руководящие посты в промышленность, кооперацию, коммунальное хозяйство, органы здравоохранения и финансов, инспекцию труда, РКИ, прокуратуру и т. д. Значительная часть из них стали мастерами, их помощниками и бригадирами. Немало рабочих было послано руководить заводами или отдельными цехами и мастерскими. Так, в Амурской губернии (Благовещенск) рабочий Жидких стал заведовать мельницей, слесарь Зубок — складом, переплетчик Филонов — руководить типографией, помощник машиниста Орлянский был назначен инспектором РКИ, служащий Кувшинов — народным судьей. В Вологодской губернии слесарь С. А. Васильев был назначен помощником прокурора, молотобоец Г. И. Назаров — заведующим совхозом. В Царицынской губернии на должности директоров промышленных предприятий профсоюзы выдвинули 31 человека[84б].

Выдвижение рабочих от станка на ответственные посты не решало полностью задачи управления страной. Для того чтобы строить новое, социалистическое государство, руководить развитием производительных сил, создавать новую культуру, необходимы были высокообразованные специалисты. Рабочий класс должен был подготовить из своей среды и из среды трудящихся крестьян тысячи и десятки тысяч руководителей государственных учреждений и предприятий, инженеров и техников, педагогов и экономистов, писателей и художников, музыкантов и ученых. Единственный путь к этому лежал через высшую школу.

Для подготовки рабочих в вузы были открыты рабочие факультеты, на которых в 1924/25 г. училось 31 664 студента[85], в большинстве своем индустриальные рабочие, батраки, бедняки-крестьяне. Рабочие факультеты позволили людям от станка и сохи подняться к высшему образованию.

До установления Советской власти в высшей школе учились преимущественно дети буржуазии, крупных землевладельцев, духовенства и буржуазной интеллигенции. Представителям трудящихся попасть туда было почти невозможно. За годы Советской власти студенчество быстро демократизировалось. В 1926 г. в его составе преобладали рабочие (27%) и крестьяне (35%)[86].

В Советской стране создавалась рабочая и крестьянская интеллигенция, без которой невозможно длительное существование пролетарской диктатуры. Одновременно шло перевоспитание старых специалистов. Лучшие из них безоговорочно отдавали свои силы делу экономического и культурного подъема Советской страны.

[84б] ЦГАОР и СС, ф. 5451, оп. 9, д. 329, лл. 9, 22—25, 93.
[85] «Народное просвещение», 1929, № 3-4, стр. 165.
[86] «Статистическое обозрение», 1927, № 5, стр. 72, 73.

Доблестный труд рабочего класса и хозяйственная активность крестьянства приносили свои плоды: оживала промышленность, восстанавливались земледелие и животноводство, улучшалось материальное положение населения в городе и деревне. По всей стране происходило культурное строительство. Все это положительно влияло на сознание служащих, городского и сельского учительства, медицинских работников, инженеров и техников, работников искусства, литературы и науки.

Перевоспитание буржуазной интеллигенции являлось огромным достижением пролетарской диктатуры. Правда, в восстановительный период эта проблема не была решена полностью. Некоторые группы инженеров, ученых, писателей и т. д. были настроены «сменовеховски» и еще надеялись на возврат капитализма. Тем не менее подавляющая масса работников умственного труда работала по заданиям Советского правительства и служила делу пролетариата. Значительная часть интеллигенции решительно повернула в сторону рабоче-крестьянской власти и вместе со всеми трудящимися сознательно строила новое общество.

В октябре 1924 г. состоялся II Всесоюзный съезд врачей, который заявил о неразрывности своих интересов с рабочим классом и Коммунистической партией [87]. В январе 1925 г. проходил I Всесоюзный учительский съезд. В своем обращении «К учительству всех стран» он писал: «Мы, учителя СССР, ныне крепко спаяны с рабочим классом и крестьянством нашей страны: их дело стало нашим делом, их борьба — нашей борьбой. Советская власть — наша власть. Коммунистическая партия — наша партия» [88]. Это было признание интеллигенцией диктатуры пролетариата, признание того, что рабочий класс и его партия ведут правильную политику, что эта политика отвечает сокровенным чаяниям народных масс и что она увенчалась полным успехом.

Творческая и передовая роль рабочего класса проявилась также в развитии и укреплении союза с трудовым крестьянством.

Политическая обстановка в деревне в 1924—1925 гг. была очень сложной. Кулачество, укрепив свои хозяйственные позиции, стремилось подчинить себе основную группу деревни — середняков. Последние в некоторых районах страны выражали недовольство налогами и колебались в сторону зажиточной части села. Бедняцкая группа крестьянства, испытывавшая большие хозяйственные трудности, была плохо организована и беспощадно эксплуатировалась деревенской буржуазией. Между кулачеством и беднотой шла острая классовая борьба. Кулаки пытались застращать, а частью и уничтожить передовых борцов за новую, советскую деревню. В ряде районов СССР произошли убийства селькоров, председателей сельсоветов и других вожаков полупролетарских и пролетарских слоев деревенского населения.

[87] «Правда», 24 октября 1924 г.
[88] «Учительская газета», 18 января 1925 г.